

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«ШЕСТЕРКА ВОРОНОВ»

Империя Буря

ЛИ БАРДУГО

ГришиВерс

Ли Бардуго
Штурм и буря

«АСТ»

2013

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-4

Бардуго Л.

Штурм и буря / Л. Бардуго — «АСТ», 2013 — (ГришиВерс)

ISBN 978-5-17-108603-9

Сбежав из Равки, Алина и Мал добираются до берегов чужой страны. Они надеются начать новую жизнь в дальних краях, где их никто не знает, но сохранить инкогнито заклинательнице Солнца не так-то просто... Тень зловещего корсара преследует Алину. Тьма сгущается. Девушке не спрятаться ни от своего прошлого, ни от судьбы: ей придется принять ее вызов. Она рискует потерять все в надвигающейся буре. Только любовь может направить ее на правильный путь.

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-4

ISBN 978-5-17-108603-9

© Бардуго Л., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	27
ГЛАВА 4	35
ГЛАВА 5	40
ГЛАВА 6	49
ГЛАВА 7	54
ГЛАВА 8	62
ГЛАВА 9	70
ГЛАВА 10	77
ГЛАВА 11	86
ГЛАВА 12	97
ГЛАВА 13	105
ГЛАВА 14	112
ГЛАВА 15	121
ГЛАВА 16	127
ГЛАВА 17	135
ГЛАВА 18	143
ГЛАВА 19	152
ГЛАВА 20	162
ГЛАВА 21	169
ГЛАВА 22	176
ГЛАВА 23	185
ЭПИЛОГ	195
Благодарности	197

Ли Бардуго

Штурм и буря

Leigh Bardugo
SIEGE AND STORM

Печатается с разрешения New Leaf и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © 2013 by Leigh Bardugo

© А. Харченко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Посвящается моей матери,
которая верила даже тогда,
когда не верила я сама.*

ПРОЛОГ

Задолго до того, как мальчик и девочка увидели Истиноморе собственными глазами, они мечтали о кораблях. О них слагали сказки – волшебные сооружения с мачтами, вытесанными из сладкого кедра, и парусами, расшитыми золотом. Моряками выступали белые мышки, которые пели песни и драили палубу розовыми хвостиками.

«Ферхадер» не был волшебным кораблем. Это керчийское торговое судно, набитое доверху патокой и просом. На нем воняло немытыми телами матросов и сырым луком, который, по убеждениям, должен был уберечь команду от цинги. Экипаж плевался, ругался и играл в карты на бутылку огненного рома. Хлеб, который выдали мальчику и девочке, кишел мучными долгоносиками, а их крохотную каюту, больше похожую на шкаф, приходилось делить еще с двумя пассажирами и бочкой засоленной трески.

Но они не возражали. Вскоре они привыкли к ежечасному звону колокола, крикам чаек и неразборчивой керчийской речи. Корабль стал их королевством, а море – огромным рвом, отделяющим их от врагов.

Мальчик освоился на борту судна так же легко, как привыкал ко всему в жизни. Он научился завязывать узлы и зашивать паруса, а когда его раны зажили, тут же приступил к работе на равных с экипажем. Отказался от обуви и бесстрашно взбирался по такелажу. Матросы диву давались, как он умудрялся обнаруживать дельфинов, стаю скатов или же косяк полосатых тигровых рыбок, или тому, как он чувствовал место, откуда через секунду появится широкая, гладкая спина кита. Они клялись, что стали бы богачами, будь у них хоть толика его удачи.

Девочка же их тревожила.

На третий день плавания капитан попросил ее не покидать трюм без крайней необходимости. Виной тому, по его словам, были предрассудки команды, считавшей, что женщина на корабле приносит неудачу. Так-то оно так, но матросы, может, и обрадовались бы девице-хохотушке, которая сыпала бы искрометными шутками и играла на дудочке.

Эта же девочка могла часами неподвижно и молча стоять у перил, вцепившись в шарф на шее, как окаменевшая статуя или галейная фигура, вырезанная из белого дерева. Эта девочка кричала во сне и будила мужчин, дремлющих на вахте на фок-мачте.

Посему ей приходилось коротать дни в темном чреве судна. От безделья она пересчитывала бочки с патокой и изучала капитанские карты. Ночами она укрывалась в надежных объятиях мальчика, пока они вместе стояли на палубе, высматривая созвездия в огромном океане звезд: Охотник, Ученый, Три Глупых Сына, яркие спицы Прялки, Южный Дворец с шестью кривоватыми шпильями.

Она пыталась задержать мальчика подольше насколько могла, рассказывая истории и задавая много вопросов, потому что точно знала: если они пойдут спать, ей приснятся кошмары. Иногда ей снились разбитые скифы с черными парусами и скользкими от крови палубами, а в темноте раздавались отчаянные крики людей. Но худшими были сны о бледном принце, припадавшем губами к ее шее. Он сжимал руками ошейник на ее горле и зывал к ее силе во вспышке яркого солнечного света.

После такого сна она просыпалась в холодном поту, тело вибрировало от силы, а ощущение света еще теплилось на коже.

Мальчик прижимал ее крепче и нашептывал убаюкивающие слова.

– Это всего лишь кошмар, – бормотал он. – Скоро они прекратятся.

Он не понимал. Сны были единственным местом, где она могла без боязни использовать свои способности. Она жаждала их.

* * *

В день, когда «Ферхадер» достиг суши, мальчик и девочка стояли у перил и смотрели, как приближается берег Нового Зема.

Они дрейфовали в гавани сквозь лес обветренных мачт и подвязанных парусов. Здесь были и изящные шлюпки, и маленькие джонки со скалистых берегов Шухана, и военные корабли, и прогулочные шхуны, и торговые суда, и даже фьерданские китобои! Раздутая каторжная галера, плывущая к Южным Колониям, вывесила красное знамя, предупреждающее об убийцах на корабле. Когда они проплывали мимо, девочка могла поклясться, что слышала звон цепей.

«Ферхадер» пришвартовался и спустил сходни. Докеры обменялись приветствиями с экипажем, затащили канаты и подготовили груз.

Мальчик и девочка окинули взглядом толпу на пристани, высматривая, не мелькнет ли где красный кафтан сердцебита или синий – заклинателя, не блеснет ли где на солнце металл ружей равкианцев.

Время пришло. Мальчик крепко взял девочку за руку. Его ладонь была грубой и мозолистой от многих дней труда на корабле. Когда их ноги коснулись деревянного причала, земля словно ожила и забугрилась – результат долгого плавания.

Матросы расхохотались и крикнули им вслед:

– *Фаарвел, фентомен!*

Мальчик и девочка двинулись вперед и сделали первые неловкие шажки в новом мире.

«*Прошу*, – мысленно молилась девочка всем святым, которые только могли ее услышать, – *позвольте нам обрести здесь покой. Позвольте нам обрести дом*».

ГЛАВА 1

Вот уже две недели, как мы жили в Кофтоне, а я все никак не могла освоиться на новом месте. Городок располагался в глубине материка: западнее побережья Нового Зема и очень далеко от гавани, где мы сошли на берег. Вскоре мы двинемся дальше, углубляясь в дебри приграничных территорий Зема. Может, хоть там я почувствую себя в безопасности.

Я сверилась с небольшой, наспех нарисованной картой и проследила свой путь. Каждый день после работы мы с Малом встречались на уговоренном месте, чтобы вдвоем прогуляться до пансиона, но сегодня я умудрилась полностью сбиться с маршрута, отправившись за съестным нам на ужин. Пирожки с телятиной и капустой, которыми был набит мой рюкзак, распространяли очень своеобразный аромат. Владелец лавки уверял, что эта еда – местный деликатес, в чем я очень сомневалась. С другой стороны, какая разница? В последнее время для меня любая пища отдавала пеплом.

В Кофтон мы перебрались в надежде найти заработок, который покроет наши расходы на поездку на запад. Здесь обосновался главный рынок юрды, окруженный плантациями с маленькими оранжевыми цветами, которые люди жевали бушелями. В Равке этот стимулятор считался большой роскошью, но некоторые из матросов на «Ферхадере» применяли его, чтобы не уснуть во время ночной смены. Земенцы предпочитали удерживать высушенные цветы между губой и десной, и даже женщины носили юрду в расшитых мешочках, прикрепленных на запястье. В каждой витрине рекламировалась своя торговая марка: «Ярколист», «Тень», «Дока», «Дюжий». Я увидела, как девушка в красивой юбке наклонилась и сплюнула сок ржавого цвета прямо в медную плевательницу, которые стояли у каждого магазина. Меня передернуло от отвращения. Вряд ли я когда-нибудь привыкну к этому земенскому обычаю.

Я свернула на главную улицу и вздохнула с облегчением. По крайней мере теперь я знала, где нахожусь. Кофтон все еще казался мне чем-то нереальным. Было в нем что-то незавершенное. Большинство улочек были немощеными, а здания с плоскими крышами и хлипкими деревянными стенами выглядели так, будто они могут рухнуть в любую минуту. Хотя все они имели застекленные окна. Женщины одевались в бархат и кружева. Вместо винтовок, ножей и оловянных кастрюль витрины магазинов пестрили сладостями, всяческими безделушками и пышными нарядами на любой вкус. Здесь даже нищие не ходили босыми. Так и должна выглядеть страна в невоенное время.

Проходя мимо трактира, уголком глаза я заметила вспышку красного. Корпорялы! Я попятилась и мгновенно вжалась в темный проход между двумя зданиями. Сердце колотилось, а рука потянулась к пистолету на бедре.

«Сперва кинжал, – напомнила я себе, извлекая лезвие из рукава. – Попробуй не привлечь лишнего внимания. Если придется, используй пистолет. Силу – только в крайнем случае». Уже в который раз я затосковала по фабрикатским перчаткам, которые пришлось оставить в Равке. В них были вшиты зеркала, что позволяло мне с легкостью ослеплять противников в рукопашном бою – неплохая альтернатива разрезу, который разделял человека пополам. Но если меня заметит сердцебит, у меня не останется выбора. Они были любимыми солдатами Дарклинга и могли остановить мое сердце или придавить мои легкие безо всяких усилий.

Я выжидала, крепко вцепившись в рукоять кинжала, а затем все же осмелилась выглянуть из-за стены. Я увидела тележку, доверху нагруженную бочками. Возница остановился поболтать с какой-то женщиной, а ее дочка нетерпеливо пританцовывала рядом, кружась в развевающейся красной юбке.

Просто маленькая девочка. Ни одного корпоряла поблизости. Я снова скрылась за зданием и сделала глубокий вдох, чтобы успокоить нервы.

«Когда-нибудь все изменится, – внушала я себе. – Чем дольше ты на свободе, тем легче тебе становится».

Когда-нибудь я проснусь после сна без кошмаров и выйду на улицу без опаски. А пока – буду держать кинжал при себе. Тяжесть стали гришей придавала мне уверенности.

Я продолжила свой путь по оживленной улице и, ухватившись за шарф на шее, крепче затянула его. Это стало чем-то вроде нервного тика. Шарф скрывал ошейник Морозова – самый мощный усилитель на свете и мой единственный опознавательный знак. Без него я просто очередная грязная, голодающая равкианская беженка.

Я пока не придумала, что делать, когда потеплеет. Летом вязаные шарфы и пальто с поднятым воротником будут смотреться не к месту. Оставалось надеяться, что к тому времени мы с Малом окажемся вдали от суетливых городов и нежелательных вопросов. Впервые с нашего побега из Равки мы будем сами по себе. От этой мысли меня охватила нервная дрожь.

Я перешла улицу, уклоняясь от повозок и лошадей, всматриваясь в толпу, ожидая в любую секунду увидеть настигающий меня отряд гришей и опричников. А может, это будут шуханские наемники или фьерданские охотники, или солдаты короля. Или даже сам Дарклинг. Столько людей ведут на нас охоту! *«Охоту на тебя»*, – исправилась я. Если бы не я, Мал все еще был бы следопытом Первой армии, а не дезертиром.

В голове вспыхнуло непрошеное воспоминание: черные волосы, аспидные глаза, ликующее лицо Дарклинга, когда он выпустил на свободу все силы Каньона. Прежде чем я вырвала эту победу у него из рук.

Вести быстро доходили до Нового Зема, но среди них не было ни одной утешительной. Ходили слухи, что каким-то образом Дарклингу удалось пережить битву в Каньоне, и теперь он залег на дно, дабы собрать армию и снова попытаться захватить равкианский престол. Я не хотела этому верить, но прекрасно понимала, что Дарклинга нельзя недооценивать. Другие сплетни были не менее тревожными: мрак начал распространяться за границы Каньона, заставляя жителей ближайших земель бежать на запад и восток, а еще появился культ святой, которая может заклинать солнце. Мне не хотелось думать об этом. У нас с Малом новая жизнь. Равка осталась позади.

Я ускорила шаг и вышла на площадь, где мы встречались каждый вечер. И заприметила Мала: облокотившись о фонтан, он болтал с земенским коллегой со склада. Никак не вспомню его имя... Джеп? Может, Джеф?

Фонтан наполнялся водой из четырех огромных кранов, и функция у него была скорее практическая, нежели декоративная – сюда приходили девушки и служанки, чтобы постирать одежду. Однако ни одна из них не уделяла необходимого внимания стирке. Все открыто глязели на Мала. Их можно понять – его волосы, подстриженные на военный манер, отросли и начали виться у шеи. Брызги от фонтана намочили рубашку, и та прилипла к бронзовой коже, загоревшей за многие дни в море. Он запрокинул голову и засмеялся в ответ на фразу товарища, не обращая внимания на кокетливые улыбки в свою сторону.

«Он настолько к этому привык, что даже не замечает их», – с раздражением подумала я.

Увидев меня, Мал расплылся в улыбке и помахал рукой. Девушки оглянулись и обменялись недоверчивыми взглядами. Я знала, что они видели: тощую девчонку с жиденькими темно-русыми волосами, впалыми щеками и оранжевыми от расфасовки юрды пальцами. Я никогда не была писаной красавицей, а недели без использования силы наложили свой отпечаток. К тому же питалась я откровенно плохо и мало спала из-за кошмаров. На лицах прачек проступило недоумение: что у такого парня, как Мал, могло быть общего с такой девушкой, как я?

Я выпрямила спину и попыталась проигнорировать их, когда Мал закинул руку мне на плечи и прижал к себе.

– Где ты пропадала? Я уже заволновался!

– Меня подкараулила банда разъяренных медведей, – пробормотала я ему в плечо.

– Что, снова потерялась?

– Да ну, с чего ты взял?

– Ты же помнишь Джеса? – он кивнул на своего друга.

– Как поживаешь? – спросил тот на ломаном равкианском, протягивая мне руку. Его лицо выражало нарочитую серьезность.

– Спасибо, хорошо, – ответила я на земенском. Он не улыбнулся в ответ, но ласково похлопал меня по руке. Этот парень определенно какой-то странный.

Мы еще немного поболтали, но Мал заметил мое беспокойство. Мне не нравилось подолгу находиться на открытой местности. Мы попрощались, и, прежде чем уйти, Джес окинул меня еще одним мрачным взглядом и наклонился к Малу, прошептав что-то ему.

– Что он сказал? – поинтересовалась я, провожая парня взглядом через площадь.

– А? Да так, ничего. Ты знала, что у тебя брови в пыли? – он ласково смахнул ее пальцем.

– Может, так и было задумано.

– Тогда прошу прощения.

Едва мы отошли от фонтана, как одна из прачек так низко нагнулась, что ее грудь чуть не вывалилась из платья.

– Если тебе когда-нибудь надоеет возиться с этим мешком костей, – крикнула она Малу, – у меня есть чем тебя порадовать!

Я замерла. Мал оглянулся через плечо и медленно окинул девушку взглядом.

– Нет, – сухо ответил он. – Нечем.

Лицо прачки покрылось красными пятнами, а остальные захихикали и заулюлюкали, брызгая в нее водой. Я попыталась надменно вздернуть бровь, но не смогла сдержать глуповатой улыбки.

– Спасибо, – буркнула я, когда мы пересекли площадь и пошли в сторону пансиона.

– За что?

Я закатила глаза.

– За то, что отстоял мою честь, болван!

Тут он затащил меня под темный навес. На секунду я запаниковала, подумав, что Мал почуял опасность, но затем его руки обвилились вокруг моей талии, и парень прижался ко мне губами.

Когда он отстранился, мои щеки порозовели, а ноги стали ватными.

– Просто чтобы ты понимала, – произнес он. – Я не особо заинтересован в отстаивании твоей чести.

– Поняла, – выдавила я, надеясь, что мой голос звучит не слишком смешно с этой глупой, счастливой отдышкой.

– Кроме того, нужно пользоваться каждой секундой, прежде чем мы вернемся в Дыру.

«Дырой» он звал наш пансион. В нем былолюдно, грязно, а понятия «личное пространство» вообще не существовало, но зато дешево. Мал озорно ухмыльнулся и быстро влился в поток людей на улице. Несмотря на усталость, идти стало значительно легче. Никак не привыкну, что мы – пара. И снова тело пронзила приятная дрожь. На границе нам уже не мешают любопытные сожители. Мой пульс слегка ускорился – то ли от волнения, то ли от радости.

– Так что сказал Джес? – переспросила я, когда мысли перестали путаться от возбуждения.

– Что я должен хорошо о тебе заботиться.

– И все?

Мал прочистил горло.

– И... что он будет молиться Богу Труда, чтобы исцелить твой недуг.

– Недуг?!

– Возможно, я как-то упомянул в разговоре, что у тебя зоб.

Я едва не оступилась.

– Что, прости?!

– Ну что? Мне же нужно было как-то объяснить, почему ты постоянно держишься за свой шарф.

Тут я поняла, что снова неосознанно это делаю, и опустила руку, после чего недоверчиво зашептала:

– И ты сказал ему, что у меня зоб?

– Надо же было что-то придумать! К тому же, это придает тебе трагичности. Симпатичная девушка, гигантский нарост и все такое...

Я от души пихнула его кулаком.

– Ай! Между прочим, в некоторых странах зоб считается последним писком моды.

– А евнухи не считаются? А то я могу это устроить.

– Ну и кровожадная же ты!

– Это все из-за моего зоба.

Мал засмеялся, но я заметила, как его рука опустилась на пистолет. Дыра находилась в одной из наименее привлекательных частей Кофтона, а в наших карманах лежало довольно много монет – деньги, которые мы старательно собирали на новую жизнь. Еще пара дней, и у нас будет достаточно, чтобы покинуть этот город с его шумом, грязным воздухом и непрерывным страхом. Мы окажемся в безопасности в местах, где никого не волнует, что случилось с Равкой; там, где гриши считаются редкостью; и там, где никто не слышал о заклинательнице Солнца.

«И никто в ней не нуждается». От этой мысли у меня испортилось настроение, но в последнее время я не могла от нее избавиться. Чем я могу заняться в этой чужой стране? Мал умел охотиться, выслеживать зверей и превосходно владел ружьем. Единственное, что хорошо умела я, это быть гришом. Я скучала по зову света и становилась все слабее и болезненней. Пыхтела, пытаясь идти в ногу с Малом, и горбатилась под весом рюкзака. Мое тело стало настолько хрупким и неуклюжим, что я едва справлялась с должностью упаковщицы юрды на одной из плантаций. Зарабатывала, конечно, сущие гроши, но зато приносила хоть какую-то пользу. Меня преследовало то же чувство, что и в детстве: способный Мал и бесполезная Алина.

Я отмахнулась от этой мысли. Может, я больше и не заклинательница, но и не та грустная маленькая девочка. Я придумаю, как стать полезной.

Вид нашего пансиона не добавил мне оптимизма. Это двухэтажное здание отчаянно нуждалось в свежем слое краски. Рекламное объявление в окне гласило, что здесь можно принять горячую ванну и получить койку без клопов – все это на пяти разных языках. Попытав счастья как с ванной, так и с койкой, я отлично знала, что реклама лживая, как ее ни переводи. Но в компании Мала все это можно было пережить.

Мы взобрались по ступенькам на просевшее крыльцо и зашли в таверну, занимавшую почти весь первый этаж дома. По сравнению с пыльной и шумной улицей здесь было тихо и прохладно. Обычно в такое время дня из посетителей можно было встретить только нескольких рабочих, пропивающих свой дневной заработок за щербатым столом. Но сегодня зал пустовал, не считая угрюмого хозяина, стоявшего за баром.

Он был керчийским иммигрантом, и шестое чувство мне подсказывало, что он недолюбливает равкианцев. Или просто считает нас ворами. Две недели назад мы пришли сюда грязные и оборванные – без вещей, без денег, и лишь с одной золотой шпилькой. Наверняка он решил,

что мы ее украли. Тем не менее, это не помешало ему обменять шпильку на узкую койку в комнате, в которой, кроме нас, жило еще шесть человек.

Когда мы подошли к бару, мужчина стукнул ключом по стойке и молча подтолкнул его к нам. Ключ был привязан к резному кусочку куриной кости – еще один очаровательный нюанс.

На высокопарном керчийском, которого он нахватался на борту «Ферхадера», Мал попросил кувшин горячей воды для мытья.

– Дополнительный услуги, – буркнул хозяин – грузный мужчина с редеющими волосами и пожелтевшими от юрды зубами. Я также заметила, что он много потеет. День выдался не особенно жарким, но над верхней губой владельца пансиона выступали капельки пота.

Я обернулась на него, пока мы направлялись к лестнице в другой части пустой таверны. Мужчина продолжал наблюдать за нами, сложив руки на груди и прищулив свои глазки-бусинки. Было в его выражении лица что-то такое, что меня встревожило.

Я замешкалась у лестницы.

– Не нравимся мы этому парню.

Мал уже начал подниматься.

– Да, но против наших денег он ничего не имеет. А через пару дней мы навсегда покинем это место.

Я отмахнулась от плохих предчувствий. В конце концов, они преследуют меня каждый день.

– Ладно, – проворчала я и последовала за Малом. – На всякий случай, как сказать «вы придурок» на керчийском?

– *Йер вен азель.*

– Правда?

Парень рассмеялся.

– Если я чему и научился у матросов, так это ругани.

Второй этаж пансиона пребывал в еще более скверном состоянии, нежели таверна. Ковер выцвел и протерся до дыр, в тускло освещенном коридоре воняло капустой и табаком. Все двери в комнаты были закрыты, и из-за них не доносилось ни звука. Безмолвие было жутковатым. Наверное, все разбежались по своим делам.

Единственным источником света служило грязное окошко в конце коридора. Пока Мал возился с ключом, я глядела через заляпанное стекло на тележки и подводы, проезжающие мимо. На другой стороне улицы под балконом стоял мужчина, изучая здание пансиона. Он поправил ворот и рукава, словно одежда была новой и жала ему. Мы встретились взглядами, и он быстро отвел глаза.

Я почувствовала укол страха.

– Мал, – шепотом начала я.

Но было слишком поздно. Дверь распахнулась.

– Нет!

Я вскинула руки и осветила коридор каскадом света, льющим из ладоней. Вдруг кто-то грубо схватил меня и завел руки за спину. Сколько я ни брыкалась, им все равно удалось затащить меня в комнату.

– Полегче, Алина, – послышался спокойный голос откуда-то сбоку. – Мне бы очень не хотелось убивать твоего друга раньше времени.

Время будто замедлилось. Я увидела убогую комнатку с низким потолком, треснувший умывальник на ветхом столике, танцующие пылинки в тоненьком луче света, блеск лезвия, прижатого к горлу Мала. На лице его обидчика застыл знакомый оскал. Иван. Рядом стояли и другие – как мужчины, так и женщины. Все были одеты в бриджи и приталенные пиджаки, как у земенских торговцев и рабочих, но некоторые лица я узнала по Второй армии. Это были гриши.

За ними, окутанный тенью, расположившись в шатком кресле, как на троне, сидел Дарклинг.

На пару мгновений в комнате воцарилась тишина. Я слышала дыхание Мала и шарканье ног. Слышно было даже, как какой-то мужчина на улице с кем-то поздоровался. Я не могла оторвать взгляд от рук Дарклинга – от его длинных, бледных пальцев, покоящихся на подлокотниках кресла. В голове промелькнула совершенно дурацкая мысль, что я никогда не видела его в повседневной одежде.

Тут реальность происходящего обрушилась на меня. Значит, *так* все закончится? Без борьбы? Без единого выстрела или даже возгласа? Из груди вырвался всхлип, полный ярости и бессилия.

– Заберите пистолет и общите ее. – Тихо приказал Дарклинг. Я почувствовала, как исчезла приятная тяжесть оружия с моего бедра, как из чехла на запястье извлекли клинок. – Сейчас я прикажу им отпустить тебя, – обратился он ко мне, когда закончили обыск, – но знай, если посмеешь хотя бы приподнять руки, Иван прикончит следопыта. Кивни, если поняла.

Я неохотно кивнула.

Его палец дрогнул, и мужчина, державший меня, ослабил хватку. Я подалась вперед, а затем застыла в центре комнаты, сжав руки в кулаки.

Я могла разрезать Дарклинга пополам. Могла разрушить это забытое святыми здание. Но не раньше, чем Иван успеет перерезать глотку Малу.

– Как ты нас нашел? – прохрипела я.

– Вы оставили драгоценный след.

Дарклинг лениво швырнул что-то на столик. Предмет с лязгом приземлился у раковины. Я признала одну из золотых шпилек Жени, вплетенных в мои волосы много-много недель назад. Мы использовали их, чтобы оплатить поездку через Истиноморе, проезд на фургоне до Кофтона и нашу жалкую койку, отнюдь не без клопов.

Дарклинг поднялся, и по комнате пробежала волна странного трепета. Будто каждый гриш вдохнул и задержал выдох в ожидании. Я чувствовала, что от них исходит страх, и это меня насторожило. Подчиненные Дарклинга всегда относились к нему с почтением и благоговением, но это было что-то новенькое. Даже Иван выглядел так, будто ему не по себе.

Дарклинг шагнул в свет, и я увидела слабые полосы шрамов на его лице. Над ним явно поработали корпоралы-целители, но даже им не удалось полностью избавиться от следов. Волькры оставили память о себе. «*Вот и отлично*», – подумала я с мелочным злорадством. Это слабое утешение, но, по крайней мере, Дарклинг утратил свою безупречность.

Он окинул меня изучающим взглядом.

– И как тебе жизнь в бегах, Алина? Выглядишь не очень.

– Кто бы говорил.

Дело было не только в шрамах. Выглядел он достойно, несмотря на усталость, но она все равно брала свое. Под глазами обозначились темные круги, точеные скулы заострились, а щеки впали.

– Это малая плата, – сказал он, и его губы изогнулись в полуулыбке.

По моей спине пробежали мурашки.

«*За что?*»

Дарклинг протянул ко мне руку, и мне понадобилось собрать все силы, чтобы не отпрянуть. Но он всего лишь взялся за конец шарфа. Затем слабо потянул, и колючая шерстяная ткань соскользнула с моей шеи на пол.

– Вижу, ты снова взялась за старое. Выдаешь себя за ту, кем не являешься. Притворство тебе не к лицу.

Меня охватило беспокойство. Разве еще минуту назад я не думала о том же?

– Спасибо за заботу, – пробурчала я.

Дарклинг провел пальцами по ошейнику.

– Он принадлежит нам обоим, Алина.

Я отмахнулась от его руки, и со стороны гришей послышался нервный ропот.

– Тогда не стоило надевать его мне на шею, – рявкнула я. – Что тебе нужно?

Естественно, я уже знала ответ. Он хотел все – Равку, мир, могущество Каньона. Его слова не имели значения, мне просто было нужно, чтобы он продолжал говорить. Я знала, что этот момент может настать, и успела подготовиться. На сей раз я не дам ему поработить себя. Покосилась на Мала, надеясь, что он разгадал мой замысел.

– Я хотел поблагодарить тебя, – ответил Дарклинг.

Такого я не ожидала.

– Поблагодарить?

– За тот подарок, который ты мне преподнесла.

Я скользнула взглядом по шрамам на его бледном лице.

– Нет, – слабо улыбнулся он, – я не об этом. Хотя рубцы служат мне хорошим напоминанием.

– О чем? – во мне против воли начало зарождаться любопытство.

Его серые глаза ожесточились.

– Что даже самых достойных мужчин можно выставить дураками. Нет, Алина, твой подарок куда более впечатляющий.

Он отвернулся, и я осмелилась снова покоситься на Мала.

– В отличие от тебя, – продолжал Дарклинг, – мне не чужда благодарность, и я хотел бы ее выразить.

Он взмахнул руками, и комната погрузилась во тьму.

– Сейчас! – вскрикнула я.

Мал ткнул локтем Ивана. В ту же секунду я вскинула руки, и яркое сияние ослепило всех вокруг. Сосредоточилась на своей силе, собрав ее в луче чистого света. У меня была лишь одна цель. Я не собиралась оставлять Дарклинга в живых. Всмотревшись в бурлящую черноту, я попыталась найти мою мишень. Но что-то было не так.

Мне много раз доводилось видеть силу Дарклинга в действии. Но что-то изменилось. Тени быстро кружились и вились вокруг моего света, превращаясь в корчащиеся клубы чего-то жужжащего и стрекочущего, словно это рой голодных насекомых. Я пыталась оттолкнуть их своей силой, но они извивались и уклонялись, подбираясь все ближе.

Мал встал за мной. Каким-то образом ему удалось отобрать нож у Ивана.

– Держись рядом, – сказала я. Лучше попытаться удачу и проделать дыру в полу, чем просто стоять и ничего не делать. Я сосредоточилась, и мое тело завибрировало от мощи разреза. Подняла руку... и что-то вышло из мрака.

«*Это трюк*, – подумала я, когда это нечто начало к нам приближаться. – *Какая-то иллюзия*».

Существо словно вылепили из тени, его гладкое лицо было лишено всяких черт. Тело подрагивало и расплывалось, а затем вновь обретало форму: руки, ноги, длинные пальцы, заканчивающиеся слабым намеком на когти, широкая спина с крыльями, которые вздыбливались, колыхались и разворачивались черным пятном. Оно очень походило на волькру, но при этом имело очертания человека. И совершенно не боялось света. Не боялось меня.

«*Это просто уловка*, – настаивал мой запаниковавший разум. – *Это невозможно!*» Это существо перечило всему, что я знала о силе гришей. Мы не могли создавать новую материю. Не могли создать жизнь. Но существо приближалось к нам, а гриши Дарклинга жались к стенам в первобытном ужасе. Вот что их так пугало!

Я подавила страх и вновь сосредоточилась на своей силе. Затем взмахнула рукой, вызвав сияющую и неумолимую дугу света. Та пронзила монстра. На секунду мне показалось, что это

никак на него не повлияло. Но потом он покачнулся, мерцая, как облако с молнией внутри, и разлетелся на части. Только я вздохнула с облегчением, как Дарклинг развел руки и создал новое чудовище, за которым последовало еще одно и еще.

– Этим даром наградила меня ты, – сказал парень. – Даром, который я заслужил в Каньоне.

На его лице проступило отвратительное ликование от осознания собственного могущества. Но я также заметила напряжение. Что бы он ни делал, это требовало невероятных усилий.

Мы с Малом попятились к двери, монстры приближались. Внезапно один из них с поразительной скоростью рванул вперед. Мал взмахнул ножом. Тварь замерла, слегка покачнувшись, затем схватила Мала и отбросила его в сторону, как детскую куклу. Это была не иллюзия.

– Мал! – вскрикнула я.

Я создала разрез, и существо сторело дотла, но в ту же секунду на меня накинuloсь новое. Когда оно схватило меня, мое тело содрогнулось от отвращения. Его хватка вызывала ощущение, будто по моим рукам ползут тысячи насекомых.

Тварь оторвала меня от земли, и я поняла, до чего же сильно ошиблась. У нее был рот – зияющая дыра, разверзнувшаяся, чтобы показать ряд острых зубов. Они глубоко впились мне в плечо.

Такой боли я еще никогда не испытывала. Она эхом отозвалась в моем теле и умножалась с каждой секундой, разрывая плоть и царапая кости. Словно издалека, я услышала, как Мал зовет меня по имени, а после – собственный крик.

Чудище отпустило меня. Я рухнула на пол безвольным комком и осталась лежать на спине. Боль накатывала бесконечными волнами. Я видела протекший потолок, существо из теней, нависающее надо мной, бледное лицо Мала, присевшего рядом. Я видела, что его губы произносили мое имя, но не слышала ни звука. Я впадала в забытие.

Последнее, что я услышала, это голос Дарклинга – до того ясный, будто он лежал возле меня, а его губы прижимались к самому уху, нашептывая единственное слово: «Спасибо».

ГЛАВА 2

И снова тьма. Она бурлит внутри меня. Я пытаюсь нащупать свет, но он вне моей досягаемости.

– Пей.

Открываю глаза. Передо мной появляется хмурое лицо Ивана.

– Попробуй ты, – недовольно бурчит он кому-то.

Затем надо мной склоняется Женя. Выглядит она еще прекрасней, чем прежде, даже в грязном красном кафтане. Я сплю?

Она прижимает что-то к моим губам.

– Пей, Алина.

Я пытаюсь отмахнуться от чашки, но не могу пошевелить руками.

Мне зажимают нос, тем самым заставляя открыть рот. По горлу стекает что-то похожее на бульон. Я кашляю и плююсь.

– Где я? – удается мне выдавить.

Слышится еще один голос, холодный и безразличный:

– Погрузи ее обратно в сон.

* * *

Я сижу в телеге, которую везет пони, возвращаюсь домой из деревни с Аной Куей. Ее костлявый локоть впивается мне в ребра, пока мы подпрыгиваем на кочках по дороге в Керамзин. Мал сидит по другую сторону от нее, смеется и показывает на все, что попадает на глаза.

Пухлый маленький пони вяло взбирается на последний холм, потряхивая мохнатой гривой. На полпути мы проезжаем мимо мужчины и женщины. Мужчина насвистывает и помахивает тростью в такт мелодии. Женщина плетется за ним, ее голова опущена, а к спине привязан мешок с солью.

– Они очень бедные? – спрашиваю я Ану Кую.

– Не то чтобы очень...

– Тогда почему он не купит осла?

– Он ему не нужен. У него есть жена.

– Я женюсь на Алине! – заявляет Мал.

Наша повозка обгоняет пару. Мужчина снимает козырек и отвечает нам шутливый поклон.

Мал улыбается и радостно машет ему, чуть не падая с сиденья.

Я оглядываюсь через плечо, вытягивая шею, чтобы посмотреть на женщину, бредущую за своим мужем. Она юна, но глаза у нее как у старухи.

Ана Куя все замечает.

– Вот что случается с крестьянками, которым не перепало от щедрот князя. Поэтому будь благодарна и вспоминай его в каждой ночной молитве.

* * *

Звон цепей.

Обеспокоенное лицо Жени.

– Если мы продолжим в том же духе, это плохо закончится.

– Не указывай, как мне делать мою работу! – огрызается Иван.
Дарклинг, одетый в черное, стоит в тени. Я чувствую под собой ритмичное покачивание моря. Внезапно я понимаю – и эта мысль ужасает меня: мы на корабле!
Пожалуйста, пусть это будет сон.

* * *

Я снова на пути в Керамзин, наблюдаю за опущенной головой пони, пока он тащит нас на холм. Когда я оглядываюсь, у девушки, согнувшейся под грузом мешка с солью, мое лицо. Вместо Аны Куи в тележке сидит Багра:

– Вол чувствует груз ярма на шее, – говорит она, – но чувствует ли птица вес своих крыльев?

Ее глаза угольно-черные. Будь благодарна, говорят они. Будь благодарна. Багра бьет возжжсами.

* * *

– Пей.
Снова бульон. На сей раз я не противлюсь. Не хочу снова подавиться. Падаю обратно на подушку, мои веки опускаются. Меня клонит в сон – я слишком слабая, чтобы бороться.
На щеку ложится чья-то рука.
– Мал, – хриплю я.
Руку убирают.
Пустота.

* * *

– Проснись, – на этот раз я не узнаю голос. – Разбуди ее.
Мои веки, вздрагивая, открываются. Я все еще сплю? Надо мной нависает парень: рыжие волосы, сломанный нос. Он напоминает мне слишком умного лиса, очередного персонажа из сказок Аны Куи: достаточно сообразительного, чтобы выбраться из первой ловушки, но слишком глупого, чтобы понять, что ему не избежать второй. За ним стоит еще один парень, и он огромен – таких великанов я в жизни не видела. Разрез его золотистых глаз выдает в нем шуханца.

– Алина, – зовет лис. Откуда он знает мое имя?
Дверь открывается, и я вижу еще одну незнакомку – девушку с короткими черными волосами и такими же золотыми глазами, как у великана.
– Они идут, – предупреждает она.
Лис ругается.
– Усыпи ее.
Великан подходит ближе. Меня снова охватывает тьма.
– Нет, пожалуйста...
Слишком поздно. Я в ее лапах.

* * *

Я девушка, взбирающаяся на холм. Мои сапоги хлюпают в грязи, а спина ноет от тяжести соли. Стоит мне подумать, что на следующий шаг уже нет сил, как меня отрывает от

земли. Мешок сползает с плеч и падает на дорогу, рассыпая свое содержимое. Я лечу – выше, выше. Подо мной виднеется повозка, запряженная пони с тремя седоками, смотрящими на меня с раззявленными ртами. Я вижу, как моя тень пролетает над ними, над дорогой, над бесплодным зимним полем. Вижу темное очертание девушки, поднимающейся ввысь с помощью размашистых крыльев.

* * *

Придя в сознание, первым делом я почувствовала покачивание корабля и услышала скрип такелажа, а также шлепки воды о корпус.

Попыталась перевернуться, но плечо пронзил укол боли. Я ахнула и резко села. Глаза распахнулись, сердце забилося чаще, сон как рукой сняло. По мне прокатилась волна тошноты, и я часто заморгала, чтобы избавиться от звездочек в глазах. Я лежала на узкой койке в чистенькой каюте. Через бортовой иллюминатор проникал дневной свет.

На краю койки сидела Женя. Значит, она мне не приснилась. Или я и сейчас сплю? Встряхнула головой, чтобы привести себя в чувство, и была награждена новым приступом тошноты. Ее усиливал неприятный запах в каюте. Я заставила себя вдохнуть полной грудью.

На Жене был красный кафтан с нашитыми синими лентами – такой комбинации я прежде не видела ни на одном грише. Одежда испачкалась и слегка износилась, но зато волосы девушки были уложены безупречными завитками, и выглядела она роскошней любой королевы. Женя поднесла к моим губам железную кружку.

– Пей.

– Что это? – настороженно поинтересовалась я.

– Обычная вода.

Я попыталась забрать у нее кружку и вдруг осознала, что мои запястья в кандалах. Неловко подняла руки. У воды был металлический привкус, но во рту так пересохло, что мне было все равно. Закашлялась, но продолжила пить с той же жадностью.

– Медленней, – предупредила Женя, убирая волосы с моего лица, – или тебе станет плохо.

– Как долго? – спросила я, косясь на Ивана, прислонившегося к двери и наблюдающего за мной. – Как долго я была в отключке?

– Чуть больше недели.

– *Недели?!*

Меня охватила паника. Целую неделю Иван замедлял мое сердцебиение, чтобы я оставалась без сознания.

Я встала на ноги, и кровь прилила к голове. Если бы Женя меня не поддержала, я бы точно упала. Поборов головокружение и сбросив ее руку, я поплелась к иллюминатору, чтобы выглянуть в запотевший кружочек стекла. Ничего. Ничего, кроме синего моря. Ни гавани. Ни побережья. Новый Зем давно остался позади. Я попыталась справиться с подступившими слезами.

– Где Мал?

Мне никто не ответил. Я обернулась и настойчиво повторила вопрос, обратившись к Ивану:

– Где он?

– Дарклинг хочет тебя видеть. Тебе хватит сил дойти, или мне придется нести тебя?

– Дай ей минутку, – отозвалась Женя. – Пусть хотя бы поест и умоется.

– Нет. Ведите меня к нему.

Женя нахмурилась.

– Я в порядке.

На самом деле я чувствовала себя слабой и была напугана, но не собиралась и дальше валяться в койке. Мне нужны ответы, а не еда.

Когда мы вышли из каюты, нас обдала волна зловония. Не обычного запаха в трюме, – рыбы и немытых тел, который я помнила с нашего рейса на борту «Ферхадера», – а нечто более омерзительное. Я поперхнулась и прикрыла рот. Хорошо, что мне так и не удалось поесть.

– Что это за вонь?

– Кровь, кости, перетопленная ворвань, – ответил Иван. Значит, мы на китобойном судне. – Ничего, привыкнешь.

– *Сам* привыкай, – отчеканила Женя, морща носик.

Они повели меня к люку на верхнюю палубу. Иван поднялся по лестнице, и я поспешно полезла за ним, желая поскорее выбраться из темных недр корабля и сбежать от гнилостного зловония. Забираться наверх, будучи в кандалах, задача не из легких, и вскоре Иван потерял терпение. Он схватил меня за запястья и закинул на палубу. Я сделала пару глубоких глотков воздуха и часто заморгала от яркого солнца.

Судно мчалось на всех парусах, ведомое тремя шквальными гришами, которые стояли у мачт с воздетыми руками. Их синие кафтаны раздувались от ветра и бились вокруг ног. Эфиреалы – Орден заклинателей. Еще пару месяцев назад я была одной из них.

Экипаж носил одежду из грубой шерстяной пряжи и ходил босиком – для лучшего сцепления со скользкой палубой. «*Без униформы*», – подметила я. Значит, они не военные. Оппонентальных цветов на корабле я не заметила.

Гришей Дарклинга было легко отличить от экипажа, и не только из-за ярких кафтанов: они празднично стояли у перил, болтали и смотрели в море, в то время как матросы работали. Я даже увидела фабрикатршу в фиолетовом кафтане, читавшую книгу облокотившись на катушку с канатом.

Когда мы прошли мимо двух огромных чугунных котлов, встроенных в палубу, я учуяла свирепый аромат, знакомый по трюму.

– Котлы для вытапливания китового сала, – пояснила Женя. – В этом плавании ими еще не пользовались, но запах никогда не выветривается.

Все гриши и члены экипажа обернулись, чтобы поглазеть, как меня ведут. Когда мы проходили под бизань-мачтой, я подняла голову и увидела темноволосых парня и девушку из моего сна. Они сидели на такелаже, как две хищные птицы, и наблюдали за нами своими одинаковыми золотистыми глазами.

Значит, это был вовсе не сон. Они заходили в мою каюту.

Иван привел меня к носу корабля, где ждал Дарклинг. Он стоял к нам спиной и смотрел поверх бушприта на голубой горизонт. Черный кафтан развевался вокруг него, как чернильное военное знамя.

Женя и Иван поклонились и оставили нас наедине.

– Где Мал? – прохрипела я.

Дарклинг, не оборачиваясь, покачал головой.

– Ты очень предсказуема.

– Прости, что прискучила тебе. Так где он?

– С чего ты взяла, что он жив?

Мой желудок скрутило.

– Потому что я тебя знаю, – сказала я с уверенностью, которой на самом деле не ощущала.

– Но если бы это была правда? Что бы ты сделала, бросилась в море?

– Только вместе с тобой. Где он?

– Посмотри назад.

Я развернулась. На другом конце палубы, за узлами веревок и такелажа, стоял Мал. Его охраняли два корпориаала, но все его внимание было сосредоточено на мне. Он ждал, пока я обернусь. Я шагнула вперед, но Дарклинг схватил меня за руку.

– Ни шагу дальше.

– Позволь мне поговорить с ним, – взмолилась я. Мне самой было противно от отчаяния в моем голосе.

– Вот уж нет. У вас двоих есть вредная привычка творить глупости и называть это героизмом.

Дарклинг поднял руку, и стражи начали уводить Мала.

– Алина! – крикнул он, а затем закричал, когда корпориаал ударил его по лицу.

– Мал! – взвизгнула я. Он сопротивлялся, но его упорно вели в трюм. – Мал!

Я вырвалась из рук Дарклинга, мой голос звучал сдавленно от ярости:

– Если ты тронешь его...

– Я не собираюсь вредить ему, – перебил он. – По крайней мере, до тех пор, пока от него есть польза.

– Если ты хоть пальцем его тронешь...

– Сейчас он в безопасности, Алина. Но не испытывай мое терпение. Если один из вас перешагнет границу дозволенного, второй пострадает. Его я тоже об этом предупредил.

Я закрыла глаза, пытаясь подавить ярость и чувство безнадежности. Мы вернулись к тому, с чего начинали. Я кротко кивнула.

Дарклинг вновь покачал головой.

– До чего же с вами просто! Я уколою его, а истечешь кровью ты.

– И тебе это непонятно, не так ли?

Он протянул руку и постучал по ошейнику Морозова, позволив пальцам дотронуться до кожи на моей шее. Даже это легчайшее касание открыло между нами связь, и поток силы завибрировал в моем теле, как колокольчик, по которому ударили.

– Я понимаю достаточно, – тихо произнес он.

– Я хочу его видеть, – упорствовала я. – Каждый день. Чтобы убедиться в его безопасности.

– Конечно. Я не жесток, Алина. Просто предусмотрителен.

Я едва не расхохоталась.

– Поэтому ты натравил на меня одного из своих монстров?

– Не поэтому, – произнес он, пристально глядя мне в глаза. Затем покосился на мое плечо. – Болит?

– Нет, – соврала я.

Его губы расплылись в слабом намеке на улыбку.

– Станет легче. Но рана никогда не заживет до конца. Даже с помощью силы гришей.

– Эти твари...

– *Ничегои*.

Меня передернуло от воспоминания о клокочущих звуках, которые они издавали, и о зияющих дырах на месте их ртов. Плечо начало пульсировать.

– Что они такое?

Уголки его губ приподнялись. Светлые следы от шрамов на его лице были едва заметны, словно призрачно проступающая карта. Один находился в опасной близости к правому глазу. Еще чуть-чуть, и он бы его потерял. Дарклинг коснулся рукой моей щеки, его голос звучал почти ласково, когда он прошептал:

– Они – всего лишь начало.

И затем оставил меня одну стоять на носу корабля. Кожа все еще жила его касанием, голова наполнилась вопросами.

Прежде чем я успела начать разбираться в них, передо мной возник Иван и потащил меня обратно по главной палубе.

– Помедленнее! – возмутилась я, но он лишь в очередной раз дернул меня за рукав. Я споткнулась и полетела вперед. Колени больно ударились об палубу, и я едва успела подставить закованные руки, чтобы приостановить падение. Я поморщилась, почувствовав входящую в ладонь занозу.

– Пошевеливайся, – приказал Иван. Я с трудом поднялась на колени. Он пнул меня носком ботинка, и, потеряв равновесие, я снова с глухим ударом повалилась на палубу. – Я сказал, *пошевеливайся!*

Затем меня подхватила чья-то огромная рука и аккуратно поставила на ноги. Обернувшись, я с удивлением увидела великана и черноволосую девушку.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Это вас не касается, – сердито прорычал Иван.

– Она – пленница Штурмхонда, – ответила девушка. – И обращаться с ней нужно соответственно.

Штурмхонд. Знакомое имя. Значит, это его корабль? И экипаж? О нем поговаривали на «Ферхадере». Он – равкианский корсар и контрабандист, печально известный тем, что провал блокадное кольцо фьерданцев, а также своим баснословным состоянием, заработанным поимкой вражеских кораблей. Но плавал он не под флагом с двуглавым орлом.

– Она – пленница *Дарклинга*, – возразил Иван, – и предательница.

– На суше, может, и так, – парировала девушка.

Иван пробормотал что-то на шуханском, но я ничего не поняла. Великан просто рассмеялся.

– Ты говоришь по-шухански, как турист.

– И мы не подчиняемся твоим приказам, на каком языке ни говори, – добавила незнакомка.

Иван усмехнулся.

– Уверена? – Он покрутил рукой в воздухе, и девушка схватилась за грудь, падая на одно колено.

Не успела я моргнуть, как великан достал дугообразный меч и кинулся на Ивана. Тот лениво махнул второй рукой, и парень скривился. Но это его не остановило.

– Оставь их в покое, – попыталась я вмешаться, беспомощно дергая за свои кандалы. Я могла бы призвать свет и с закованными запястьями, но не смогла бы сфокусировать луч.

Иван проигнорировал мои слова и сжал руку в кулак. Великан замер, меч выпал из его рук, а на лбу выступил пот. Иван выжимал жизнь из его сердца.

– Давай не будем переходить границы, *йежсо*, – пожурил он.

– Ты его убьешь! – крикнула я, начиная паниковать. Затем пихнула Ивана плечом, пытаюсь сбить его с ног.

В этот момент прозвучал громкий двойной щелчок.

Иван окаменел, его ухмылки как не бывало. За ним стоял высокий парень примерно моего возраста, может, старше на пару лет – рыжие волосы, сломанный нос. Похож на смышленого лиса.

В его руке был пистолет со взведенным курком, дуло прижималось к шее Ивана.

– Я гостеприимный хозяин, кровопускатель. Но в каждом доме есть свои правила.

Хозяин. Должно быть, это и есть Штурмхонд. На вид он был слишком юн для капитана.

Иван опустил руки.

Великан резко втянул воздух. Девушка поднялась на ноги, продолжая держаться за грудь. Оба тяжело дышали, их глаза горели ненавистью.

– Хороший мальчик, – похвалил Штурмхонд. – Теперь я отведу пленницу в ее каюту, а ты можешь идти и заняться... чем ты там занимаешься, пока все остальные работают.

Иван нахмурился.

– Не думаю...

– Это заметно. Так зачем начинать сейчас?

Лицо Ивана налилось кровью.

– Ты не...

Штурмхонд наклонился, нотки веселья исчезли из его голоса вместе с легкомысленной манерой держаться, когда он произнес со стальной твердостью:

– Мне плевать, кто ты на суше. На этом корабле ты не более чем балласт. Если только я не скину тебя за борт – в этом случае ты наживка для акулы. Я люблю акул. Их трудно готовить, но они вносят приятное разнообразие в наш рацион. Помни об этом в следующий раз, когда надумаешь угрожать кому-то на этом судне, – он отступил назад, его веселое расположение духа вернулось. – Беги, наживка. Поспеш к своему господину.

– Я об этом не забуду, Штурмхонд, – сплюнул Иван.

Капитан закатил глаза.

– В этом и весь смысл.

Иван развернулся на каблуках и затопал прочь.

Штурмхонд спрятал пистолет в кобуру и обаятельно улыбнулся.

– Поразительно, до чего быстро на корабле становится слишком многолюдно, вам не кажется? – Он похлопал великана и девушку по плечам и тихо сказал: – Вы отлично справились.

Их внимание все еще было сосредоточено на Иване. Руки девушки сжались в кулаки.

– Я не хочу проблем, – предупредил капитан. – Вам ясно?

Они переглянулись и угрюмо кивнули.

– Хорошо. Возвращайтесь к работе. Я отведу ее в трюм.

Они снова кивнули. К моему удивлению, прежде чем уйти, эти двое коротко поклонились мне.

– Они родственники? – спросила я, глядя им вслед.

– Близнецы. Толя и Тамара.

– А ты – Штурмхонд.

– В лучшие дни, – ответил он.

На нем были кожаные штаны, пояс с пистолетами на бедрах и яркий бирюзовый сюртук с безвкусыными золотыми пуговицами и огромными манжетами. Наряд больше подходил для бала или оперной сцены, нежели для палубы корабля.

– Что делает пират на китобойном судне?

– Корсар, – исправил он меня. – У меня несколько кораблей. Дарклинг хотел китобойное судно, и я его достал.

– Точнее, украл.

– Позаимствовал.

– Ты был в моей каюте.

– Ты не первая, кто грезит обо мне, – отшутился он, ведя меня вперед.

– Я видела тебя, когда проснулась, – настаивала я. – Мне нужно...

Он поднял руку.

– Не трать время зря, милая.

– Но ты даже не знаешь, что я собиралась сказать.

– Ты собиралась поведать о своих обстоятельствах, молить о помощи, объяснить, что не можешь заплатить мне, но душа и помыслы твои чисты... и все такое.

Я устала на него. Именно это я и собиралась делать.

– Но...

– Ты только впустую потратишь время, дыхание и прекрасный день, – перебил он. – Мне не нравится жестокое обращение с заключенными, но на этом мое участие заканчивается.

– Ты...

Он покачал головой.

– И я известен своим иммунитетом к печальным историям. Так что, если в ней нет ни одной говорящей собаки, я не желаю ее слушать. Ну, и?

– Что «ну, и»?

– В ней есть говорящая собака?

– Нет, – огрызнулась я. – В ней есть будущее королевства и всех его жителей.

– Вот досада, – он взял меня за руку и повел к люку.

– Я думала, ты работаешь на Равку, – сердито заметила я.

– Я работаю на тех, кто больше платит.

– Значит, ты продашь свою страну Дарклингу за горсть золота?

– Нет, за *горю* золота! Уверяю тебя, мои услуги отнюдь не дешевые, – он указал на люк. – Дамы вперед.

С помощью Штурмхонда мне удалось добраться обратно до каюты, где уже ждали два гриша, чтобы запереть меня внутри. Капитан поклонился и ушел без лишних слов.

Я села на койку и обхватила голову руками. Штурмхонд мог прикидываться дурачком сколько влезет. Я знала, что он был в моей каюте, и на то должна быть причина. Или, возможно, я просто цеплялась за любой проблеск надежды.

Когда Женя принесла ужин, она обнаружила меня свернувшейся клубком на койке и глядящей в стену.

– Тебе нужно поесть, – сказала она.

– Оставь меня в покое.

– Не хмурься – морщины появятся.

– Не ври – бородавки появятся, – сухо парировала я.

Она рассмеялась и поставила поднос на стол. Затем подошла к иллюминатору и посмотрела на свое отражение в стекле.

– Может, мне перекраситься в блондинку... Красный цвет корпоралиов чудовищно смотрится с моими волосами.

Я оглянулась через плечо.

– Ты прекрасно знаешь, что могла бы ходить в засохшей грязи и все равно затмить любую девушку на двух континентах.

– И то правда, – улыбнулась она.

Я не одарила ее ответной улыбкой. Женя вздохнула и устала на носки своих сапог.

– Я скучала по тебе.

Удивительно, как ранят эти слова. Я тоже скучала. И теперь чувствую себя дурой.

– Ты вообще была мне подругой?

Она села на край койки.

– А это имеет какое-то значение?

– Мне хотелось бы знать, насколько я была глупа.

– Мне нравилось быть твоей подругой, Алина. Но я не жалею о своих поступках.

– И о поступках Дарклинга тоже? Об этом ты не жалеешь?

– Знаю, ты считаешь его чудовищем, но он делает это ради нас. Ради Равки.

Я приподнялась на локтях. Я так давно живу со знанием о лживости Дарклинга, что иногда забываю, как мало людей понимают, кто он на самом деле.

– Женя, это он сотворил Каньон.

– Черный Еретик...

– Нет никакого Черного Еретика, – выдала я правду, которую раскрыла мне Багра несколько месяцев назад в Малом дворце. – Он винил в сотворении Каньона своего предка, но в мире всегда существовал лишь один Дарклинг. Его волнует только власть.

– Это невозможно. Дарклинг посвятил всю свою жизнь попыткам освободить Равку от Каньона.

– Как ты можешь так говорить после того, что он сделал с Новокрибирском?

Дарклинг использовал силу Неморя, чтобы уничтожить целый город, и тем самым продемонстрировал свою мощь, запугал врагов и отметил начало своего правления. И я сделала это возможным.

– Я знаю, что там произошел... несчастный случай.

– Несчастный случай? Он убил сотни людей, если не тысячи!

– А как насчет людей на скифе? – тихо спросила она.

Я запнулась и легла на спину. Целую вечность изучала деревянный потолок. Мне не хотелось задавать этот вопрос, но я знала, что должна. Он преследовал меня уже не одну неделю, не одну милю океана.

– Кто-нибудь... еще выжил?

– Кроме Ивана и Дарклинга?

Я кивнула.

– Два инферна, которые помогли им сбежать. Пара солдат Первой армии и шквальная Наталия, но она умерла через два дня от ран.

Я закрыла глаза. Сколько людей было на борту скифа? Тридцать? Сорок? Мне поплохело. Я слышала их крики, вой волькр. Чувствовала запах пороха и крови. Я пожертвовала ими ради Мала, ради свободы, но в итоге они погибли зря. Мы снова в лапах Дарклинга, и он стал даже более могущественным, чем прежде.

Женя положила руку поверх моей.

– Ты сделала, что должна была, Алина.

Я резко хохотнула и выдернула руку.

– Так говорит тебе Дарклинг? И как, легче от этого?

– Не особо, – она опустила взгляд на колени, комкая и расправляя полы кафтана. – Он освободил меня, Алина. Что я должна была делать? Бежать обратно во дворец? К королю? – Девушка яростно замотала головой. – Нет. Я сделала свой выбор.

– А остальные гриши? Не может такого быть, чтобы все перешли на сторону Дарклинга. Сколько из них осталось в Равке?

Женя напряглась.

– Не думаю, что могу обсуждать это с тобой.

– Женя...

– Ешь, Алина. Попробуй отдохнуть. Скоро мы достигнем льдов.

Лед. Значит, мы не возвращались в Равку, а двигались на север.

Она встала и смахнула пылинку с кафтана. Сколько бы она ни шутила о цвете, я знала, как много он для нее значит. Он доказывал, что она настоящий гриш – защищенная, почитаемая. И самое главное – уже не служанка. Я вспомнила о загадочной болезни, ослабившей короля прямо перед переворотом Дарклинга. Женя была одной из немногих гришей, имевших доступ к королевской семье. И она воспользовалась этим, чтобы заслужить право носить красный кафтан.

– Женя, – позвала я, когда она подошла к двери. – Еще один вопрос.

Ее рука замерла на щеколде.

Это казалось таким незначительным и глупым после всего, что произошло. Но вопрос не давал мне покоя.

– Письма, которые я писала Малу во дворце. Он сказал, что так их и не получил.

Она не обернулась, но я заметила, как поникли ее плечи.

– Их никогда не отправляли, – прошептала девушка. – Дарклинг говорил, что ты должна оставить свое прошлое позади.

Она закрыла дверь, и я услышала, как щелкнул засов.

Все то время, которое мы провели за веселыми беседами, чаепитиями и примерками... все это время она мне лгала. Хуже всего то, что Дарклинг был прав. Если бы я продолжала цепляться за Мала и воспоминания о любви к нему, то никогда бы не овладела своей силой. Но Женя этого не знала. Она просто следовала указам и разбивала мне сердце. Не знаю, как это называется, но определенно не дружбой.

Я повернулась на бок, чувствуя под собой мягкое покачивание корабля. Похоже ли это на убаюкивание матерью своего младенца? Кто его знает. Иногда Ана Куя напевала себе что-то под нос, пока гасила свет и закрывала на ночь спальни в Керамзине. Это было нечто самое близкое к колыбельной, что мы с Малом когда-либо слышали.

Где-то наверху матросы пытались докричаться друг до друга сквозь шум ветра. Удар колокола обозначил начало новой смены.

«Мы живы, – напомнила я себе. – Однажды нам уже удалось от него сбежать. Удастся и сейчас».

Но это не помогло, и наконец я сдалась, дав волю слезам. Штурмхонда купили за хорошую сумму. Женя выбрала Дарклинга. Мы с Малом, как всегда, одни, без друзей и союзников, окруженные равнодушным морем. На сей раз, даже если мы что-нибудь придумаем, нам некуда бежать.

ГЛАВА 3

Меньше чем через неделю я заметила первые льдины. Мы заплыли далеко на север, где море темнело, и из его глубин выступали ледяные шпильки. Хотя и стояло раннее лето, ветер жалил нам кожу. Утром все веревки были покрыты инеем.

Я часами мерила шагами каюту и вглядывалась в бескрайнее море. Каждое утро меня выводили на палубу, где позволяли размяться и посмотреть на Мала издали. Дарклинг всегда стоял у перил, в поисках чего-то всматриваясь в горизонт. Штурмхонд и его команда держались на расстоянии.

На седьмой день мы проплыли меж двух пологих гранитных островков, которые я опознала благодаря своей работе картографом: Вилка и Желка. Мы оказались на Костяной тропе – протяженной полосе черной воды, где бесчисленное количество кораблей разбивалось о безымянные острова, которые появлялись и пропадали в тумане. На карте они обозначались черепами матросов, монстрами с зияющими ртами, русалками с белоснежными волосами и бездонными черными глазами тюленей. Сюда заплывали только самые опытные фьерданские охотники, чтобы добыть шкуры и мех, рискуя жизнью ради ценных трофеев. Но за каким трофеем гнались мы?

Штурмхонд приказал опустить паруса, и корабль замедлил ход, дрейфуя в тумане. Судно погрузилось в непривычную тишину. Я смотрела на баркасы, на стойки с гарпунами из стали гришей. Не трудно догадаться, для чего они здесь. Дарклинг искал какой-то усилитель. Я осмотрела ряды гришей и задумалась, кто же стал избранным для очередного «дара» Дарклинга. Но тут во мне начало зарождаться ужасное подозрение.

«Это безумие, – убеждала я себя. – Он не осмелится на такое».

Мысль принесла мало утешения. Дарклинг осмеливался на все и всегда.

* * *

На следующий день Дарклинг приказал привести меня к нему.

– Для кого? – спросила я, когда Иван оставил меня у перил правого борта.

Дарклинг просто смотрел на волны. Я задумалась, не скинуть ли его в море. Ему, конечно, сотни лет, но это не значит, что он умеет плавать в ледяной воде.

– Прошу, скажи, что ты не думаешь о том же, о чем и я. Скажи, что этот усилитель для какой-нибудь другой глупой, доверчивой девчонки.

– Менее упрямой? Менее эгоистичной? Не желающей жить как трусливая мышка? Поверь мне, я бы с удовольствием.

Меня затошнило.

– У гриша может быть только один усилитель. Ты сам мне это сказал.

– Усилители Морозова другие.

Я уставилась на него.

– Есть еще один, как олень?

– Они созданы для того, чтобы использоваться вместе, Алина. Они так же уникальны, как мы.

Я вспомнила книги по теории гришей. Все они утверждали одно: сила гриша не безгранична. Ее нужно держать в узде.

– Нет. Я не хочу этого. Я хочу...

– Ты *хочешь*, – передразнил Дарклинг. – Я хочу видеть, как твой следопыт медленно умирает с моим ножом в сердце. Я хочу видеть, как море поглощает вас обоих. Но наши судьбы отныне связаны, Алина, и с этим ничего не поделаешь.

– Ты ненормальный.

– Знаю, тебе нравится так думать. Но усилители должны быть вместе. Если и есть надежда на то, что мы сможем контролировать Каньон...

– Нельзя *контролировать* Каньон. Его нужно уничтожить!

– Осторожней, Алина, – он слабо улыбнулся. – Я думал о тебе то же самое. – Дарклинг жестом позвал Ивана, стоявшего на почтительном расстоянии от нас. – Приведи мальчишку.

Мое сердце подскочило к горлу.

– Стой! Ты же сказал, что не навредишь ему!

Он не ответил. Я начала глупо оглядываться по сторонам. Будто кто-то на этом забытом святыми корабле прислушается к моим мольбам. Штурмхонд стоял у штурвала и наблюдал за нами с безразличным выражением лица.

Я дернула Дарклинга за рукав.

– Мы же договорились! Я ничего не сделала. Ты обещал...

Дарклинг окинул меня взглядом своих холодных кварцевых глаз, и слова замерли у меня на губах.

Через минуту Иван вывел на палубу Мала и приблизился вместе с ним к перилам. Мал щурился от яркого света, его руки были связаны. Так близко друг к другу мы не стояли с того момента, как оказались на судне. Несмотря на бледность и усталый вид, в остальном он выглядел невредимым. Я прочитала немой вопрос в его настороженном взгляде, но ответа у меня не было.

– Ладно, следопыт, – начал Дарклинг. – Ищи.

Мал переводил взгляд с меня на него.

– Искать кого? Мы посреди океана.

– Алина однажды сказала, что ты смог бы выследить кролика даже среди скал. Я лично опросил экипаж «Ферхадера», и они утверждали, что в море ты себя проявил ничем не хуже. Они также полагали, что своими умениями ты мог бы сделать какого-нибудь счастливого капитана очень богатым.

Мал нахмурился.

– Ты хочешь, чтобы я охотился на китов?

– Нет, – улыбнулся Дарклинг. – Я хочу, чтобы ты охотился на морского хлыста.

Мы удивленно таращились на него. Я едва не расхохоталась.

– Ты ищешь дракона? – с недоверием спросил Мал.

– Ледяного дракона. Русалье.

Русалье. По легенде, морской хлыст был проклятым принцем, которого заставили принять форму морского змея и охранять холодные воды Костяной тропы. Это – второй усилитель Морозова?

– Это детская сказка, – озвучил мои мысли Мал. – Его не существует.

– Люди на протяжении многих лет встречают его в этих водах, – возразил Дарклинг.

– Вместе с русалками и белыми селки¹. Это миф.

Дарклинг выгнул бровь.

– Как и олень?

Мал посмотрел на меня. Я еле заметно покачала головой. Что бы Дарклинг ни задумал, мы не станем ему помогать.

¹ Сёлки – люди-тюлени, мифические существа необыкновенной красоты из шотландского и ирландского фольклора, миролюбивый морской народ.

Мал перевел взгляд на волны.

– Я даже не знаю, с чего начать.

– Ради ее же блага, надеюсь, что это не так, – Дарклинг достал миниатюрный нож из складок своего кафтана. – Каждый день, до тех пор, пока мы не найдем хлыста, я буду отрезать по кусочку ее кожи. Медленно. Затем Иван исцелит ее, и на следующий день все повторится.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

– Ты не навредишь ей, – заявил Мал, но я слышала страх в его голосе.

– Я не *хочу* ей вредить. Я хочу, чтобы ты сделал, как я прошу.

– У меня ушли месяцы, чтобы найти оленя, – начал он в отчаянии. – Сам не знаю, как нам это удалось!

Тут Штурмхонд вышел вперед. Я так сосредоточилась на Мале и Дарклинге, что чуть не забыла о нем.

– Я не позволю мучить девушку на моем корабле.

Дарклинг обратил взор своих жестоких глаз на корсара.

– Ты работаешь на меня, Штурмхонд. Делай свою работу, или награда за нее станет последней из твоих забот.

По кораблю пробежал тревожный ропот. Команда Штурмхонда обступала гришей, и их лица выражали отнюдь не дружелюбие. Женя прижала ладонь ко рту, но ничего не сказала.

– Дай следопыту время, – тихо произнес Штурмхонд. – Неделью. Хотя бы пару дней.

Дарклинг схватил меня за предплечье, задирая рукав, чтобы оголить бледную кожу.

– Мне начать с руки? – он опустил рукав и провел костяшками пальцев по моей щеке. – Или с лица? – Затем кивнул Ивану. – Держи ее.

Иван взял меня за шею. Дарклинг поднял нож. Уголком глаза я заметила блеск металла. Попыталась отодвинуться, но Иван крепко меня держал. Лезвие коснулось моей щеки. Я испуганно втянула воздух.

– Стой! – крикнул Мал.

Дарклинг ждал.

– Я... я сделаю это.

– Мал, нет! – храбро вскрикнула я, хоть и не чувствовала себя храброй.

Он сглотнул.

– Возьмите курс на юго-запад. Туда, откуда мы приплыли.

Я замерла. Он что-то заметил? Или просто пытался отвести от меня опасность?

Дарклинг склонил голову набок и окинул его изучающим взглядом.

– Я думаю, ты знаешь, что со мной не стоит играть в игры, следопыт.

Мал быстро кивнул.

– Я могу это сделать. Я найду его. Просто... дай мне время.

Дарклинг спрятал нож. Я медленно выдохнула и попыталась подавить дрожь.

– У тебя есть неделя, – сказал он, развернувшись и исчезая в люке. Затем крикнул Ивану: – Веди ее сюда.

– Мал... – начала я, когда Иван взял меня за запястье.

Тот поднял связанные руки и потянулся ко мне. Его пальцы на мгновение задели мои, но тут Иван потащил меня к люку.

Мои мысли путались, пока мы спускались в сырой трюм корабля. Я плелась за Иваном, то и дело спотыкаясь, и пыталась осознать все, что только что произошло. Дарклинг обещал не трогать Мала, пока от того есть толк. Я полагала, что он использует его, дабы держать меня в ежовых рукавицах, но теперь стало ясно, что дело не только в этом. Неужели Мал действительно думает, что сможет найти морской хлыст? Или просто тянет время? Я даже не знала, какой из этих вариантов более предпочтителен. Мысль о том, что меня подвергнут пыткам,

не прельщала, но что, если мы найдем ледяного дракона? Что для нас будет значить второй усилитель?

Иван втолкнул меня в просторную каюту, напоминавшую капитанскую. Должно быть, Штурмхонду пришлось переехать к остальной команде: кровать была задвинута в угол. Вдоль вогнутой стены кормового отсека шли ряды окошек из толстого стекла. Сквозь них просачивался свет на стол, за которым сидел сам Дарклинг.

Иван поклонился и ретировался из комнаты, закрыв за собой дверь.

– Ему не терпится убраться от тебя подальше, – сказала я, стоя у входа. – Иван боится того, кем ты стал. Как и все остальные.

– А ты боишься меня, Алина?

– Тебе бы этого хотелось, не так ли?

Дарклинг пожал плечами.

– Страх – могущественный союзник. И верный.

Он наблюдал за мной своим жестким, оценивающим взглядом, который всегда вызывал у меня ощущение, словно меня читают, как открытую книгу. Его пальцы водят по тексту, вбирая тайные знания, о которых я могу только догадываться. Я пыталась не ерзать, но мне натерли кандалы на запястьях.

– Я хотел бы освободить тебя, – тихо произнес он.

– Освободить, освежевать. Сколько вариантов! – Я все еще чувствовала лезвие ножа на щеке.

Он вздохнул.

– Это была угроза, Алина. И с ее помощью я добился того, что мне было необходимо.

– Значит, ты не собирался меня резать?

– Я такого не говорил, – произнес он ласково и непринужденно, как всегда. Таким голосом он грозился порезать человека, с той же интонацией заказывал ужин.

В тусклом свете я едва могла различить светлые линии его шрамов. Наверное, стоило помолчать, дать ему заговорить первым, но любопытство взяло надо мной верх.

– Как тебе удалось выжить?

Дарклинг провел рукой по острому подбородку.

– Судя по всему, волькр не интересуется вкус моей плоти, – лениво протянул он. – Ты никогда не замечала, что они не питаются друг другом?

Меня передернуло. Они были его творениями, прямо как тот монстр, который пронзил зубами мое плечо. Кожа в том месте продолжала пульсировать.

– Подобное притягивает подобное.

– Стоит признать, что тот опыт мне не хотелось бы повторять. Милости волькр мне хватило сполна. Твоей тоже.

Я пересекла комнату, остановившись у стола.

– Тогда зачем давать мне второй усилитель? – спросила я с отчаянием в голосе, надеясь найти аргумент, который смог бы его образумить. – Если ты забыл, я пыталась тебя убить.

– И потерпела поражение.

– Да здравствует второй шанс! Зачем делать меня сильнее?

Он вновь пожал плечами.

– Без усилителей Морозова Равка обречена. Тебе предназначено собрать их, а мне – править. Иначе быть не может.

– Как это удобно.

Он отклонился на спинку кресла и сложил руки на груди.

– Я бы не сказал, что вести с тобой дела удобно, Алина.

– Нельзя смешивать усилители. Об этом говорится во всех книгах...

– Не во *всех*.

Мне хотелось кричать от досады.

– Багра меня предупреждала! Она говорила, что ты самонадеянный наглец, ослепленный амбициями!

– Да что ты? – голос у него стал ледяным. – Какие еще преступные речи она нашептывала тебе на ушко?

– Что она любит тебя, – сердито ответила я. – И верит, что ты можешь искупить свою вину.

Тут он отвернулся, но не раньше, чем я увидела гримасу боли на его лице. Что он с ней сделал? И чего ему это стоило?

– Искупление, – пробормотал он. – Спасение. Покаяние. Причудливые идеи моей матери. Наверное, мне следовало уделять им больше внимания. – Дарклинг потянулся к ящику стола и достал тонкий красный том. Когда он поднял его к свету, на обложке блеснули золотые буквы: «История святых». – Знаешь, что это?

Я нахмурилась. В голове мелькнуло смутное воспоминание. Много месяцев назад, в Малом дворце, Апрат подарил мне книгу. Я бросила ее в ящик комода и тут же о ней забыла.

– Это детская книжка.

– Ты читала ее?

– Нет, – призналась я, внезапно пожалевав об этом. Дарклинг внимательно смотрел на меня. Что могло быть такого важного в старом собрании религиозных картинок?

– Суеверия, – начал он, поглядывая на обложку. – Пропаганда для крестьян. По крайней мере, я так думал. Морозов был странным человеком. Немного похожим на тебя – его тоже тянуло к обыкновенным и слабым.

– Мал не слабый.

– Талантливый, не спорю, но не гриш. Ему никогда не стать равным тебе.

– Мы равны и даже больше, – рявкнула я.

Дарклинг покачал головой. Не изучи я его хорошенько, я могла бы принять выражение на его лице за жалость.

– Ты думаешь, что обрела семью. Что нашла свое будущее. Но твоя сила будет расти, а он будет стариться и слабеть. Он проживет короткую жизнь отказника, а ты будешь смотреть, как он умирает.

– Заткнись!

Дарклинг улыбнулся.

– Давай, топни ножкой, борись со своим естеством. Тем временем твоя страна страдает.

– Из-за тебя!

– Из-за того, что я доверился девчонке, которая испытывает отвращение к собственному дару! – Он встал и обошел стол. Несмотря на мой гнев, я сделала шаг назад, врезавшись в кресло.

– Я знаю, что ты чувствуешь, когда ты со следопытом.

– Сомневаюсь.

Он лишь отмахнулся.

– Нет, я не про вашу абсурдную привязанность, которую ты еще перерастешь. Я вижу истинный ответ в твоём сердце. Одиночество. Растущее понимание того, что ты – другая, – он наклонился. – Боль от этого.

Я попыталась скрыть свое смятение.

– Не понимаю, о чем ты, – сказала я, но даже мне эти слова показались фальшивыми.

– Она никогда не исчезнет, Алина. Будет только хуже, за какими бы шарфами ты ни пряталась, какую бы ложь ни произносила, как бы далеко или быстро ни бежала.

Я попыталась отвернуться, но Дарклинг взял меня за подбородок и заставил посмотреть на себя. Он стоял так близко, что я чувствовала его дыхание.

– Таких, как мы, больше нет, Алина, – прошептал он. – И никогда не будет.

Я дернулась в сторону, оттолкнув кресло, и едва не потеряла равновесие. Начала барабанить кулаками в железных кандалах по двери, призывая Ивана. Тот не появлялся, пока Дарклинг сам ему не приказал.

Уголкем сознания я отметила руку Ивана у себя на спине, вонь в коридоре, матроса, пропустившего нас, затем тишину в моей тесной каюте, звук захлопывающейся двери, койку, прикосновение грубой ткани, когда я зарылась лицом в одеяло. По телу проходили волны дрожи, пока я пыталась выкинуть из головы слова Дарклинга про смерть Мала. Про мою долгую жизнь. Про боль оттого, что я другая, которая никогда не пройдет. Каждый новый страх впивался в меня острыми коготками, поселяясь глубоко в сердце.

Я знала, что он искусный лжец. Он мог изобразить любую эмоцию, сыграть на любом человеческом чувстве. Но я не могла отрицать и того, что ощутила в Новом Земе, или же правду, которую показал мне Дарклинг: мою собственную грусть, мою тоску, отраженную в его холодных серых глазах.

* * *

Настроение на судне изменилось. Экипаж стал более беспокойным и бдительным, памятуя о неуважительном отношении к своему капитану. Гриши тихо судачили между собой, их терпение подходило к концу из-за нашего медленного продвижения по водам Костяной тропы.

Каждый день Дарклинг приводил меня на палубу, чтобы я стояла рядом с ним на носу корабля. Мала держали под охраной в другом конце. Иногда я слышала, как он выкрикивал Штурмхонду указания по курсу, или видела, как он указывал на нечто похожее на глубокие царапины над уровнем воды, прямо на глыбах льда, мимо которых мы проплывали.

Я всматривалась в грубые борозды. Возможно, это следы от когтей. А может, и ничего особенного. Тем не менее, я видела в Цибее, на что способен Мал. Когда мы искали оленя, он указывал мне на сломанные ветки, примятую траву, знаки, которые сразу же становились очевидными, стоило на них указать, но которые были незаметны для моих глаз за мгновение до этого. Члены экипажа относились к нему скептически. Гриши – пренебрежительно.

На закате, когда очередной день шел на убыль, Дарклинг водил меня по палубе и спускал в люк прямо на глазах у Мала. Нам запрещалось разговаривать. Я пыталась задержать его взгляд, без слов передать, что я в порядке, но видела, как росли его ярость и отчаяние. Утешить его было не в моих силах.

Один раз я споткнулась об крышку люка, и Дарклинг поймал меня, прижав к себе. Он мог бы отпустить меня, но вместо этого замер, и, не успев я отпрянуть, как его рука скользнула ниже моей спины.

Мал рванул вперед, и лишь хватка стражей сдержала его от того, чтобы напасть на Дарклинга.

– Еще три дня, следопыт.

– Не трогай ее! – прорычал он.

– Я сдержал свою часть сделки. Ей никто не навредил. Но, возможно, ты боишься не этого?

Казалось, еще чуть-чуть и Мал не выдержит. Его лицо побледнело, губы сжались в тонкую линию, мышцы на руках напряглись от попыток разорвать сковывающие его веревки. Я не могла на это смотреть.

– Со мной все в порядке, – тихо произнесла я, рискуя нарваться на нож Дарклинга. – Он не может причинить мне вред.

Ложь, но она казалась сладкой на моих губах.

Дарклинг переводил взгляд с меня на Мала, и я увидела проблеск мрачной зияющей дыры внутри него.

– Не беспокойся, следопыт. Ты поймешь, когда наша сделка будет разорвана, – он втолкнул меня в трюм, но не прежде, чем до меня донеслись его прощальные слова Малу: – Я позабочусь о том, чтобы ты услышал, когда я заставлю ее кричать.

* * *

Неделя подходила к концу, и на шестой день Женья разбудила меня рано утром. Придя в себя, я поняла, что еще даже не рассвело. Меня пронзил страх. Может, Дарклинг решил положить конец моей отсрочке и исполнить свои угрозы?

Но лицо Жени светилось от счастья.

– Он что-то нашел! – пропела она, подпрыгивая на носочках. Девушка едва не пританцовывала, пока помогала мне подняться с койки. – Следопыт сказал, что мы близко!

– Его зовут Мал, – буркнула я, отстраняясь от Жени и игнорируя ее обиженный вид.

«*Неужели это правда?*» – гадала я, пока меня вели на палубу. Может, Мал просто оттягивал время?

Мы вышли под тускло-серый свет раннего утра. На палубе толпились гриши, вглядывающиеся в воду, пока шквальные управляли ветром, а команда Штурмхонда отвязывала паруса.

Туман стал плотнее, чем накануне. Он нависал над водой и заползал влажными завитками на корпус корабля. Тишину нарушали лишь указания Мала и отрывочные команды Штурмхонда.

Когда мы вышли на широкий открытый участок моря, Мал повернулся к Дарклингу:

– Кажется, мы близко.

– *Кажется?*

Он кивнул.

Дарклинг задумался. Если Мал просто тянул время, его старания обречены на провал, и цена этому будет слишком высокой.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Дарклинг кивнул Штурмхонду.

– Спускай паруса, – приказал он корсару, и команда принялась выполнять.

Иван постучал Дарклинга по плечу и указал на южный горизонт.

– Корабль, мой господин.

Я прищурилась, глядя на крошечное пятнышко на синем фоне.

– Под каким они флагом? – спросил Дарклинг у Штурмхонда.

– Наверное, это рыбаки. Но мы будем присматривать за ними на всякий случай. – Он махнул одному из членов экипажа, и тот поспешил к бом-брамселю с подзорной трубой в руке.

Баркасы подготовили и спустили на воду, полные людьми Штурмхонда и ошестинившиеся гарпунами. Гриши Дарклинга собрались у перил, чтобы наблюдать за продвижением лодок. Туман, казалось, усиливал громкость шлепков весел о волны.

Я шагнула к Малу. Всеобщее внимание было сосредоточено на воде. Только Женья наблюдала за мной. Она замешкала, а затем намеренно отвернулась и присоединилась к другим у перил.

Мы с Малом смотрели вперед, но при этом стояли так близко, что наши плечи соприкасались.

– Скажи, что ты в порядке, – пробормотал он хриплым голосом.

Я кивнула, сглотнув ком в горле.

– В порядке. Он действительно где-то здесь?

– Не знаю. Возможно. Было время, когда я искал оленя и думал, что мы близко, но... Алина, если я ошибаюсь...

Я повернулась, не заботясь о том, что нас увидят и какое наказание за этим последует. Туман поднимался от воды и заползал на палубу. Я посмотрела на Мала, изучая каждую черту его лица: голубые глаза, изгиб губ, шрам на подбородке. За его спиной Тамара поспешно взбиралась по вантам с зажатым в руке фонарем.

– Ты ни в чем не виноват, Мал. Ни в чем.

Он опустил голову, прижимая свой лоб к моему.

– Я не позволю ему обидеть тебя.

Мы оба понимали, что в этом он бессилен, но правда приносила слишком много боли, поэтому я ответила:

– Знаю.

– Ты мне подыгрываешь, – произнес он с намеком на улыбку.

– Что поделать, с тобой постоянно нужно нянчиться.

Он прижался губами к моей макушке.

– Мы найдем способ выпутаться из этого, Алина. Как всегда.

Я положила закованные руки на его грудь и закрыла глаза. Мы – одни в ледяном море, пленники человека, который мог создавать монстров из тьмы и пустоты, и, тем не менее, я верила его словам. Я прижалась к Малу и впервые за много дней позволила себе надеяться.

Прозвучал крик:

– В двух румбах по правому борту!

Все как один повернулись, и я замерла. В тумане что-то двигалось – мерцающий, изогнутый белый силуэт.

– Ради всего святого, – выдохнул Мал.

В эту секунду над волнами показалась спина морского хлыста, его тело прорезало воду волнистой дугой, чешуйки на спине заискрились радугой.

Русалье.

ГЛАВА 4

Русалье был не более чем народным преданием, детской сказкой, плодом грез, жившим на окраинах карт. Но сомневаться не приходилось: ледяной дракон реален. И Мал отыскал его, как и оленя до этого. Все это казалось неправильным. Как будто все происходило слишком быстро, и мы мчались навстречу неизведанному.

Вдруг мое внимание привлек крик с лодки. Мужчина на ближайшем к морскому хлысту баркасе встал и нацелил гарпун. Но дракон ударил белым хвостом, рассекая волны, и стена воды обрушилась на корпус лодки. Та сильно накренилась, затем резко выровнялась в последний момент, и мужчина с гарпуном с размаху хлопнулся на задницу.

«Отлично, – подумала я. – Дай им отпор!»

Теперь гарпуны полетели с другой лодки. Первый был пущен слишком далеко и бесполезно плюхнулся в море. Второй вонзился в бок морского хлыста.

Тот свернулся, размахивая хвостом в разные стороны, а затем вздыбился, как змея. На долю секунды русалье завис в воздухе: полупрозрачные плавники, похожие на крылья, блестящая чешуя и разъяренные красные глаза. С гривы стекали потоки воды, а массивная пасть разверзлась, открывая розовый язык и ряды острых зубов. Он обрушился вниз на ближайшую лодку, послышался громкий треск дерева. Утлое суденышко разломилось пополам, и мужчины оказались в море. Челюсти дракона сомкнулись на ногах матроса, и тот, крича, исчез среди волн. Оставшаяся часть команды яростно гребла по кровавым водам, пытаясь доплыть до уцелевших лодок, где бы их втащили на борт.

Я оглянулась на такелаж китобойного судна. Верхушки мачт скрылись в тумане, но я все еще могла различить свет фонарика Тамары на брам-стенге.

Очередной гарпун нашел свою цель, и морской хлыст запел. Это был самый прекрасный звук, который я когда-либо слышала. Хор голосов исполнял жалобную, бессловесную песню. *«Нет, – внезапно осознала я. – Это не песня».* Дракон кричал, извивался и корчился на волнах, пока лодки преследовали его, пытаясь вытащить крючки гарпунов из его плоти. *«Борись, – мысленно молила я. – Если попадешь в его лапы, то уже никогда не познаешь свободы».*

Но дракон уставал. Его движения стали вялыми, а крики – натужными и полными горечи. Их музыка тускнела и затихала.

Какая-то часть меня желала, чтобы Дарклинг поскорее положил этому конец. Почему он медлил? Почему не использовал разрез на русалье и не связывал меня с ним, как с оленем?

– Несите сети! – крикнул Штурмхонд. Но туман так сгустился, что я не могла разобрать, откуда доносится его голос. Со стороны правого борта послышалась череда глухих ударов.

– Рассейте туман! – приказал Дарклинг. – Мы теряем из виду лодки.

Гриши начали перекликаться друг с другом. Затем я почувствовала, как порывы ветра шквальных раздувают полы моего пальто.

Туман развеялся, и у меня чуть не отпала челюсть от увиденного. Дарклинг и его гриши продолжали стоять у перил правого борта, сосредоточившись на лодках, которые гребли прочь от китобоя. Но с левого борта появился, будто из ниоткуда, другой корабль – элегантная шхуна со сверкающими мачтами и яркими флагами: на одном был изображен красный пес на фоне изумрудного поля, а на втором, ниже, – бледно-голубом с золотом – равкианский двуглавый орел.

Вновь раздался глухой стук. Я увидела, как за перила судна цепляются стальные кошки. Абордажные крюки!

Все произошло в мгновение. Откуда-то раздался вой, напоминавший завывания волка на луну. Люди начали перебираться через перила на палубу китобоя. К их груди были прицеп-

лены пистолеты, а в руках блестели тесаки. Они выли и лаяли, как стая диких собак. Дарклинг обернулся, и на его лице застыло выражение недоумения и ярости.

– Что за чертовщина творится? – спросил Мал, пока мы пятились под бизань-мачту, обеспечивающую нас хоть и скудной, но защитой.

– Не знаю. Либо что-то очень хорошее, либо что-то очень плохое.

Мы встали спиной к спине. Мои руки были закованы, его – связаны, и у нас обоих не было никакой возможности защищаться, пока на палубе разворачивался бой. Гремели выстрелы пистолетов. Воздух ожил от всполохов пламени инфернов.

– Ко мне, псы! – прокричал Штурмхонд и кинулся в гущу толпы с саблей в руке.

Гришей со всех сторон обступали лающие, скулящие, рычащие люди – уже не только с перил шхуны, но и с такелажа китобоя. Это люди Штурмхонда! Штурмхонд предал Дарклинга!

Корсар определенно потерял рассудок. Да, их было больше, чем гришей, но количество не играло никакой роли в бою с Дарклингом.

– Смотри! – позвал Мал.

Мужчины в уцелевшей лодке поймали отбивающегося морского хлыста. Они подняли паруса, но бодрый ветерок нес их не к нашему судну, а напрямик к шхуне. Этот свежий бриз появился словно из ниоткуда. Я присмотрелась внимательнее. Матрос на корме лодки стоял с поднятыми руками. Ошибки быть не могло – на Штурмхонда работал шквальный.

Вдруг кто-то схватил меня за талию и оторвал от пола. Мир перевернулся вверх тормашками. Меня закинули на чье-то мощное плечо, и я закричала.

Подняв голову и заколотив кулаками по руке, державшей меня стальной хваткой, я увидела, как Тамара бежит к Малу с ножом.

– Нет! Мал!

Он занял защитную позу, но девушка всего лишь перерезала его веревки.

– Беги! – крикнула она, подкинув ему нож и доставая меч из ножен на бедре.

Толя схватил меня крепче и побежал по палубе. Тамара и Мал следовали за нами.

– Что вы делаете? – запротестовала я, ударяясь головой о широкую спину великана.

– Просто бегите! – ответила Тамара, замахнувшись на корпоряла, вставшего у нее на пути.

– Не могу! Твой идиот-братец закинул меня на плечо, как мешок с картошкой!

– Ты хочешь, чтобы тебя спасли, или нет?

У меня не было времени ответить.

– Держись крепче, – предупредил меня Толя. – Сейчас будем прыгать.

Я зажмурилась, готовясь окунуться в ледяную воду. Но не успел Толя сделать и пары шагов, как вдруг закричал и упал на колено, выпуская меня из рук. Я рухнула на палубу и неловко перекатилась на бок. Подняв глаза, увидела Ивана и инферна в синей мантии.

Рука Ивана была вытянута. Он сжимал Толе сердце, и на сей раз Штурмхонд не мог его остановить.

Инферн накинулся на Тамару и Мала с кремнем в кулаке. Второй рукой рисовал дугу пламенем. *«Битва закончилась, толком не начавшись»*, – жалобно подумала я. Но в следующий миг инферн замер и ахнул. Его огонь погас в воздухе.

– Чего ты медлишь?! – взревел Иван.

Единственным ответом гриша было сдавленное шипение. Его глаза выпучились, и мужчина зацарапал себе горло.

В правой руке Тамары был меч, но ее левая сжалась в кулак.

– Неплохой фокус, – сказала она, выбив кремь из ладони инферна. – Я тоже парочку приберегла.

Девушка подняла меч и умело проткнула им беспомощного гриша.

Тот свалился на палубу. Иван недоуменно смотрел на Тамару, нависающую над безжизненным телом, с ее меча стекала кровь. Должно быть, он слишком на нее отвлекся, потому что в следующую секунду Толя поднялся с колена и издал боевой клич.

Иван сжал кулаки, сосредотачиваясь на противнике. Лицо Толи исказилось, но он не упал. Затем великан вытянул руку, и Иван скорчился от боли и удивления.

Я переводила взгляд с Толи на Тамару, и тут меня осенило. Они гриши! Сердцебиты!

– Как тебе такое, малыш? – спросил Толя, подходя к Ивану. Впав в отчаяние, тот вытянул вторую руку. Его трясло, и я видела, как он силится сделать вдох.

Толя слегка покачнулся, но продолжил идти.

– Вот мы и узнаем, у кого из нас крепче сердце, – прорычал он.

Великан медленно зашагал вперед, будто двигался против сильного ветра. Его лицо блестело от пота, а зубы обнажились в свирепой улыбке. Я задумалась, не падут ли они оба в этой битве.

Пальцы Толи сжались в кулак. Иван забился в агонии, его глаза закатились. На губах надувались и лопались пузыри крови. Он повалился на палубу и уже не встал.

Краем сознания я отмечала все, что творилось вокруг. Воцарился хаос. Тамара боролась со шквальным. Два других гриша накинудись на Толю. Прогремел выстрел – Мал достал пистолет. Но я не могла отвести взгляд от безжизненного тела Ивана.

Он мертв. Правая рука Дарклинга. Один из самых сильных сердцебитов Второй армии. Ему удалось пережить битву в Каньоне с волькрами, а теперь он мертв.

Чей-то тихий всхлип вывел меня из забвения. Женя смотрела на Ивана и прикрывала рот ладонью.

– Женя...

– Остановите их! – донесся крик с другой части палубы. Я обернулась и увидела Дарклинга, сцепившегося с вооруженными матросами.

Женю била дрожь. Она потянулась в карман кафтана и достала пистолет. Толя бросился в ее сторону.

– Нет! – крикнула я, становясь между ними. Не позволю ему убить Женю!

Тяжелое оружие тряслось в ее руке.

– Женя, – тихо начала я, – ты действительно пристрелишь меня?

Ее взгляд забегал в разные стороны. Она не знала, куда стрелять. Я положила руку на ее запястье. Девушка вздрогнула и попыталась навести дуло на меня.

Воздух сотрясся от громоподобного звука. Я тут же догадалась, что Дарклинг выиграл бой. Повернувшись, увидела, что к нам мчится волна непроглядной тьмы. «*Все кончено*, – подумала я. – *Нам конец*». Но в следующую секунду передо мной мелькнула яркая вспышка. Прозвучал очередной выстрел. Облако тьмы рассеялось, и за ним я увидела сжимающего предплечье Дарклинга. Его лицо скривилось от боли и гнева. Мне не верилось – его подстрелили!

К нам уже спешил Штурмхонд с пистолетом в руке.

– Бегите!

– Быстрее, Алина! – крикнул Мал, потянувшись, чтобы взять меня за руку.

– Женя, – позвала я с нотками отчаяния в голосе, – пошли с нами.

Ее рука дрожала так сильно, что я опасалась, как бы не выпал пистолет. По щекам девушки струились слезы.

– Я не могу, – сломленно всхлипнула она, опуская оружие. – Иди, Алина. Просто уходи.

В следующее мгновение Толя снова закинул меня на плечо. Я тщетно забарабанила по его спине.

– Нет! Подождите!

Но никто не обратил на меня внимания. Толя разбежался и перепрыгнул через перила. Я закричала, наблюдая за приближением ледяной воды, и приготовилась к удару. Вместо этого

нас подхватил сильный ветер, управляемый шквальным, и с глухим ударом опрокинул на палубу атакующей шхуны. За нами приземлились Тамара с Малом, а затем и Штурмхонд.

– Подайте сигнал! – крикнул он, вскакивая на ноги.

Раздался оглушающий свист.

– Петр, – обратился он к незнакомому мне матросу, – докладывай.

– Восемь полегло, – ответил он. – Четверо остались на китобое. Груз уже поднимают.

– Святые бы вас побрали! – выругался Штурмхонд. Он оглянулся на судно, явно ведя какую-то мысленную борьбу. – Мушкетеры, прикройте их! – крикнул он людям на грот-стеннге.

Те начали обстреливать палубу китобоя. Толя передал Малу ружье и повесил одно себе за спину. Потом прыгнул на такелаж и взобрался наверх. Тамара достала пистолет из кобуры. Я все еще валялась на палубе в позе лишенного достоинства эмбриона. От моих закованных рук не было никакого проку.

– Морской хлыст привязан к кораблю, капитан! – крикнул Петр.

Еще два члена экипажа Штурмхонда перепрыгнули через перила судна и взмыли в воздух, бешено размахивая руками. Затем звучно шмякнулись о палубу шхуны. Один из них истек кровью из раны на руке.

И тут снова прогремел гром.

– Он наступает! – крикнула Тамара.

На нас обрушились клубы тьмы, полностью обволакивая шхуну и поглощая все на своем пути.

– Освободите меня! – взмолилась я. – Я помогу!

Штурмхонд кинул Тамаре ключи.

– Сделай, как она просит!

Тамара схватила меня за запястья и завозилась с ключами, и в этот момент нас накрыла кромешная тьма.

Мы словно ослепли. Где-то рядом послышался крик. Тогда замок открылся, и кандалы с глухим лязгом упали на пол.

Я воздела руки, и во мраке засиял свет, отталкивающий облако тьмы обратно на китобой. Команда Штурмхонда радостно завопила, но быстро умолкла, когда воздух наполнился новым звуком: скрежещущим визгом, от которого закладывало уши. Он напоминал скрип распахивающейся двери, которую ни за что и никогда не стоило открывать. Рана на моем плече запульсировала. *Ничегои.*

Я повернулась к корсару:

– Нам нужно выбираться отсюда. *Немедленно!*

Он медлил, борясь с самим собой. Двое его людей все еще оставались на борту вражеского судна. Его лицо ожесточилось.

– Марсовые, разворачивайте паруса! – крикнул он. – Шквальные – на восток!

Матросы у мачт подняли руки, и парус над нами надулся от сильного потока ветра. Сколько же гришей было в его команде?

Но шквальные Дарклинга не уступали и посылали собственные потоки ветра, чтобы задержать нас. Шхуна заколебалась в разные стороны.

– Пушки к бою! – взревел Штурмхонд. – По моему сигналу дать бортовой залп!

Прозвучали два пронзительных свистка. Корабль сотрясла оглушительная череда выстрелов. Наши пушки проделали зияющую дыру в корпусе китобойного судна. На корабле Дарклинга раздалась панические вопли. Шквальные Штурмхонда воспользовались ситуацией, и шхуна вырвалась на свободу.

Когда дым от пушечных залпов рассеялся, я увидела, как к перилам покореженного судна подошла фигура в черном. К нам помчалась новая волна тьмы, но эта отличалась от преды-

душих. Она извивалась над водой, словно прорывая себе путь к шхуне. С ней приближался жуткий стрекот тысячи обозленных насекомых.

Мрак вспенивался, как волна, врезавшаяся в огромный камень, а затем начал разделяться и приобретать некий облик. Мал прошептал молитву и вскинул ружье на плечо. Я сосредоточилась и метнула разрез в черное облако, надеясь уничтожить ничего прежде, чем они полностью преобразятся. Но я не могла остановить их. Они шли на нас стонущей ордой из черных зубов и когтей.

Люди Штурмхонда открыли огонь.

Ничего добрались до мачт и закружили вокруг парусов, срывая матросов с такелажа, как фрукты с дерева. Затем они спустились на палубу. Мал стрелял снова и снова, а экипаж обнажил сабли, но пули и клинки всего лишь замедляли монстров. Их созданные из теней тела колебались и вновь формировались. Их число нарастало.

Шхуна опережала китобойное судно и продолжала увеличивать расстояние. Но недостаточно быстро. Я снова услышала визгливый стон: на нас надвигалась новая волна корчащейся, скользкой темноты, в которой уже можно было различить крылатые тела – подкрепление для теневых солдат.

Стоило Штурмхонду это увидеть, как он ткнул на шквального, все еще раздувавшего паруса.

– Молния! – крикнул он.

Я вздрогнула. Он же это не всерьез?! Шквальным строго-настрого запрещалось вызывать молнии. Они слишком непредсказуемы и опасны... не говоря уж о том, что мы находились в открытом море! На деревянных кораблях! Но гриш не мешкал. Шквальные хлопнули в ладоши и начали потирать руки. Давление резко поднялось, и у меня заныли уши. Воздух потрескивал от напряжения.

Нам хватило времени ровно на то, чтобы рухнуть на палубу. Небо осветили зигзагообразные вспышки. Новая волна ничего рассеялась в минутном помешательстве.

– Вперед! – заорал Штурмхонд. – Шквальные, дуйте на полную!

Шхуна рванула вперед, и нас с Малом откинуло к перилам. Казалось, корабль летел над волнами.

Из левого борта китобоя начало выплывать очередное облако мрака. Я вскочила на ноги и приготовилась защищаться, собираясь с силами для следующего нападения.

Но его так и не последовало. Похоже, даже силы Дарклинга были небезграничны. Мы вышли из его зоны досягаемости.

Я склонилась над перилами. Ветер и морские брызги щипали кожу. Корабль Дарклинга и его монстры исчезали из виду. В моей груди зародилось что-то одновременно похожее на смех и всхлип.

Мал обнял меня, и я прижалась к нему, чувствуя прикосновение влажной рубашки на щеке, слушая биение его сердца, цепляясь за невероятный факт, что мы до сих пор живы.

Несмотря на количество пролитой крови и потерю друзей, экипаж шхуны взорвался радостными криками. Они гикали и выли, лаяли и рычали. Толя, сидящий на такелаже, поднял ружье в воздух и откинул назад голову, испуская триумфальный вой такой мощи, что волосы на моих руках встали дыбом.

Мы с Малом разжали объятья, глаза на смеющуюся и ликующую толпу вокруг нас. Я знаю, что мы оба думали об одном и том же: в какую же передрыгу мы попали на сей раз?

ГЛАВА 5

Мы откинулись на перила и сползли вниз. Там и остались, усталые и ошеломленные. Нам удалось сбежать от Дарклинга, но теперь мы оказались на странном корабле, в окружении кучки свихнувшихся гришей, которые нарядились под матросов и выли, как одичавшие собаки.

– Ты в порядке? – спросил Мал.

Я кивнула. Рана на плече горела огнем, но в остальном я осталась невредима. Мое тело вибрировало от удовольствия после использования силы.

– А ты?

– На мне ни царапинки, – удивленно ответил он.

Корабль плыл с невероятной скоростью, управляемый шквальными и, как оказалось, проливными. Когда ужас и пыл от битвы поутихли, я наконец-то заметила, что промокла до нитки. Зубы стучали от холода. Мал обнял меня, а один из членов экипажа накинул на нас одеяло.

В конце концов Штурмхонд объявил передышку и приказал подвязать паруса. Шквальные и проливные опустили руки и оперлись друг на друга в измождении. Их силы были на исходе после столь долгого путешествия, но лица и глаза продолжали светиться.

Шхуна замедлилась до плавного покачивания на волнах. На палубе внезапно воцарилась оглушительная тишина.

– Поставь дозорного, – приказал Штурмхонд, и Петр отправил матроса с подозрной трубой на ванты. Мы с Малом медленно поднялись на ноги.

Штурмхонд подошел к изнуренным эфиреалам, похлопал шквальных и проливных по спинам и пообщался с некоторыми из них. Затем отвел раненых матросов в камбуз, где, как я полагала, их осматривал судовой врач или же целитель корпоралиов. Похоже, в арсенале корсара имелись гриши на любой вкус.

Штурмхонд направился в мою сторону и достал нож из-за пояса. Я вскинула руки, а Мал встал передо мной, нацелив дуло ружья в грудь капитану. В ту же секунду со всех сторон послышались щелчки взводимых курков и лязг обнажаемых клинков. Экипаж ошестинился оружием.

– Полегче, Оретцев, – сказал Штурмхонд, замедляя шаг. – Мне пришлось терпеть массу неудобств и крупно потратиться, чтобы доставить вас на корабль. Представляешь, как будет обидно, если придется вас тут же продырявить? – он перевернул нож и протянул его мне рукояткой вперед. – Это для чудища.

Морской хлыст! Я так увлеклась битвой, что совсем о нем забыла.

Мал помедлил, но затем осмотрительно опустил ружье.

– Отставить, – приказал Штурмхонд своей команде. Те спрятали пистолеты в кобуру, а мечи – в ножны.

Корсар кивнул Тамаре.

– Тащите его.

По команде девушки группа моряков склонилась за перила и отвязала сложную паутину веревок. Поднатужившись, они медленно затащили тело дракона на борт шхуны. Тот шлепнулся о палубу, продолжая слабо биться в серебристой сети. А затем вдруг резко дернулся и щелкнул огромными челюстями. Мы все отпрыгнули назад.

– Как я понимаю, это должна сделать ты, – сказал Штурмхонд, вновь протягивая нож. Я окинула его долгим взглядом, гадая, как много ему известно об этом конкретном усилителе и об усилителях вообще.

– Ну же. Нам пора плыть дальше. Корабль Дарклинга выведен из строя, но это ненадолго.

Лезвие ножа тускло блестело в полуденном солнце. Сталь гришей. Почему-то я не удивлена...

И все же замешкалась.

– Я только что потерял тринадцать превосходных матросов, – тихо начал Штурмхонд. – Не говори мне, что их смерть была напрасной.

Я посмотрела на змея, дергающегося на палубе. Воздух свистел в его жабрах. Красные глаза затуманились, но в них все еще читалась ярость. Я вспомнила уверенный взгляд темных очей оленя, его бесшумную панику в последние секунды жизни.

Олень так долго жил в моем воображении, что, когда он наконец вышел из-за деревьев на укрытую снегом поляну, мне показалось, что мы давно друг друга знаем. Русалье же был незнакомцем, скорее мифическим существом, чем реальным животным. Хотя неоспоримость его израненного тела свидетельствовала об обратном.

– Ему все равно не выжить, – добавил корсар.

Я крепче обхватила рукоятку ножа, ощущая его тяжесть в своей руке. Можно ли считать это милосердием? К оленю Морозова у меня определенно был другой подход.

Русалье... Проклятый принц, хранитель Костяной тропы. В легендах говорилось, что он заманивал одиноких девиц в море, усаживал их на спину и, заливаясь смехом, катал по волнам, пока они не оказывались слишком далеко от берега, чтобы кричать о помощи. Затем он нырял, затаскивая их на глубину, в свой подводный замок. Девушки чахли и умирали, так как питаться там было нечем, кроме кораллов и жемчужин. Русалье лил горькие слезы и пел печальную песнь над их телами, после чего всплывал на поверхность, чтобы выбрать новую королеву.

«Это всего лишь сказки, – убеждала я себя. – Он не принц, а просто животное, страдающее в предсмертных муках».

Бока дракона тяжело вздымались с каждым вдохом. Челюсти беспомощно клацали. Из его спины достали два гарпуна, и из ран потекла водянистая кровь. Я подняла нож, не зная, что делать дальше и куда его вонзать. Руки дрожали. Морской хлыст хрипло и жалобно вздохнул – слабое эхо от бывшего магического хора.

Мал шагнул вперед.

– Ради всех святых, – не выдержал он. – Покончи с ним, Алина!

Парень забрал у меня нож и кинул его на палубу. Затем взял мою ладонь и опустил ее на древко гарпуна. Одним резким движением мы воткнули его в тело дракона.

Тот содрогнулся и замер. Вокруг него начала образовываться лужа крови.

Мал опустил взгляд на свои руки, вытер их об порванную рубашку и отвернулся.

Толя и Тамара выступили вперед. Мой желудок скрутило узлом. Я знала, что будет дальше. *«Это не так, – отозвался голос в моей голове. – Ты можешь уйти. Бросить все, как есть».* И снова меня охватило ощущение, что все происходит слишком быстро. Но я не могла просто выкинуть усилитель вроде этого обратно в море – дракон уже отдал свою жизнь. И то, что я заберу усилитель, еще не значит, что я им воспользуюсь.

Белая чешуя морского хлыста переливалась радугой, если не считать узкой полосы, начинавшейся между большими глазами, пролегающей вдоль черепа и переходящей в мягкую гриву – она была окаймлена золотом.

Тамара достала кинжал из-за пояса и с помощью Толи очистила дракона. Я не позволяла себе отвернуться. Когда они закончили, то вручили мне семь идеальных чешуек, мокрых от крови.

– Давайте склоним головы за братьев, которых мы сегодня потеряли, – начал Штурмхонд. – Они были отличными моряками и великолепными солдатами. Пусть море отнесет их в безопасную гавань и святые заберут их на чистый берег.

Он повторил моряцкую молитву на керчийском, а затем Тамара пробормотала слова на шуханском. С минуту мы молча стояли со склоненными головами на покачивающемся корабле. В горле появился комок.

Люди погибли. А еще одно древнее магическое существо убито, его тело осквернено сталью гришей. Я опустила руку на мерцающий бок морского хлыста. Он был холодным и скользким. Его красные глаза – затуманенными и пустыми. Я сжала в ладони золотые чешуйки, чувствуя, как их края впиваются мне в кожу. Какие святые ждали существ, подобных этому?

Прошла долгая минута, затем Штурмхонд произнес:

– Да пребудут с ними святые.

– Да пребудут с ними святые, – повторил экипаж.

– Время плыть дальше, – тихо произнес капитан. – Мы пробили им корпус, но на Дарклинга работают шквальные и один или два фабрикатора. Вдруг его монстрики обучены пользоваться молотком и гвоздями? Лучше не рисковать, – он повернулся к Петру. – Дай шквальным передохнуть несколько минут и подготовь отчет об ущербе. Затем ставь паруса.

– Да, капитан, – хрипло ответил мужчина, но не сдвинулся с места. – Капитан... люди заплатят большие деньги за чешую дракона, независимо от ее цвета.

Штурмхонд нахмурился, но затем лаконично кивнул.

– Бери, что хочешь, но затем помой палубу и отправляй нас в путь. Координаты у тебя есть.

Несколько членов команды присели у тела морского хлыста и начали срезать чешую. На это я смотреть не могла. Повернувшись к ним спиной, и меня затошнило.

Штурмхонд встал рядом и сказал, оглядываясь через плечо:

– Не суди их слишком строго.

– Я их и не сужу. Это ведь ты капитан.

– Им нужны деньги, чтобы прокормить семьи. Мы потеряли почти половину команды и не получили взамен никакой награды, которая помогла бы ослабить боль. Ничего личного.

– Что я здесь делаю? Почему ты нам помог?

– Ты уверена, что помог?

– Отвечай на вопрос, Штурмхонд, – присоединился к нам Мал. – Зачем охотиться на русалье, если ты все равно планировал отдать его Алине?

– Я охотился не на русалье. А на вас.

– Поэтому ты поднял мятеж против Дарклинга? – спросила я. – Чтобы заполучить меня?

– Нельзя поднять *мятеж* на собственном корабле.

– Называй как хочешь, – начала злиться я. – Пора объясниться, капитан.

Штурмхонд откинулся назад, облокотившись на перила и окидывая палубу изучающим взглядом.

– Как я непременно объяснил бы Дарклингу, если бы он удосужился спросить, – к счастью, он этого не сделал, – проблема бесчестных наемников в том, что их всегда можно перекупить.

Я уставилась на него.

– Ты предал Дарклинга ради *денег*?!

– «Предал» – это сильно сказано. Я едва знаю этого паренька.

– Ты сумасшедший! Тебе известно, на что он способен. Никакая награда не покроет этого!

Штурмхонд ухмыльнулся.

– Поживем – увидим.

– Дарклинг будет преследовать тебя до конца твоих дней.

– Значит, у нас с тобой появилось что-то общее, не так ли? Кроме того, мне нравится заводить могущественных врагов. Это придает мне важности.

Мал сложил руки на груди и оценивающе посмотрел на корсара.

– Я вот думаю, ты безумец или глупец?

– У меня много достоинств. Одно и не выберешь.

Я покачала головой. Корсар определенно слетел с катушек!

– Кто же тебя перекупил? И куда ты нас везешь?

– Сперва ответь на мой вопрос, – Штурмхонд достал из кармана сюртука небольшой красный томик. – Почему Дарклинг постоянно носил его с собой? Он не очень-то похож на религиозного фанатика.

Я взяла книгу и перевернула обложкой вверх, хотя и так знала, что там написано. Золотые литеры блестели на солнце.

– Ты украл ее?

– Как и несколько других документов из его каюты. Опять же, если учесть, что каюта фактически *моя*, это нельзя назвать кражей.

– *Фактически*, – раздраженно начала я, – каюта принадлежит капитану, у которого ты украл судно.

– Справедливо, – признал Штурмхонд. – Если твоя карьера в роли заклинательницы Солнца пойдет крахом, подумай о стезе адвоката. Ты любишь придирается. Правда, должен заметить, что на самом деле книга принадлежит тебе.

Он раскрыл книгу. Внутри было написано мое имя: Алина Старкова.

Я попыталась сохранить каменное лицо, но мой разум закипел от активной работы. Это «История святых» – та самая, которую несколько месяцев назад мне подарил Апрат в библиотеке Малого дворца. Дарклинг наверняка обыскал мою комнату после того, как я сбежала из Ос Альты, но зачем ему книга? И почему он так боялся, что я ее прочла?

Я начала листать страницы. Книжка полнилась невероятными иллюстрациями, хотя, если вспомнить, что она предназначалась детям, рисунки выглядели пугающими. Некоторые святые изображались так, словно они совершали чудеса или творили акты милосердия: Санкт-Феликс среди яблоневых сучьев, Санкта-Анастасия, освобождающая Аркеск от изнурительной чумы. Но на большинстве страниц святые были запечатлены в муках: четвертование Санкты-Елизаветы, обезглавливание Санкты-Любови, Санкт-Илья в цепях. Я окаменела. На сей раз я не смогла скрыть свою реакцию.

– Интересно, не правда ли? – хмыкнул Штурмхонд и постучал длинным пальцем по странице. – Если не ошибаюсь, мы поймали именно это существо.

Это было неоспоримо: за спиной святого Ильи виднелось четкое очертание морского хлыста, плещущегося в волнах озера или моря. Но это еще не все. Мне едва удалось сдержаться, чтобы не потянуть руку к ошейнику.

Я закрыла книгу и пожала плечами.

– Это всего лишь сказки.

Мал недоуменно посмотрел на меня. Надеюсь, он не видел, что было изображено на странице.

Я не хотела возвращать «Историю святых» Штурмхонду, но он и без того испытывал подозрения на мой счет. Мне ничего не оставалось, кроме как протянуть ему книгу обратно, молясь, чтобы он не заметил дрожь моих рук.

Штурмхонд изучающе посмотрел на меня, выпрямился и поправил рукава.

– Оставь себе. В конце концов, она *твоя*. Уверен, вы заметили, что я питаю глубокое уважение к личной собственности. Да и надо же тебе чем-то себя занять, пока мы плывем в Ос Керво.

Мы с Малом вздрогнули.

– Ты везешь нас в Западную Равку? – спросила я.

– Я везу вас на встречу с моим клиентом, и это все, что я могу сказать.

– Кто он? Что ему надо?

– Почему ты сразу решила, что это «он»? Может, мне велела тебя доставить фьерданская королева!

– Неужели?

– Нет. Но не стоит делать поспешных выводов.

Я раздраженно фыркнула.

– Ты можешь хоть раз ответить на вопрос прямо?

– Трудно сказать... Ой, ну вот, опять я за свое!

Я повернулась к Малу и сжала кулаки.

– Я его убью.

– Отвечай на вопрос, Штурмхонд, – прорычал парень.

Тот вздернул бровь.

– Вам нужно знать всего две вещи, – начал он, и на сей раз я услышала стальные нотки в его голосе. – Во-первых, капитан не любит, когда им помыкают на собственном корабле. Во-вторых, я хотел бы предложить вам сделку.

Мал засмеялся.

– И с чего бы нам тебе доверять?

– Не то чтобы у вас был выбор, – любезно уточнил корсар. – Я прекрасно знаю, что вы могли бы потопить этот корабль и обречь нас на гибель в морской пучине, но я все же надеюсь, что вы попытаете счастья с моим клиентом. Выслушайте, что он скажет. Если вам не понравится его предложение, клянусь, я помогу вам сбежать. Отвезу вас куда угодно.

Я не верила собственным ушам.

– Ты уже перешел дорогу Дарклинга, а теперь намереваешься предать и нового клиента?

– Вовсе нет, – казалось, он искренне оскорбился такому предположению. – Мне заплатили, чтобы *доставить* вас в Равку, а не чтобы вы там *остались*. За это идет дополнительная плата.

Мы с Малом переглянулись. Он повел плечом и сказал:

– Он лжец и, вероятно, безумец, но он прав. У нас нет выбора.

Я потеряла виски. Голова трещала. Я устала и была сбита с толку. И манера речи Штурмхонда побуждала меня кого-нибудь застрелить. Желательно – его самого. Но он спас нас от Дарклинга... Как только мы сойдем с корабля, то придумаем, как сбежать. Более дальновидных планов я пока не строила.

– Хорошо.

Корсар улыбнулся.

– Как приятно знать, что ты нас все же не потопишь. – Он подозвал матроса, околачивающегося неподалеку. – Передай Тамаре, что она будет делить каюту с заклинительницей, – затем показал на Мала. – Этот может спать с Толей.

Не успел Мал что-нибудь возразить, как Штурмхонд его опередил:

– Таков порядок на корабле. Вы можете свободно передвигаться по «Волку волн», пока мы не достигнем Равки, но, прошу, не испытывайте мою щедрость. На этом корабле есть правила, и мое терпение не безгранично.

– Не только твое, – процедил Мал сквозь стиснутые зубы.

Я положила руку ему на плечо. Я бы предпочла, чтобы мы держались вместе, но сейчас было не время спорить с корсаром.

– Успокойся. Со мной все будет хорошо.

Мал нахмурился, а затем развернулся на пятках и пошел по палубе, исчезая в упорядоченном хаосе из веревок и парусов. Я шагнула было вслед за ним.

– Возможно, ему хочется побыть одному, – остановил меня Штурмхонд. – Таким, как он, нужно время на размышления и самобичевания. Иначе они становятся капризными.

– Ты хоть иногда бываешь серьезным?

– Стараюсь этого избегать. В противном случае жизнь была бы слишком утомительной.

Я покачала головой.

– Твой клиент...

– Даже не начинай. Разумеется, у меня было много претендентов. Ты пользуешься большим спросом после исчезновения в Каньоне. Естественно, большинство считают тебя мертвой. Это слегка сбивает цену за твою голову. Не принимай близко к сердцу.

Я наблюдала, как члены экипажа пытаются скинуть тело морского хлыста в море. Поднатужившись, они рывком перекинули его через перила шхуны. Тот рухнул в воду с громким всплеском. И вот в мгновение ока Русалья не стало – его поглотила морская пучина.

Прозвучал протяжный свист. Команда и шквальные встали по местам. Секундой позже паруса расцвели, как огромные белые цветки, и шхуна двинулась в путь, плывя на юго-восток Равки. Домой.

– Что ты собираешься делать с чешуей? – спросил Штурмхонд.

– Не знаю.

– Разве? Несмотря на мой ослепительный внешний вид, я не такой симпатичный дурак, каким кажусь. Дарклинг хотел, чтобы ты носила чешуйки на себе.

«Так почему же он его не убил?»

Когда Дарклинг убил оленя и надел на меня ошейник Морозова, мы оказались связаны между собой. Меня передернуло от воспоминаний, как он воспользовался этой связью и орудовал моей силой, пока я беспомощно стояла рядом. Могла ли чешуя дракона наделить его той же властью? И если так, почему же он не заявил на нее свои права?

– У меня уже есть усилитель.

– И довольно могущественный, если слухи – правда.

Самый могущественный в мире. Так сказал Дарклинг, и я ему поверила. Но что, если это не все? Что, если я прикоснулась лишь к малой доле мощи оленя? Я покачала головой. Настоящее безумие!

– Усилители нельзя соединять.

– Я пролистывал книгу, – ответил Штурмхонд. – Там четко сказано, что можно.

«История святых» оттягивала мне карман. Вдруг Дарклинг боялся, что я узнаю тайны Морозова из детской книжки?

– Ты сам не ведаешь, что несешь! Ни один гриш не обладал двумя усилителями сразу. Риск...

– Лучше не использовать это слово при мне. Я, как правило, люблю рисковать.

– Не так, – сухо ответила я.

– Жаль, – пробормотал капитан. – Если Дарклинг нас догонит, я очень сомневаюсь, что шхуна и ее экипаж переживут еще одну битву. Второй усилитель мог бы сравнять наши шансы. Или даже дать нам преимущество. Ненавижу честные бои!

– Или же он мог бы убить меня, потопить корабль, создать второй Тенистый Каньон или еще что похуже.

– Я смотрю, ты любишь вдаваться в крайности.

Мои пальцы скользнули в карман и нащупали влажные края чешуек. У меня практически не было о них информации, а мои знания по теории гришей в лучшем случае можно назвать общими. Но это правило всегда казалось довольно ясным: на одного гриша один усилитель. Я помнила слова из запутанного учебника по философии, который меня заставили прочесть: «Почему гриши могут обладать лишь одним усилителем? Вместо ответа я задам вам вопрос: что в жизни бесконечно? Вселенная да человеческая жадность». Мне нужно было время, чтобы поразмыслить над этим.

– Ты сдержишь слово? – наконец спросила я. – Поможешь нам сбежать?

Сама не знаю, зачем я спрашивала. Если бы он планировал нас предать, то вряд ли признался бы в этом.

Я ожидала, что корсар отшутится, потому его ответ меня удивил:

– Ты так жаждешь вновь покинуть свою страну?

Я словно окаменела. «Тем временем твоя страна будет страдать». Дарклинг обвинил меня в том, что я бросила Равку. Он во многом ошибался, но я не могла избавиться от ощущения, что в этом он прав. Я бросила свою родину на милость Тенистого Каньона, ослабшего короля и жадных тиранов, как Дарклинг и Апат. Теперь же, если верить сплетням, Каньон увеличился, а Равка – распадалась на части. Из-за Дарклинга. Из-за ошейника. Из-за меня.

Я задрала голову к солнцу, наслаждаясь морским бризом, и сказала:

– Я жажду свободы.

– Пока Дарклинг жив, тебе ее не видать, как и твоей стране. И ты это прекрасно знаешь.

Я допускала возможность, что Штурмхонд алчен и глуп, но мне не приходило в голову, что он – патриот. В конце концов, он равкианец, и даже если его подвиги набивали ему карманы, они также помогли Равке больше, чем весь наш хилый флот.

– Я хочу иметь право на выбор.

– Оно у тебя будет. Даю тебе слово лжеца и головореза. – Он начал было уходить, но затем вернулся. – Ты права в одном, заклинительница. Дарклинг – могущественный враг. Тебе не мешало бы подумать, как завести могущественных друзей.

* * *

Больше всего мне хотелось достать из кармана книгу и провести час за изучением иллюстрации святого Ильи, но Тамара уже поджидала меня, чтобы провести в свои покои.

Шхуна Штурмхонда ничем не походила на крепкое торговое судно, которое доставило нас в Новый Зем, или на неуклюжий китобой, который мы оставили позади. Она была изящной, внушительно вооруженной и искусно построенной. Тамара поведала мне, что они захватили ее у земенского пирата, грабившего равкианские корабли у портов южного побережья. Штурмхонду настолько приглянулась по душе эта шхуна, что он повесил свой флаг и назвал ее «Волком волн».

Волки. Штормовой пес. Красная собака на флаге корабля. По крайней мере, мне стало ясно, почему экипаж постоянно выл и тявкал.

Каждый дюйм шхуны имел свое предназначение. Члены команды спали на батарейной палубе. В случае чего гамаки быстро складывались, а их место занимали пушки. Я оказалась права в том, что при наличии корпоралов на борту они не нуждались в отказнике-докторе. Каюта судового врача и кладовая были отданы во владения Тамары. В крошечном помещении едва хватало места на два гамака и сундук. На стенах выстроились полочки с неиспользованными мазями, бальзамами, мышьяком и настойками свинцовой сурьмы.

Я аккуратно уселась в гамак, упираясь ногами в пол. «История святых» прожигала карман пальто, пока я наблюдала, как Тамара открывает крышку сундука и начинает складывать туда оружие: пистолеты с груди, два небольших топора с пояса, кинжал с сапога и рапиру с ноги. Прямо ходячий оружейный магазин!

– Сочувствую твоему другу, – сказала она, доставая из кармана нечто похожее на носок, полный шариков дробы. Тот громко стукнулся о дно сундука.

– Почему же? – поинтересовалась я, рисуя круг на досках носком сапога.

– Мой братец храпит, как пьяный медведь.

Я рассмеялась.

– Мал тоже храпит.

– Тогда они могли бы храпеть дуэтом, – она исчезла, а через секунду вернулась с ведром. – Проливные наполнили дождевые бочки. Можешь помыться, если хочешь.

Чистая вода была роскошью на корабле, но, полагая, ее необязательно нормировать, когда у тебя в команде гриши.

Девушка окунула голову в ведро и взъерошила свои короткие черные волосы.

– Твой следопыт очень даже неплох.

Я закатила глаза.

– Да что ты говоришь!

– Симпатичный, но не в моем вкусе.

Мои брови взметнулись вверх. По моим наблюдениям, Мал приходился по вкусу абсолютно всем. Но я не собиралась задавать Тамаре личные вопросы. Если Штурмхонду нельзя доверять, то и его экипажу тоже. И мне не хотелось сближаться с кем-либо из них. Я усвоила урок с Женей – одной разрушенной дружбы было вполне достаточно.

– В команде Штурмхонда есть керчийцы. Разве они не суеверны по отношению к девушкам на корабле?

– У Штурмхонда свой взгляд на вещи.

– И они... не пристают к тебе?

Тамара ухмыльнулась, сверкнув белоснежными зубками на фоне бронзовой кожи. Затем постучала по блестящему акульему зубу на шее, и я признала в нем усилитель.

– Не-а.

– О...

Не успела я и глазом моргнуть, как она достала еще один нож из рукава.

– Это тоже могло поспособствовать.

– Как ты их выбираешь? – выдохнула я.

– По настроению, – девушка перевернула нож и протянула его мне. – Штурмхонд приказал тебя не трогать, но если вдруг кто-то напьется и забудет о приказе... ты сможешь о себе позаботиться?

Я кивнула. У меня не было тридцати ножей, прикрепленных к разным частям тела, но и беззащитной меня не назвать.

Тамара снова окунула голову в воду.

– Наверху играют в кости, да и выпить я бы не отказалась. Можешь пойти со мной.

Мне было плевать на азартные игры и ром, но и в каюте сидеть не хотелось. Мое тело вибрировало от использования силы против ничего. Впервые за много недель я чувствовала прилив энергии и голод. Но все равно покачала головой.

– Спасибо, но нет.

– Ладно, располагайся. А мне пора собирать долги. Петр ставил на то, что мы не вернемся на шхуну. Клянусь, когда мы перелезли через перила, на его лице была запечатлена вселенская грусть.

– Он поставил на то, что вас убьют? – ошарашенно спросила я.

Девушка только расхохоталась.

– Я его не виню. Мы выступили против самого Дарклинга и его гришей! Все знали, что это миссия для самоубийц. Команда тянула соломинки, чтобы выбрать, кому выпала честь помирать.

– И вы с братом оказались в числе тех, кому не повезло?

– Мы? – Тамара замерла в дверном проеме. Волосы влажные, а лицо озарено ухмылкой. – Мы ничего не тянули, – сказала она, выходя в коридор. – Мы добровольцы.

* * *

Возможность поговорить с Малом наедине появилась только ближе к ночи. Нас пригласили отужинать в каюте Штурмхонда, и трапеза выдалась довольно странной. Еду подавал стюард – слуга с безупречными манерами, который был на несколько лет старше, чем все присутствующие на корабле. Продукты оказались куда лучше, чем все, что мы ели в Новом Земе:

свежий хлеб, жареный морской окунь и маринованные редиски. Запивалось все это сладким ледяным вином, после пары глотков которого у меня закружилась голова.

У меня сильно разыгрался аппетит, как случалось всегда после использования силы, но Мал почти не ел и помалкивал, пока Штурмхонд не упомянул о партии оружия, которую вез в Равку. Это подняло парню настроение, и остаток ужина они болтали о пистолетах, гранатах и различных интересных способах что-нибудь подорвать. Мне даже лень было делать вид, что я их слушаю. Пока они обсуждали винтовки, которые использовались на земенской границе, я думала лишь о чешуйках и что с ними делать.

Осмелюсь ли я надеть второй усилитель? Я забрала жизнь морского хлыста, его сила принадлежала мне. Но если чешуйки работали как ошейник Морозова, то я также могла отдать эту силу. Например, одному из сердебитов Штурмхонда. Может, даже Толе. Попытаться контролировать его, как когда-то контролировал меня Дарклинг. Я могла бы заставить корсара вернуть нас в Новый Зем. Но, признаться, это не то, чего мне хотелось.

Я сделала еще один глоток вина. Нужно поговорить с Малом.

Чтобы как-то отвлечься, начала изучать каюту Штурмхонда. Все было сделано из полированного дерева и латуни. Его рабочий стол был завален графиками, деталями сломанного секстанта и странными рисунками, изображавшими что-то вроде крыла механической птицы на шарнирах. На столе мерцали керчийский фарфор и хрусталь. Этикетки на винных бутылках содержали надписи на незнакомом мне языке. «*Все это краденое*», – осенило меня. Штурмхонд хорошо о себе заботился.

Воспользовавшись шансом, я впервые присмотрелась к капитану. Он был лет на пять старше меня, и по какой-то необъяснимой причине его лицо выглядело странно. Острый подбородок. Глаза – болотно-зеленого цвета. Волосы – необычного рыжего оттенка. Нос выглядел так, будто его ломали, и не раз. В какой-то момент корсар поймал меня за изучением себя. Могу поклясться, он отвернулся от света!

Когда мы наконец покинули капитанскую каюту, было уже за полночь. Я загнала Мала на верхнюю палубу, в уединенное местечко на носу корабля. Ясное дело, что на фор-марсе над нами сидели дозорные, но другой возможности пообщаться тет-а-тет могло и не выпасть.

– Мне он нравится, – заявил Мал, слегка покачиваясь от количества выпитого. – Да, он слишком много болтает и готов украсть даже пуговицы с твоей обуви, но он неплохой паренек и много знает о...

– Ты не мог бы заткнуться? – зашипела я. – Я хочу тебе кое-что показать.

Мал посмотрел на меня мутными глазами.

– А вот грубить необязательно!

Я проигнорировала его и достала красный томик из кармана.

– Смотри, – открыла страницу и посветила ладонью на ликующее лицо святого Ильи.

Мал оцепенел.

– Олень... и русалье, – я наблюдала, как он изучает иллюстрацию, и заметила тот момент, когда до него наконец дошло. – Святые, – выдохнул парень. – Есть и третий!

ГЛАВА 6

На берегу темного моря стоял святой Илья. Он был одет в потрепанные лохмотья, некогда бывшие фиолетовой мантией. Его руки разведены в стороны ладонями вверх. На лице застыло блаженное, безмятежное выражение, с которым рисовали всех святых – обычно перед тем, как их постигала мучительная смерть. На шее виднелся железный ошейник, который когда-то крепился тяжелыми цепями к кандалам на запястьях. Ныне сломанные цепи свисали по бокам.

За спиной святого Ильи плескался в волнах извивающийся белый змей.

У его ног лежал белый олень, глядя на нас темными, мудрыми очами.

Но не эти создания приковывали наше внимание. За левым плечом святого возвышались горы, и там вдалеке, едва различимая на расстоянии, кружила птица над высокой каменной аркой.

Мал обвел пальцем ее длинные хвостовые перья, окрашенные в белый и бледно-золотой цвет, как сияние нимба святого Ильи.

– Не может быть!

– Олень был настоящим. Как и морской хлыст.

– Но это... другое.

Его правда. Жар-птица – герой тысячи сказок. Она – сердце каждого равкианского мифа, вдохновение для бесчисленного количества пьес и баллад, романов и опер. Поговаривали, что границы Равки были очерчены по мановению ее крыла. Реки Равки наполнялись ее слезами. Столица якобы была основана на том месте, куда упало ее перо. Его подобрал один юный воин и отправился на битву. Ни одна армия не могла его одолеть. Так он стал первым королем Равки. По крайней мере, так говорилось в легенде.

Жар-птица и есть Равка. Ее невозможно поразить охотничьей стрелой, ее кости не предназначены для великой славы какой-то выскочки-сиротки.

– Санкт-Илья, – прошептал Мал.

– Илья Морозов.

– Святой гриш?

Я коснулась страницы кончиком пальца, провела по ошейнику, по кандалам на запястьях Морозова.

– Три усилителя. Три мифических создания. Два из них уже у нас.

Мал замотал головой, пытаясь протрезветь от вина. Неожиданно он взял и захлопнул книгу. На секунду я испугалась, что он выкинет ее в море, но парень просто вернул ее мне.

– И что нам с этим делать? – раздраженно поинтересовался он.

Я размышляла об этом весь день и вечер, в течение всего нескончаемого ужина. Мои пальцы без конца ощупывали чешуйки морского хлыста, будто стремились ощутить их прикосновение вновь и вновь.

– Мал, в команде Штурмхонда есть фабрикатор. Он считает, что я должна использовать чешую... и я думаю, что, возможно, он прав.

– Что?! – Парень резко поднял голову.

Я нервно сглотнула и поспешила объяснить:

– Силы оленя недостаточно, чтобы победить Дарклинга или уничтожить Каньон.

– И, по-твоему, второй усилитель – выход из ситуации?

– Пока что – да.

– *Пока?* – Мал взъерошил рукой волосы. – Ради всего святого, ты хочешь все три усилителя! Ты хочешь поймать жар-птицу!

Я внезапно почувствовала себя глупой и алчной девчонкой.

– Иллюстрация...

– Это всего лишь картинка, Алина, – яростно зашептал Мал. – Рисунок какого-то мертвого монаха!

– Но что, если это не так? Дарклинг говорил, что усилители Морозова необычные, они должны использоваться вместе.

– Теперь ты прислушиваешься к советам убийцы?

– Нет, но...

– Может, вы еще что-то задумали, пока отсиживались в трюме?

– Мы с ним не отсиживались! – огрызнулась я. – Он просто пытался действовать тебе на нервы.

– Что ж, у него получилось, – Мал схватился за перила, и костяшки его пальцев побелели. – Однажды я проткну стрелой глотку этого ублюдка.

В моей голове эхом прозвучал голос Дарклинга: «Таких, как мы, больше нет». Я отмахнулась от этой мысли и накрыла своей рукой ладонь Мала.

– Ты нашел оленя и морского хлыста. Возможно, тебе предназначено найти и жар-птицу.

Он горько рассмеялся, но я поняла, что его злость утихает.

– Я хороший следопыт, Алина, но не настолько. Нам нужно с чего-то начать. Жар-птица может быть где угодно.

– Тебе это по силам. Я уверена.

В конце концов он вздохнул и накрыл мою руку своей.

– Я ничего не помню о святом Илье.

Неудивительно. Святых было сотни, в каждой крошечной деревушке, в любом захолустье Равки – свой. Кроме того, в Керамзине религия считалась развлечением для крестьян. Церковь мы посещали максимум два раза в год. Мои мысли постоянно возвращались к Апрату. Это он подарил мне «Историю святых», но я понятия не имела, какие у него были мотивы и знал ли он вообще о секретах, таящихся в этой книжке.

– Я тоже. Но эта арка должна что-то значить.

– Ты узнаешь ее?

Когда я впервые увидела иллюстрацию, арка показалась мне знакомой. Но за время работы картографом я просмотрела невероятное количество карт. Моя память была затуманена видами долин и взгорьев как в Равке, так и за ее пределами. Я покачала головой.

– Нет.

– Разумеется. Это было бы слишком просто. – Мал тяжело вздохнул и притянул меня к себе, разглядывая мое лицо в лунном свете. Затем коснулся ошейника на моей шее. – Алина, откуда нам знать, как на тебя повлияют эти усилители?

– Ниоткуда, – признала я.

– Но ты все равно стремишься их заполучить. Олень, морской хлыст, жар-птица.

Я подумала о волне ликования, прошедшей по моему телу при использовании способностей в битве с ордой Дарклинга, о том, как я оживилась при применении разреза. Каково мне будет, когда эта сила удвоится? Утроится? От одной мысли голова пошла кругом.

Я подняла взгляд на бархатисто-черное небо, усыпанное драгоценными камнями звезд. Неожиданно на меня нахлынул голод. «*Я хочу их*, – подумалось мне. Столько света, столько силы! – *Я хочу их все*».

По телу прошла беспокойная дрожь. Я провела пальцем по корешку «Истории святых». Возможно ли, что мной движет алчность и я вижу то, что хочу видеть? Может, та же алчность управляла Дарклингом все эти годы, обернула его в Черного Еретика и разорвала Равку надвое. Но я также не могла игнорировать простую истину: без усилителей я ему не соперница. У нас с Малом нет другого выбора.

– Они нам нужны, все три. Если мы хотим когда-нибудь перестать убегать и наконец-то стать свободными.

Мал провел ладонью по линии моей шеи, по изгибу щеки, при этом ни на секунду не отводя взгляд. Возможно, он искал ответ в моих глазах. Тем не менее, все, что он ответил, было:

– Хорошо.

Затем он нежно поцеловал меня и, хоть я пыталась это игнорировать, в касании его губ было что-то скорбное.

* * *

Не знаю, было ли дело в том, что я не могла усидеть на месте от нетерпения, или же просто боялась передумать, но мы проигнорировали тот факт, что час уже поздний, и направились напрямик в каюту Штурмхонда. Корсар встретил наше предложение с присущей ему бодростью, после чего мы с Малом пошли ждать его у бизань-мачты. Через пару минут капитан подошел к нам с одной из своих субстанциалок. Выглядела она не особо впечатляюще – волосы заплетены в косички и зеваает, как заспанный ребенок, – но Штурмхонд назвал ее своей лучшей фабрикаторшей, и я поверила ему на слово.

Следом приплелись Толя и Тамара с фонарями, чтобы подсобить фабрикаторше в ее работе. Если мы переживем надвигающиеся невзгоды, все на борту «Волка волн» узнают о втором усилителе. Мне это было не по душе, но уже ничего не поделать.

– Всем добрый вечер, – поприветствовал нас Штурмхонд, хлопая в ладоши и словно не замечая нашего мрачного настроения. – Отличную мы выбрали ночку, чтобы проделать дыру во вселенной, вам так не кажется?

Я насупилась и извлекла чешуйки из кармана. Я промыла их в ведре с морской водой, и они сверкали золотом в свете фонариков.

– Ты знаешь, что делать? – спросила я у фабрикаторши.

Та попросила меня повернуться, чтобы осмотреть заднюю часть ошейника. Мне доводилось видеть его только в зеркале, но я знала, что сделан он практически идеально. Мне ни разу не удалось нащупать швы в тех местах, где Давид соединял между собой кусочки рогов.

Я передала чешуйки Малу, а тот протянул одну из них фабрикаторше.

– Вы уверены, что это удачная затея? – спросила она. Девушка так агрессивно жевала губу, что я испугалась, как бы она ее не прокусила.

– Конечно, нет, – отозвался Штурмхонд. – Все великие дела начинаются с плохих затей.

Фабрикаторша взяла чешуйку у Мала и приложила ее к моему запястью. Затем протянула руку за следующей и приступила к работе.

Первым делом я ощутила жар, исходящий от чешуек, когда их контуры начали расплываться и деформироваться. Одна за другой они сплавлялись воедино, постепенно смыкаясь вокруг моего запястья. Фабрикаторша работала в тишине, ее руки почти не двигались. Толя и Тамара уверенно держали фонарики и стояли с такими непроницаемо-торжественными лицами, что и сами неплохо бы смотрелись на иконах. Даже Штурмхонд притих.

Наконец два конца браслета почти соприкоснулись. У нас оставалась последняя чешуйка. Мал держал ее в ладони и рассматривал.

– Мал?

Он не поднял взгляд, но дотронулся пальцем до кожи на моем запястье – там, где бился пульс и где сомкнется окова. Затем передал последнюю чешуйку фабрикаторше.

Через минуту все было готово.

Штурмхонд взглянул на переливающийся браслет из чешуек.

– Гм, я представлял себе конец света более эпичным.

– Отойдите, – приказала я.

Вся команда попятилась к перилам.

– Ты тоже, – обратилась я к Малу. Тот неохотно повиновался. Из-за руля за нами подглядывал Петр. Наверху скрипнули веревки, когда дозорные вытянули шеи, чтобы получше рассмотреть происходящее.

Я сделала глубокий вдох. Нужно быть осторожной. Никакого жара – только свет. Вытерла вспотевшие ладошки о пальто и развела руки в стороны. Почти опережая мой зов, свет кинулся ко мне.

Он исходил со всех сторон, от миллиона звезд и от солнца, спрятавшегося за горизонтом. Свет мчался с неумолимой скоростью и яростными намерениями.

– Всемогушие святые, – успела я прошептать.

После этого свет вспылал во мне, и ночи пришел конец. Небо вспыхнуло ослепительным золотом. Поверхность воды переливалась, как огромный бриллиант, отражая пронзительно-белые вспышки света. Несмотря на мои старания, воздух замерцал от жара.

Я закрыла глаза от яркого света, пытаюсь сосредоточиться и возыметь контроль над собой. В голове зазвучал строгий голос Багры, требующий, чтобы я доверилась своей силе: «Это не животное, убегающее при твоём приближении или выбирающее, стоит ли откликаться на твой зов». Но я еще никогда не испытывала подобных ощущений. Моя сила *была* животным, созданием из вечного пламени, вздымающимся от могущества оленя и ярости морского хлыста. Она текла по моим венам, лишая дыхания, ломая меня изнутри, стирая границы, пока я сама не стала светом.

«*Слишком много*, – подумала я с отчаянием. И в то же время: – *Мне нужно больше*».

Откуда-то издали донеслись крики. Жар вздымался вокруг меня, трепля полы пальто и опалая волоски на руках. Мне было плевать.

– Алина!

Корабль закачался, а море начало потрескивать и шипеть.

– Алина!

Внезапно Мал обхватил меня руками и оттащил назад. Он держал меня так крепко, что тело заныло. Глаза парня были крепко зажмурены, чтобы сберечь их от сияния вокруг нас. Я почувствовала запах морской воды, пота и отголоски знакомых ароматов – Керамзина, полевой травы и зеленой лесной чащи.

Мои руки, ноги, туловище наконец начали приходить в чувство, пока Мал сжимал меня все крепче, по кусочкам соединяя мое тело воедино. Затем я ощутила свои губы, зубы, язык, сердце и две новые частички себя: ошейник и окову. Кости и дыхание, мышцы и плоть. Они – мои.

«Чувствует ли птица вес своих крыльев?»

Я вздохнула, постепенно приходя в себя. Мне не нужно брать в узды свою силу. Она цеплялась за меня, словно радуясь возвращению домой. Я выпустила свет на свободу одним мощным взрывом. Светлое небо раскололось надвое, впуская ночь обратно. Вокруг нас каскадами падали искры, как блестящие лепестки, сдуваемые ветром с тысяч цветов.

Жар уменьшился, а море успокоилось. Я потянула за последние лучи света и сплела их в слабо сияющий шар, пульсирующий над палубой корабля.

Штурмхонд и остальные скрючились у перил с открытыми ртами: то ли от восторга, то ли от страха. Мал прижимал меня к груди, уткнувшись лицом в волосы, и часто дышал.

– Мал, – тихо позвала я. Он сжал меня еще крепче, да так, что я взвизгнула. – Мал, мне нечем дышать!

Парень медленно открыл глаза и посмотрел на меня. Я опустила руки, и свет полностью исчез. Только тогда он ослабил хватку.

Толя зажег лампу, а остальные поднялись на ноги. Штурмхонд стряхнул пыль со складок своего безвкусного бирюзового сюртука. Фабрикаторша выглядела так, будто ее тошнит, а лица

близнецов было невозможно прочесть. Их золотые глаза светились чем-то, чему я не могла подобрать название.

– Что ж, заклинательница, – начал Штурмхонд с легким трепетом в голосе, – ты определенно умеешь устраивать представление.

Мал схватил мое лицо в ладони и поцеловал бровь, нос, губы, волосы, после чего вновь крепко прижал к себе.

– Ты в порядке? – хрипло спросил он.

– Да.

Но это была не совсем правда. Я чувствовала вес ошейника на шее и тяжесть оковы на запястье. Вторая рука казалась голой по сравнению с ней. Я была неполноценной.

* * *

Штурмхонд разбудил свою команду, и мы легли на курс, едва забрезжил рассвет. Мы не знали, как далеко распространился мой свет ночью, но вероятность того, что я выдала наше местоположение, была велика. Нам срочно нужно было двигаться дальше.

Каждый член экипажа хотел поглазеть на второй усилитель. Некоторые относились ко мне с настороженностью, другие с любопытством, но больше всего меня беспокоил Мал. Он постоянно наблюдал за мной, словно боялся, что в любой момент я могу потерять контроль. Когда стемнело и мы спустились в трюм, я загнала его в один из узких проходов.

– Я в порядке, серьезно.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю. Я чувствую.

– Ты не видела того, что видел я. Это было...

– Сила выскользнула у меня из рук. Я не знала, чего ожидать.

Он покачал головой.

– Ты была похожа на незнакомку, Алина. Прекрасную. Ужасную.

– Больше этого не повторится. Окова теперь часть меня, как легкие или сердце.

– Сердце, – сухо повторил парень.

Я взяла его за руку и прижала к своей груди.

– Это все то же сердце, Мал. Оно все еще твое.

Я подняла вторую руку и окинула его лицо легким сиянием. Мал вздрогнул. *«Ему никогда не понять твоих способностей, а если и поймет, то начнет тебя бояться»*. Я попыталась заглушить голос Дарклинга в своей голове. У Мала было право на страх.

– Я справлюсь, – тихо сказала я.

Он закрыл глаза и поднял лицо к свету, исходящему из моей ладони. Затем прижался к ней щекой. Свет засиял теплотой у его кожи.

Так мы и стояли в тишине, пока не зазвонил колокол.

ГЛАВА 7

Ветер потеплел, а вода сменила сероватый оттенок на лазурный. «Волк волн» нес нас на юго-восток к Равке. Экипаж Штурмхонда состоял из матросов и беглых гришей, работавших сообща, чтобы путешествие проходило гладко. Несмотря на распространившиеся слухи о мощи второго усилителя, на нас с Малом почти не обращали внимания. Хотя иногда кто-то все же приходил посмотреть, как я тренируюсь на корме шхуны. Я была очень осторожна, стараясь не переусердствовать, и всегда взывала к свету днем, когда солнце ярко светило в небе и никто не мог заметить мои лучи издалека. Мал все еще был настороже, но я сказала ему правду: сила морского хлыста теперь часть меня. Она оживляла меня, вызывала восторг. Я ее не боялась.

Гриши-отшельники мгновенно меня очаровали. У каждого из них была своя история. У одного была тетка, которая предпочла увезти его, чем отдать на службу Дарклингу. Другой дезертировал из Второй армии. Третья спряталась в погребе, когда к ней приехали экзаменаторы-гриши.

– Мама сказала им, что я погибла от болезни, охватившей нашу деревню прошлой весной, – поведала проливная. – Соседи отрезали мне волосы и выдавали за своего умершего сына-отказника, пока я не стала достаточно взрослой, чтобы уехать.

Мать Толи и Тамары была гришом, служившей на южной границе Равки, где и познакомилась с их отцом – шуханским наемником.

– Когда она умирала, – рассказывала Тамара, – то взяла с папы обещание, что он не позволит им забрать нас во Вторую армию. На следующий день мы уехали в Новый Зем.

Именно туда бежало большинство отшельников. За пределами Равки это было единственное место, где они могли не опасаться, что над ними будут ставить эксперименты шуханские ученые или что их сожгут фьерданские охотники на ведьм. Тем не менее, они все равно не могли открыто использовать силу. Гриши – ценные рабы, и недобросовестные керчийские торговцы частенько ловили их и продавали на тайных аукционах.

Именно эти угрозы побуждали многих гришей искать защиты в Равке и присоединяться ко Второй армии. Но отшельники думали иначе. Для них жизнь в постоянном страхе преследования и переездах с места на место была предпочтительней жизни на службе у Дарклинга и равкианского короля. Я понимала их выбор.

Спустя несколько монотонных дней на шхуне мы с Малом попросили Тамару показать нам пару земенских боевых приемов. Это помогало отвлечься от однообразия жизни на корабле и беспокойства по поводу возвращения в Западную Равку.

Команда Штурмхонда подтвердила жуткие слухи, которые дошли до нас в Новом Земе. Попытки пересечь Каньон прекратились, и его границы начали разрастаться. Окрестные жители спасались бегством. Первая армия была близка к бунту, а ряды Второй сильно поределели. Больше всего меня испугала новость о культе святой заклинательницы Солнца во главе с Апрутом. У него становилось все больше последователей. Никто не знал, как ему удалось сбежать из Большого дворца после неудачного переворота Дарклинга, но он объявился в одном из монастырей, разбросанных по Равке.

Старик пустил слух, что я погибла в Каньоне и воскресла в качестве святой. Поначалу это казалось смешным, но ночью, когда я перелистывала кровавые страницы «Истории святых», я не могла выдать из себя и усмешки. Я вспомнила запах Апрута – неприятное сочетание ладана и плесени, – и плотнее закуталась в пальто. Это он дал мне красную книжку. Хотела бы я знать, зачем...

Несмотря на бесчисленное количество синяков и ушибов, тренировки с Тамарой помогали мне заглушить неотступную тревогу. Девушек призывали в армию короля в том же возрасте, что и юношей. Я видела много девчачьих боев, пока проходила подготовку. Но мне еще

никогда не доводилось видеть, чтобы кто-то дрался так, как Тамара. У нее была грация танцовщицы и безошибочный инстинкт – она всегда знала, каким будет следующий шаг противника. Ее любимым оружием были топоры с двусторонними лезвиями, которыми она орудовала в тандеме. Их лезвия блестели как блики на воде, но не менее ловко она управлялась с саблей и пистолетом, была хороша и в кулачном бое. Только брат мог посоревноваться с ней в ловкости, и когда они с Толей устраивали тренировочный бой, посмотреть на это собиралась вся команда.

Великан говорил мало и проводил большую часть времени, патрулируя корабль или распугивая всех своим видом. Но порой он предлагал помощь в наших тренировках. Учитель из него был так себе. «Двигайся быстрее!» – вот и все, что я от него слышала. Из Тамары вышел инструктор получше, но занятия стали менее продуктивными после того, как Штурмхонд заметил нас на носовой части шхуны.

– Тамара! – упрекнул он ее. – Прошу, не повреди наш груз.

Та мгновенно подобралась и отчеканила:

– Да, капитан!

Я хмуро на него покосилась.

– Я тебе не багаж, который надо доставить, Штурмхонд.

– Очень жаль, – сказал он, вальяжно прогуливаясь по кораблю. – Багаж не болтает и остается там, где его оставили.

Но когда мы начали тренироваться на рапирах и саблях, даже корсар не смог сдержаться и присоединился к нам. Мал оттачивал свое мастерство с каждым днем, хотя капитан пока еще с легкостью побивал его. Но Мала это несколько не огорчало. Он воспринимал каждый проигрыш с долей юмора, а вот я не могла с собой совладать. Ненавижу проигрывать!

– Как вы с Толей научились пользоваться своими способностями? – спросила я Тамару однажды, когда мы сидели на палубе и наблюдали за спаррингом Мала и Штурмхонда на пригнутых мечах. Девушка нашла мне такелажную свайку и пыталась научить меня завязывать узлы и сплести концы тросов, пока не наступит ее черед надирать мне зад.

– Держи локти! – ругал Мала Штурмхонд. – Хватит размахивать ими как цыпленок!

Мал начал очень убедительно кудахтать.

Тамара вздернула бровь.

– Твой друг, похоже, любит веселиться.

Я пожала плечами.

– Он всегда был таким. Бросьте его в лагере фьерданских убийц, и через час они вынесут его на плечах. Этот цветочек расцветает везде, где бы его ни посадили.

– А ты?

– А вот я сорняк, – сухо ответила я.

Тамара ухмыльнулась. В драке она была расчетлива и беспощадна, но в другое время мне с легкостью удавалось вызвать у нее улыбку.

– Мне нравятся сорняки, – сказала она, отталкиваясь от перил и сматывая веревку. – Они умеют выживать.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь в ответ, и спешно вернулась к работе над узлом. Проблема в том, что мне нравилось быть на борту корабля Штурмхонда. Мне нравились Толя, Тамара и все остальные члены экипажа. Нравилось трапезничать с ними, нравились звуки мелодичного тенора Петра. Нравились вечера, когда мы учились стрелять, ставя пустые бутылки из-под вина в ряд и делая шуточные ставки.

Это немного напоминало жизнь в Малом дворце, только без грязной политики и постоянной борьбы за статус. Команда общалась между собой легко и открыто. Все они были молоды, бедны и провели большую часть жизни в бегах. Они обрели дом на корабле и приняли нас с Малом в семью без лишних формальностей.

Я не знала, что нас ждет в Западной Равке, и вообще считала, что возвращаться туда – верх безумия. Но на «Волке волн», под раздуваемыми ветром белыми парусами, трепещущими на фоне ясного голубого неба, я забывала о будущем и своих страхах.

Стоило признать, я также прикипела и к Штурмхонду. Он дерзкий и нахальный, и всегда использует десять слов вместо двух, но меня впечатляли его капитанские навыки и то, как умело он управлял командой. Он не утруждал себя трюками, которыми пользовался Дарклинг, но все следовали за ним безоговорочно. Люди уважали его, а не боялись.

– Как Штурмхонда зовут на самом деле? – спросила я Тамару. – Какое его равкианское имя?

– Без понятия.

– Ты никогда не интересовалась?

– А с чего бы мне это делать?

– Но где именно он жил в Равке?

Она, прищурившись, посмотрела на небо.

– Хочешь отработать несколько приемов с саблей? У нас еще есть время перед началом моей смены.

Девушка всегда меняла тему, когда я упоминала ее капитана.

– Он же не мог просто рухнуть с неба на корабль! Разве тебя не волнует, откуда он взялся?

Тамара подняла сабли и передала их Толе, служившему судовым оружейником.

– Не особо. Он позволяет нам плавать и драться.

– И не заставляет переодеваться в красные шелка и разыгрывать из себя диванного песика, – поддакнул Толя, снимая связку ключей с шеи.

– Из тебя вышел бы отвратительный песик, – рассмеялась Тамара.

– Это лучше, чем прислуживать какому-то напыщенному идиоту в черном, – проворчал он.

– Но ты прислуживаешь Штурмхонду, – заметила я.

– Только когда он в хорошем настроении.

Я подпрыгнула на месте. Штурмхонд стоял прямо у меня за спиной.

– Попробуй помыкать этим быком и увидишь, что будет, – сказал корсар.

Тамара фыркнула, и они с Толей принялись уносить оставшееся оружие.

Штурмхонд наклонился ко мне и прошептал:

– Если хочешь что-то узнать обо мне, милая, просто спроси.

– Я всего лишь любопытствовала, откуда ты родом, – сказала я в свою защиту. – Вот и все.

– А *ты* откуда родом?

– Из Керамзина. Ты это знаешь.

– Да, но *откуда* ты?

В голове вспыхнуло несколько смутных воспоминаний. Маленькое блюдо с вареной свеклой, то, как она скользит между пальцами, окрашивая их в красный цвет. Запах яичной каши. Я сижу на чьих-то плечах – возможно, отца – и мы движемся по пыльной дороге. В Керамзине любое упоминание о родителях считалось изменой. Мол, мы предаем доброту князя и вообще ведем себя неблагодарно. Как только мы попадали в поместье, нам тут же наказывали никогда не говорить о своей прошлой жизни, и, в конце концов, большинство воспоминаний просто стиралось из памяти.

– Ниоткуда. Деревня, в которой я родилась, была слишком маленькой, чтобы носить какое-то название. А что насчет тебя, Штурмхонд? Откуда ты?

Корсар ухмыльнулся. И вновь у меня возникло чувство, что с его лицом что-то не так.

– Моя мать была устрицей, – подмигнул он. – А я – жемчужина.

Затем он пошел прочь, фальшиво насвистывая какую-то мелодию.

* * *

Две ночи спустя я проснулась от того, что меня трясла за здоровое плечо Тамара.

– Пора идти, – сказала она.

– Сейчас? – сонно пролепетала я. – Который час?

– Начало третьего.

– Утра? – я зевнула и свесила ноги с гамака. – Где мы?

– В пятнадцати милях от побережья Западной Равки. Пойдем, Штурмхонд ждет тебя.

Девушка была полностью одета, за плечом у нее висел небольшой брезентовый мешочек.

У меня не было никаких пожитков, поэтому я просто натянула сапоги, похлопала по внутренним карманам пальто, убеждаясь, что книга на месте, и последовала за Тамарой за дверь.

Мал стоял на палубе с небольшой группой членов экипажа. Я на секунду смутилась, увидев Приета в броском сюртуке Штурмхонда. Самого капитана я бы ни в жизнь не узнала, не выкрикивая он команды в этот момент. Он закутался в объемную шинель с поднятым воротником и плотно надвинул на уши шерстяную шапку.

Дул холодный ветер. Звезды ярко сияли в небе, а над линией горизонта висел серп луны. Я перевела взгляд на залитые лунным светом волны и прислушалась к равномерным вздохам моря. Если земля и была поблизости, я ее не видела.

Мал потер мои руки, пытаясь согреть.

– Что происходит? – поинтересовалась я.

– Будем швартоваться, – я слышала настороженные нотки в его голосе.

– Посреди ночи?

– «Волк волн» поднимет мое знамя, когда мы приблизимся к фьерданским берегам, – отозвался Штурмхонд. – Пока что Дарклингу не нужно знать, что ты уже вернулась в родные пенаты.

Когда капитан переключился на разговор с Петром, Мал увлек меня на левый борт шхуны.

– Ты уверена, что нам стоит это делать?

– Не вполне, – призналась я.

Он опустил руки мне на плечи.

– Алина, если нас найдут, меня, скорее всего, арестуют. Ты, может, и заклинательница Солнца, но я – обычный солдат, послушавшийся приказов.

– Приказов Дарклинга.

– Не имеет значения.

– Значит, я сделаю так, чтобы это имело значение. Кроме того, нас никто не найдет. Мы причалим к Западной Равке, встретимся с клиентом Штурмхонда и решим, что делать дальше.

Мал притянул меня к себе.

– Почему с тобой всегда так много проблем?

– Мне нравится думать о себе как о восхитительной девушке с невероятно сложным характером.

Когда он наклонился меня поцеловать, в тишине раздался голос Штурмхонда:

– Может, оставим нежности на потом? Я хочу прибыть на место до рассвета.

Мал вздохнул.

– Когда-нибудь я надеру ему зад.

– Я помогу.

Он взял меня за руку, и мы вернулись к остальным.

Штурмхонд передал Петру конверт, запечатанный каплей бледно-голубого воска, и похлопал его по спине. Может, дело было в лунном свете, но первый помощник капитана выглядел так, будто готов расплакаться. Толя и Тамара перелезли через перила, крепко держась за свисающую с борта шхуны лестницу.

Я выглянула за борт, где ожидала увидеть обычную шлюпку, но была очень удивлена, разглядев суденышко, подпрыгивающее на волнах подле «Волка волн». Никогда еще мне не приходилось видеть такую лодку. Два ее корпуса выглядели как пара полых ботинок, скрепленных между собой палубой с гигантской дырой в центре.

Мы с Малом последовали за остальными, осторожно ступив на один из изогнутых корпусов. Затем прошли вдоль него и спустились на центральную палубу, где между двух мачт гнезился притопленный кубрик. Штурмхонд прыгнул за нами, после чего взобрался на возвышение за кубриком и встал за штурвал.

– Что это такое? – спросила я.

– Я зову ее «Колибри», – ответил он, поглядывая на какую-то карту, которую мне было не видно, – но подумываю сменить имя на «Жар-птицу». – Я резко втянула воздух, но Штурмхонд просто ухмыльнулся и отдал приказ: – Срезать якорь!

Тамара и Толя развязали узлы на кошках, цепляющих нас к «Волку волн». Анкерная линия, как змея, скользнула по корме «Колибри», а затем бесшумно упала в море. Я-то думала, что якорь нам понадобится, когда мы прибудем в порт, но Штурмхонду было виднее.

– Ставь паруса!

Паруса раскрылись. Хоть мачты «Колибри» были значительно короче, чем у шхуны, ее двойные паруса оказались огромными прямоугольными полотнищами. Понадобилось по два человека у каждого, чтобы поставить их.

Подул легкий ветерок, и мы отошли от «Волка волн». Штурмхонд наблюдал за исчезающей вдали шхуной. Мне не было видно его лица, но что-то подсказывало, что он мысленно прощался с ней. Затем капитан встряхнул головой и крикнул:

– Шквальные!

Гриши заняли позиции на каждом корпусе судна. Они воздели руки, и вокруг нас засветел ветер, наполняя паруса. Штурмхонд скорректировал курс и потребовал увеличить скорость. Шквальные повиновались, и странное суденышко рвануло вперед.

– Вот, возьмите, – сказал капитан и кинул нам с Малом по паре очков. Они напоминали те, что носили фабрикатеры в мастерских Малого дворца. Я огляделась. Вся команда, включая Штурмхонда, натягивала такие же на головы. Мы последовали их примеру.

Секундой позже я была благодарна, что нам выдали очки, поскольку корсар вновь потребовал увеличить скорость. Паруса забились в такелаже над нами, и я почувствовала укол беспокойства. Куда он так торопится?

«Колибри» мчалась по морю, два ее полых корпуса скользили с волны на волну, едва касаясь поверхности воды. Я крепко держалась за сиденье. Мой желудок выворачивало при каждом толчке.

– Ладно, шквальные, – скомандовал Штурмхонд, – поднимайте нас. Матросы, к парусам! По моему сигналу!

Я повернулась к Малу.

– Что значит «поднимайте нас»?

– Пять! – крикнул Штурмхонд.

Экипаж начал двигаться против часовой стрелки, натягивая веревки.

– Четыре!

Шквальные развели руки шире.

– Три!

Между мачтами раздался гул, паруса расправлялись во всю длину.

– Два!

– Поднимайте! – закричали матросы. Шквальные широко взмахнули руками.

– Один! – заорал Штурмхонд.

Паруса вздулись вверх и вбок, резко раскрывшись над палубой, как два гигантских крыла. Мой желудок сжался, и случилось немыслимое – «Колибри» взлетела.

Я вцепилась в сиденье, бормоча старые молитвы себе под нос. Ветер так сильно обдувал мне лицо, что пришлось закрыть глаза. Мы поднялись в ночное небо.

Штурмхонд хохотал как обезумевший. Шквальные по очереди перекрикивались друг с другом, чтобы убедиться в стабильности восходящего потока. Казалось, сердце готово выскочить у меня из груди.

«Ради всех святых, – подумала я. – Это невероятно!»

– Алина! – пытался перекрыть потоки ветра Мал.

– Что? – выдавила я, крепко стиснув зубы.

– Алина, открой глаза! Ты должна это увидеть!

Я быстро покачала головой. Именно этого я видеть не должна!

Мал взял меня за окоченевшую ладонь.

– Ну же, хоть попробуй.

Я прерывисто вдохнула и заставила себя открыть глаза. Нас окружали звезды. Наверху паруса растянулись двумя широкими дугами, как натянутая тетива луков.

Я знала, что делать этого не стоит, но не удержалась и вытянула шею над краем кубрика. Рев ветра оглушал. Далеко внизу, освещаемые луной волны покрылись рябью, выглядевшей как яркая чешуя медленно плывущего змея. Если бы мы упали, то разбились бы о его спину.

У меня вырвался восторженный и истерический смешок. Мы летим. Летим!

Мал сжал мою руку и издал ликующий клич.

– Это невозможно! – закричала я.

Штурмхонд гикнул.

– Когда люди говорят «невозможно», чаще всего они имеют в виду «маловероятно».

В очках, отражающих лунный свет, в развевающейся вокруг ног шинели он походил на полного безумца.

Я отчаянно старалась дышать. Ветер уверенно нес нас вперед. Шквальные и экипаж выглядели сосредоточенными, но спокойными. Мало-помалу тяжесть в моей груди начала убывать, и я расслабилась.

– Откуда взялась эта штука? – крикнула я Штурмхонду.

– Я сам ее придумал и построил. Правда, не обошлось без аварий на нескольких прототипах.

У меня перехватило дыхание. Последнее, чего мне хотелось, это разбиться вдребезги.

Мал склонился над краем кубрика, пытаясь лучше рассмотреть крупные пушки, расположенные на переднем крае корпусов.

– Эти пушки многоствольные!

– И они самозарядные. Не нужно тратить время на перезарядку. Делают двести выстрелов в минуту.

– Это...

– Невозможно? Их единственный минус: перегрев, но этой модели он не страшен. Я нанял земенского оружейника, чтобы он решил эту проблему. Они, конечно, маленькие убогодочные варвары, но умеют пользоваться оружием. Сиденья вращаются так, что можно стрелять с любого угла.

– И обрушить огонь на врага! – радостно воскликнул Мал. – Если бы у Равки были такие...

– Неплохое преимущество, не так ли? Но тогда Первой и Второй армии пришлось бы работать вместе.

Я вспомнила слова Дарклинга, сказанные когда-то давно: «Эпоха гришей подходит к концу». Его выходом было обратить Каньон в оружие. Но что, если такие люди, как Штурмхонд, могут изменить силу гришей? Я посмотрела на палубу «Колибри», на матросов и шкваль-ных, работающих плечом к плечу, на Толю с Тамарой, сидящих за этими грозными пушками. Это возможно.

«Он корсар, – напомнила я себе. – И вполне может опуститься до спекуляций на войне». Пушки Штурмхонда подарили бы Равке преимущество, но с той же легкостью их могли бы использовать наши враги.

От грустных мыслей меня отвлекли яркие огни порта. Огромный маяк залива Алхем. Мы почти на месте. Если вытянуть шею, я могла рассмотреть мерцающие башни гавани Ос Керво.

Штурмхонд решил двигаться не напрямую, а зайти с юго-запада. Я предположила, что мы сядем где-то неподалеку от берега. Мысль о том, что придется сойти на сушу, вызвала у меня тошноту. Несмотря на все уговоры Мала, я все же закрыла глаза.

Вскоре луч от маяка затерялся вдали. Как далеко на юг Штурмхонд хочет завести нас? Он говорил, что хочет достичь берега до рассвета, а до него оставалось максимум часа два.

Мои мысли затерялись в звездах и облаках, скользящих по простору неба вокруг нас. Ночной воздух покалывал лицо и проникал под тонкую ткань пальто.

Я опустила взгляд и едва подавила крик. Мы летели уже не над водой, а над сушей – твердой и неумолимой землей.

Я дернула Мала за рукав и отчаянно замахала руками, указывая на сельскую местность, простирающуюся под нами, окрашенную луной в черные и серебристые оттенки.

– Штурмхонд! – крикнула я, не скрывая паники. – Что ты делаешь?

– Ты сказал, что везешь нас в Ос Керво! – воскликнул Мал.

– Я сказал, что везу вас на встречу с клиентом.

– Забудь об этом! – взвыла я. – Где мы приземлимся?

– Не беспокойтесь, – ответил капитан. – Я подумываю об одном прекрасном маленьком озерце.

– Насколько маленьком? – пропищала я. Но затем увидела, как Мал вылезает из кубрика. Его лицо исказилось от ярости. – Мал, сядь на место!

– Ты лживый, бесчестный...

– Я бы на твоём месте не двигался. Не думаю, что ты хочешь метаться по палубе, когда мы залетим в Каньон.

Мал замер. Штурмхонд начал фальшиво насвистывать ту же мелодию, едва доносившуюся до нас сквозь рев ветра.

– Ты же шутишь?!

– Обычно да. Оретцев, под твоим сиденьем спрятано ружье. Возможно, оно тебе пригодится. Возьми на всякий случай.

– Ты не можешь полететь на этой штуке в Каньон! – заорал Мал.

– Почему? Насколько я понимаю, мы путешествуем с единственным человеком, который может гарантировать нам безопасность.

Я сжала кулаки. Мой страх сменился необузданным гневом.

– Может, мне позволить волькрам полакомиться тобой и твоей командой в качестве позднего ужина?!

Штурмхонд, держа одной рукой руль, достал другой из кармана хронометр.

– Скорее раннего завтрака. Мы сильно отстаем от графика. Кроме того, до земли далеко падать. Даже для заклинательницы Солнца.

Я переглянулась с Малом, увидев на его лице отражение своей ярости.

Пейзажи под нами сменялись с устрашающей скоростью. Я встала, пытаюсь понять, где мы находимся.

– Всемогушие святые... – выругалась я.

Звезды, луна и мир живых остались позади нас. Впереди ждала пустота. Он действительно собирался это сделать. Он вез нас в Каньон.

– Канониры, по местам! – приказал Штурмхонд. – Шквальные, держать строй!

– Штурмхонд, я убью тебя! – крикнула я. – Разверни нас сейчас же!

– Увы, но не могу. Боюсь, если ты жаждешь моей смерти, придется подождать, пока мы спустимся на землю. Готова?

– Нет!

В следующий миг мы погрузились во тьму. Такой ночи мир еще не видывал – непроглядная, густая, неестественная чернота, которая сдавливала нас в своей удушающей хватке. Мы оказались в Каньоне.

ГЛАВА 8

Как только мы заплыли в Неморе, я поняла, что что-то изменилось.

Поспешно упершись ногами в палубу, я вскинула руки и очертила вокруг «Колибри» широкую золотистую полосу света. Как бы меня ни бесил Штурмхонд, это не повод дать стае волькр сожрать нас, лишь бы отстоять свою точку зрения.

С мощью двух усилителей мне достаточно было сформировать зов, и свет тут же откликнулся. Я осторожно прощупала его границы, не чувствуя ни намека на ту необузданную силу, которая охватила меня при первом использовании оковы. Но что-то было не так. Каньон изменился. Я принялась убеждать себя, что у меня просто разыгралась фантазия, но казалось, что тьма обрела форму. Я почти ощущала, как она скользит по моей коже. Рана на плече начала чесаться и беспокойно пульсировать.

Мне уже дважды доводилось побывать в Неморе, и оба раза я чувствовала себя чужой, нарушителем покоя в опасном, неестественном мире, не желающем меня видеть. Но теперь у меня сложилось впечатление, что Каньон сам тянется ко мне и приветствует как старого друга. Бессмыслица какая-то. Каньон – это мертвая пустыня, а не живое существо.

«Он меня признал, – подумала я. – Подобное притягивает подобное».

Нет, глупость какая-то! Я отмахнулась от этих мыслей и откинула свет дальше, позволяя своей силе согреть и обнадеежить меня. *Свет* – мое естество. А не тьма.

– Они приближаются, – предупредил Мал. – Прислушайтесь.

Сквозь рев ветра до нас донесся вой, эхом раскатившийся по Каньону, а затем ритмичное биение крыльев волькр. Быстро же они нас нашли! Должно быть, их манил запах человечины.

Их крылья месили воздух вокруг моего круга света, отталкивая рябящую тьму обратно к нам. После того, как попытки пересечь Каньон прекратились, им долго было нечем питаться. Голод сделал их безрассудными.

Я развела руки в стороны и расширила границы света, отгоняя волькр назад.

– Нет, – сказал Штурмхонд. – Пусть подлетят ближе.

– Что? Зачем?

Волькры – настоящие хищники. С такими играть не стоит.

– Они охотятся на нас, – ответил он, повышая тон, чтобы все могли слышать. – Настало время поохотиться на них!

Команда издала воинственный клич, а затем залаяла и завывала.

– Убери немного свет, – приказал мне Штурмхонд.

– Он совсем свихнулся, – прошептала я Малу. – Скажи ему, что он сдурел.

Тот замешкался.

– Ну...

– Что «ну»?! Если ты забыл, одна из этих тварей пыталась тебя сожрать!

Он пожал плечами и слабо улыбнулся.

– Может, поэтому я и хочу увидеть, на что способны эти пушки.

Я покачала головой. Мне совсем не нравился их план.

– Всего на минутку, – настаивал Штурмхонд. – Ну же, побалуй меня.

Побаловать его! Словно он просил о лишнем кусочке пирога.

Вся команда замерла в ожидании. Толя и Тамара склонились над выступающими стволами пушек. Они походили на насекомых с кожаными спинами.

– Ладно, – сдалась я. – Но потом не говорите, что я вас не предупреждала.

Мал вскинул ружье на плечо.

– Ну вот и мы, – буркнула я себе под нос. Затем сжала пальцы. Круг дрогнул и начал сокращаться.

Волькры радостно завопили.

– До конца! – скомандовал Штурмхонд.

Я раздраженно стиснула зубы, но послушалась. Каньон вновь окутал мрак.

Послышался шорох крыльев. Волькры кинулись в атаку.

– Алина, сейчас! – крикнул капитан. – Сделай широкий круг!

Дважды повторять не требовалось. Я отбросила свет пылающей волной. Он осветил окружающий нас ужас жестким, беспощадным сиянием полуденного солнца. Волькры были повсюду, они замерли в воздухе над кораблем: кишачья масса серых, крылатых, извивающихся тел, с молочно-белыми слепыми глазами и полными зубов челюстями. Их сходство с ничегоями было безошибочным, но, тем не менее, эти твари выглядели куда более нелепыми и неуклюжими.

– Огонь! – воскликнул Штурмхонд.

Близнецы начали обстрел. Такого звука я еще никогда не слышала – неустанный, барабанный по черепу грохот, сотрясающий воздух и гулом отдававшийся в костях.

Настоящая бойня. Волькры падали с неба с развороченными грудными клетками, с оторванными крыльями. На палубу посыпались пустые патроны. Воздух наполнился острым и обжигающим запахом пороха.

Две сотни выстрелов в минуту. Вот, значит, на что способно современное оружие...

Монстры не понимали, что происходит. Они кружили вокруг корабля, движимые собственной кровожадностью, голодом и страхом, и кидались друг на друга в замешательстве и стремлении спастись. Их рев... Багра однажды сказала, что предки волькр были людьми. Я могла поклясться, что слышала это в их криках.

Выстрелы прекратились. В ушах громко звенело. Я подняла голову и увидела пятна черной крови и ошметки плоти на парусах. Лоб покрылся холодной испариной. Казалось, еще чуть-чуть – и меня вывернет.

Тишина длилась всего пару секунд, а затем Толя запрокинул голову и издал победный вой. Остальная команда поддержала его лаем и тьяканьем. Мне захотелось гаркнуть на них всех, чтобы замолчали.

– Как думаете, нам удастся приманить еще одну стаю? – спросил один из шквальных.

– Возможно, – ответил Штурмхонд. – Но нам пора на восток. Уже почти рассвело, а я не хочу, чтобы нас кто-то заметил.

«Да, – подумала я, – давайте полетим на восток. Нужно убираться отсюда». У меня дрожали руки. Рана на плече горела и чесалась. Что со мной не так? Волькры – истинные чудовища! Они бы разорвали нас на части без всяких раздумий. Я прекрасно это понимала. Тем не менее, в моей голове все еще звучали их крики.

– Здесь их больше, – внезапно отозвался Мал. – Гораздо больше.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовался Штурмхонд.

– Просто знаю.

Капитан замешкался. Выражение его лица было невозможно прочесть за очками, шапкой и высоким воротником.

– Где? – наконец спросил он.

– Чуть дальше на север, – кивнул Мал. – В ту сторону. – Он указал во тьму, и мне захотелось шлепнуть его по руке. То, что он способен выследить волькр, не значило, что нам обязательно это делать!

Штурмхонд выкрикнул координаты. Мое сердце ухнуло вниз.

«Колибри» приспустила крылья и развернулась – Мал указал направление, и корсар скорректировал курс. Я пыталась сосредоточиться на свете, на утешительном тепле моей силы, и игнорировать дурное чувство, зародившееся в душе.

Штурмхонд опустил нас ниже. Мой свет замерцал над бесцветными песками Каньона и осветил разбитый скиф.

Когда мы приблизились к нему, мое тело пронзила дрожь. Скиф был разломан надвое. Одна из его мачт сломалась пополам. Мне удалось разглядеть остатки трех порванных черных парусов. Мал привел нас к обломкам скифа Дарклинга.

Я потеряла последние крупницы спокойствия.

«Колибри» опустилась еще ниже. Наша тень проплыла над расколотов палубой.

В этот момент я ощутила небольшое облегчение. Как бы это ни было глупо, я ожидала увидеть распластавшиеся на палубе трупы гришей, скелеты эмиссаров короля и иностранных послов, жмущихся в углу. Но, конечно же, они давно стали пищей для волькр. Их кости разбросаны по бесплодным просторам Каньона.

«Колибри» накренилась на правый борт. Мой свет пронзил темные глубины разрушенного корпуса. Раздались крики.

– Ради всех святых, – выругался Мал и поднял ружье.

Внутри скифа, широко расправив крылья, спиной к нам сидели три крупные волькры. Но меня испугали и вызвали отвращение не они, а то, что они пытались закрыть собой: море извивающихся телец, крошечные, скользкие ручки, хрупкие спины с прозрачными мембранами едва сформированных крыльев. Они хныкали и ползали, скользили друг по другу, пытаясь убраться подальше от света.

Мы нашли гнездо.

Вся команда притихла. Уже никто не тявкал и не повизгивал.

Штурмхонд снова развернул корабль, после чего крикнул:

– Толя, Тамара, гранаты!

Близнецы выкатили два чугунных снаряда и подняли их на перила.

Меня накрыла очередная волна ужаса. *«Они – волькры, – напомнила я себе. – Только посмотри на них! Это монстры!»*

– Шквальные, по моей команде, – мрачно произнес Штурмхонд. – Зажечь фитили! Канониры, сбрасывайте!

Как только снаряды оказались в воздухе, Штурмхонд взревел:

– Сейчас! – и резко крутанул руль вправо.

Шквальные подняли руки, и «Колибри» взмыла ввысь.

Секунда прошла в полнейшей тишине, а затем под нами раздался оглушительный взрыв. И корабль подбросило на волне жаркого воздуха.

– Берегись! – воскликнул капитан.

Маленькое судно закачалось в разные стороны, как маятник под парусными крыльями. Мал обхватил меня с обеих сторон, прикрывая мое тело. Я же изо всех сил пыталась держать равновесие и не упустить луч, создающий оболочку вокруг нас.

Наконец корабль перестал раскачиваться и полетел плавной дугой, делая широкий круг над обгорелыми обломками скифа.

Меня нещадно трясло. В воздухе разило обугленной плотью. Легкие были опалены, и каждый вдох обжигал грудь. Команда Штурмхонда вновь выла и лаяла. Мал присоединился к всеобщему веселью и победно поднял ружье в воздух. Сквозь шум до меня донеслись крики волькр, беспомощные и очень человеческие для моих ушей. Они напоминали причитания матерей, оплакивающих своих младенцев.

Я закрыла глаза. Больше всего мне хотелось зажать уши и рухнуть на палубу.

– Довольно, – прошептала я, но никто не слышал. – Пожалуйста... Мал...

– Ты стала опытной убийцей, Алина.

Этот равнодушный голос... Я распахнула глаза.

Передо мной стоял Дарклинг. Его черный кафтан скользил по палубе «Колибри». Я ахнула и отшатнулась, в возбуждении оглядываясь вокруг, но никто на нас не смотрел. Экипаж гикал и кричал, глядя на пламя внизу.

– Не беспокойся, – ласково произнес Дарклинг. – Со временем станет легче. Давай, я покажу тебе.

Он вытащил нож из рукава кафтана и, прежде чем я успела вскрикнуть, замахнулся им у меня перед лицом. Я инстинктивно подняла руки, и с моих уст сорвался вопль. Свет исчез, и корабль поглотила тьма. Я упала на колени, ожидая в любую секунду ощутить пронзительную боль от стали гришей.

Но зря. В темноте кричали люди. Штурмхонд звал меня по имени. Где-то неподалеку эхом вторили нам волькры. *«Близко. Слишком близко»*.

Кто-то завопил, и судно резко накренилось. Я услышала топот – экипаж пытался устоять на ногах.

– Алина! – позвал Мал.

Я почувствовала, как он пытается нащупать меня в темноте. Ко мне постепенно возвращалось ощущение реальности. Я воззвала к свету, и он вернулся ярким каскадом.

Волькры, подлетевшие к нам, вскрикнули и рванули обратно во мрак, но один из шквальных лежал на палубе в луже собственной крови, его рука была почти оторвана. Парус над ним беспомощно хлопал на ветру. «Колибри» накренилась на правый борт и начала быстро терять высоту.

– Тамара, помоги ему! – отдал команду Штурмхонд. Но близнецы уже карабкались по корпусу к павшему шквальному.

Вторая шквальная подняла руки и с напряженным лицом попыталась призвать достаточно сильный поток ветра, чтобы держать нас на плаву. Корабль закачался и дрогнул. Штурмхонд быстро схватился за руль, раздавая приказы членам экипажа, работающим с парусами.

Мое сердце забило барабанную дробь. Я лихорадочно осматривала палубу, разрываясь между чувством ужаса и недоумением. Я же видела его! *Видела* Дарклинга!

– Ты в порядке? – спросил Мал. – Ты не ранена?

Я не могла смотреть ему в глаза. Меня била такая дрожь, что, казалось, еще секунда, и я развалюсь на части. Все мои силы ушли на то, чтобы поддерживать свет вокруг судна.

– Она цела? – крикнул Штурмхонд.

– Просто вытащи нас отсюда! – ответил Мал.

– А-а, так *вот* что мне надо делать! – рявкнул капитан.

Волькры вопили и кружили над оболочкой света. Может, они и монстры, но вполне могли знать, что такое жажда отмщения. «Колибри» кидало в разные стороны. Я опустила взгляд и увидела мчащийся нам навстречу серый песок.

А затем мы резко выскочили из темноты, прорвались сквозь последние черные клочья Каньона и пулей помчались к голубоватому рассветному небу.

Земля находилась на пугающе близком расстоянии.

– Убери свет! – крикнул Штурмхонд.

Я опустила руки и с отчаянием схватилась за перила кубрика. Я увидела длинную ленту дороги, в отдалении сияли городские огни, а здесь, среди холмов лежало узкое синее озеро, утренний свет играл бликами на его поверхности.

– Еще немного!

Шквальная всхлипнула, от прикладываемых усилий ее руки дрожали. Паруса опустились. «Колибри» продолжала снижаться. Мы снизились до уровня деревьев, и ветки царапнули по корпусу.

– Все ложитесь на пол и держитесь крепко! – сказал капитан. Мы с Малом забились в глубь кубрика и уперлись ногами и руками в стены. Он переплелся со мной пальцами. Маленькое судно затряслось и загрохотало.

– Мы не успеем, – прохрипела я.

Мал ничего не ответил, только крепче сжал меня за руку.

– Приготовьтесь! – взревел Штурмхонд.

В последнюю секунду он нырнул в кубрик и свернулся в калачик. Ему хватило времени только на то, чтобы сказать: «А тут уютно». Затем мы врезались в землю с такой силой, что у меня загремели кости.

Нас с Малом отбросило в другую часть кубрика. Корабль со скрежетом зарывался в землю, его корпус раскалывался на части. Вдруг послышался громкий всплеск, и мы поплыли по воде. Я услышала ужасный, мучительный звук и поняла, что один из корпусов отвалился. Мы грубо подпрыгнули на поверхности, а затем каким-то чудом остановились.

Я попыталась оценить обстановку. Я лежала на спине, прижатая к одной из стен кубрика. Кто-то рядом тяжело дышал.

Осторожно пошевелилась. На голове росла шишка, ладони были исцарапаны, но в целом ничего смертельного.

Через пол кубрика просачивалась вода. Я услышала всплески и чьи-то перекрикивания.

– Мал? – отважилась пропищать я.

– Цел, – ответил он откуда-то слева. – Нужно уходить.

Я оглянулась, но Штурмхонда нигде не увидела.

Когда мы вылезли из кубрика, корабль начал опасно крениться. Мы слышали треск, и одна из мачт сломалась, падая в озеро под весом парусов.

Все попрыгали в воду и быстро поплыли, чтобы нас не утянуло на дно вместе с судном.

Один из членов экипажа запутался в веревках. Мал нырнул, чтобы помочь ему, и я чуть не заплакала от облегчения, когда они оба показались на поверхности.

Я увидела близнецов, за ними плыли другие члены команды. Толя держал под мышкой раненого шквального. Далее всплыл Штурмхонд, тянущий на себе матроса, который потерял сознание. Мы добрались до берега.

Мои побитые конечности налились свинцом, отягощенные промокшей одеждой, но я все же смогла доплыть до отмели. Мы вылезли из воды, упорно пробираясь через скользкие заводи с тростником, и распластались на широком полукруглом пляже.

Отдыхавшись, я прислушалась к будничным звукам раннего утра: стрекоту сверчков в траве, пению птиц в лесу, низкому кваканью лягушек. Толя исцелил руку раненому шквальному и попросил его пошевелить пальцами, согнуть локоть. Штурмхонд вышел на берег и передал последнего матроса под опеку Тамары.

– Он не дышит, – сказал капитан, – и я не чувствую пульса.

Собрав волю в кулак, я села. Солнце грело мне спину, освещая озеро и контуры деревьев золотистым сиянием. Тамара прижала руки к груди матроса, используя свою силу, чтобы выкачать воду из его легких и заставить сердце биться. Шли минуты, но мужчина продолжал неподвижно лежать на песке. Затем резко вдохнул. Его веки затрепетали, и он выплюнул озерную воду себе на рубаху.

Я с облегчением вздохнула. Не хватало еще одной смерти на моей совести.

Другой член экипажа сжимал себе бок и проверял, все ли ребра целы. На лбу Мала значился глубокий порез. Но все были на месте. Все добрались.

Штурмхонд зашел обратно в воду. Когда она оказалась ему по колено, задумчиво устоял на гладкую поверхность озера. Его шинель плавно покачивалась сзади. Не считая вскопанной полосы земли вдоль берега, от «Колибри» не осталось никаких признаков существования.

Ко мне повернулась шквальная.

– Что там произошло?! – рявкнула она. – Кову чуть не убили! Как и всех нас!

– Не знаю, – ответила я, упираясь лбом в колени.

Мал приобнял меня, но я не испытала облегчения. Мне хотелось найти объяснение увиденному.

– Не знаешь? – недоверчиво переспросила она.

– Не знаю! – повторила я, удивившись нахлынувшей ярости. – Я не просила лететь в Каньон! Не я искала встречи с волькрами! Почему бы тебе не спросить у своего капитана, что там произошло?

– Она права, – отозвался Штурмхонд, выходя на берег и снимая изорванные перчатки. – Нужно было предупредить ее. И не стоило лететь к гнезду.

Почему-то тот факт, что он меня поддерживал, разозлил еще больше. Затем Штурмхонд снял шапку и очки, и мой гнев сменился полной растерянностью.

Мал тут же вскочил на ноги.

– Какого черта?! – сказал он низким угрожающим голосом.

Я присела, словно парализованная, боль и изнеможение затмило зрелище, которое мы наблюдали перед собой. Я не знала, на что именно смотрела, но радовалась, что Мал тоже это видел. После случившегося в Каньоне я не доверяла собственным глазам.

Штурмхонд вздохнул и провел рукой по лицу – лицу незнакомца.

Его острый подбородок округлился. Нос все еще был слегка искривлен, но без ярко выраженной горбинки. Волосы сменили рыжевато-коричневый оттенок на темно-золотистый и были аккуратно подстрижены на военный манер. А странные глаза зелено-болотистого цвета прояснились и стали светло-карими. Он выглядел совершенно иначе, но это безусловно был Штурмхонд.

«И он красив», – подумала я с непонятно откуда взявшейся обидой.

Только мы с Малом пялились в удивлении. Ни один член экипажа не выглядел ошарашенным.

– У тебя есть портной, – сказала я.

Штурмхонд скривился.

– Я не портной, – раздраженно вставил Толя.

– Нет, твой талант проявляется в других сферах, – попытался успокоить его капитан. – В основном в сферах убийства и избиения.

– И зачем ты это сделал? – спросила я, пытаясь привыкнуть к тому, что голос Штурмхонда доносился изо рта другого человека.

– Было очень важно, чтобы Дарклинг меня не узнал. Он не видел меня с тех пор, как мне было четырнадцать, но я не хотел рисковать.

– Кто ты? – гневно спросил Мал.

– Сложный вопрос.

– Вообще-то, он довольно прост, – рявкнула я, становясь на ноги. – Но, чтобы на него ответить, требуется говорить правду. А ты, похоже, совершенно на это неспособен.

– О, вполне способен, – отчеканил Штурмхонд, вытряхивая воду из ботинка. – Просто у меня это плохо получается.

– Штурмхонд! – прорычал Мал, надвигаясь на корсара. – У тебя есть ровно десять секунд, чтобы все объяснить, иначе Толе придется кроить тебе новое лицо.

Тамара вскочила на ноги.

– Кто-то идет!

Все затихли и прислушались. Шум раздавался из леса, окружающего озеро: топот множества копыт, шелест и треск сломанных веток от людей, движущихся в нашем направлении.

Штурмхонд застонал.

– Так и знал, что нас заметили! Мы слишком долго провозились в Каньоне, – он тяжело вздохнул. – Разрушенный корабль и команда, похожая на кучку мокрых опоссумов. Не так я себе это представлял.

Мне хотелось уточнить, что же именно он себе представлял, но времени на вопросы не осталось.

Из-за деревьев показалась группа мужчин на конях. Десять... двадцать... тридцать солдат Первой армии. Люди короля, и хорошо вооруженные. Откуда они взялись?

После борьбы с волькрами и крушения я думала, что во мне не осталось ни капли страха, но я ошибалась. Вспомнив, что говорил Мал о своем дезертирстве, я ощутила приступ паники. Нас арестуют как предателей? Мои ладони сжались в кулаки. Я отказывалась снова быть чьей-то пленницей.

– Полегче, заклинательница, – прошептал корсар. – Позволь мне все уладить.

– Ведь у тебя это так хорошо получается, Штурмхонд!

– Было бы разумней, если бы ты перестала так называть меня на какое-то время.

– И почему же?

– Потому что это не мое имя.

Солдаты выстроились перед нами в ряд. Утреннее солнце сверкало на их ружьях и саблях. Юный капитан достал свой меч.

– Именем короля Равки, бросьте оружие!

Штурмхонд вышел вперед и встал между врагами и своей покалеченной командой. Затем поднял руки в знак капитуляции.

– Наши боеприпасы на дне озера. Мы безоружны.

Зная Штурмхонда и близнецов, я сильно в этом сомневалась.

– Назовите свое имя и цель прибытия, – приказал капитан.

Корсар медленно снял с себя мокрую шинель и передал ее Толе.

Солдаты беспокойно заерзали. На Штурмхонде была равкианская военная форма. Она промокла до нитки, но оливковую ткань и медные пуговицы Первой армии было ни с чем не спутать – как и золотого двуглавого орла, указывавшего на звание офицера. Какую игру он вел?

Один из всадников, мужчина в возрасте, выехал вперед, повернув свою лошадь так, чтобы оказаться лицом к лицу со Штурмхондом. Я с удивлением признала в нем полковника Раевского, командира военного лагеря в Крибирске. Неужели мы приземлились так близко к городу? Поэтому солдаты прибыли столь быстро?

– Объяснись-ка, парень! – скомандовал полковник. – Назови свое имя и цель прибытия, пока я не снял с тебя форму и не вздернул на высоком дереве!

Штурмхонда, казалось, эта угроза ничуть не встревожила. Когда он заговорил, в его голосе появились такие нотки, которых я прежде не слышала:

– Я – Николай Ланцов, майор двадцать второго полка, солдат королевской армии, великий князь Удовы и младший сын его величества, короля Александра Третьего, правителя трона Двуглавого Орла, пусть долго длится его жизнь и правление!

Я открыла рот от удивления. Солдаты выглядели явно шокированными. Откуда-то послышалось нервное хихиканье. Я не знала, что за шутку придумал этот безумец, но Раевскому, судя по его виду, было совсем не весело. Мужчина спрыгнул с лошади и бросил поводья одному из своих людей.

– Послушай-ка меня, ты, глупец! – обратился он, опуская руку на рукоять меча. Его морщинистое лицо исказилось от ярости, когда он подошел к Штурмхонду. – Николай Ланцов служил под моим началом на северной границе и...

Голос полковника затих. Он встал нос к носу с корсаром, но Штурмхонд даже не моргнул. Полковник опять было открыл рот, но быстро закрыл. Затем отступил на шаг и окинул

Штурмхонда изучающим взглядом. Я наблюдала, как выражение презрения на его лице сменяется недоверием, а затем узнаванием.

Мужчина резко упал на одно колено и склонил голову.

– Простите, *мой царевич*, – сказал он, глядя на землю перед собой. – С возвращением домой.

Солдаты недоуменно переглянулись.

Штурмхонд холодно посмотрел на них, явно чего-то ожидая. От него исходила уверенность в своей власти. Солдаты вздрогнули, а затем как один спешили и опустились на колено, склоняя головы.

«Ради всех святых!»

– Вот так дела, – пробормотал Мал.

Я охотилась на волшебного оленя. На моем запястье была чешуя убитого ледяного дракона. Я видела, как целый город поглотила тьма. Но разворачивающаяся перед нами сцена была самой странной из всего мною пережитого. Наверняка это очередная уловка Штурмхонда, которая неминуемо приведет нас к верной смерти.

Я уставилась на корсара. Как это вообще возможно? Мой разум отказывался воспринимать новую информацию: я слишком устала и была измучена постоянным страхом и паникой. Начала перебирать в памяти обрывки того, что знала о двух сыновьях короля Равки. Мне довелось мельком встретиться со старшим в Малом дворце, а вот младшенького годами не видели при дворе. Предполагалось, что он где-то обучается у оружейника или изучает судостроение.

Или же и то и другое.

У меня закружилась голова. «Щенок, – как назвала Женя принца. – Он настоял на отработке военной службы в морской пехоте».

Штурмхонд. Штормовой пес. Волк волн.

Щенок. Не может этого быть!

– Встаньте, – скомандовал Штурмхонд... или кто он там. Его поведение полностью изменилось.

Солдаты поднялись на ноги и ждали следующих приказаний.

– Давно я не был дома, – громогласно начал корсар. – Но я вернулся не с пустыми руками. Он шагнул в сторону и указал на меня. Все лица повернулись – в ожидании, предвкушении.

– Братья! Я вернул заклинательницу Солнца в Равку!

Я ничего не могла с собой поделать. Я подошла и врезала ему по лицу.

ГЛАВА 9

– Повезло, что тебя не застрелили! – рассерженно произнес Мал.

Он расхаживал взад-вперед по скромной палатке – одной из немногих, что остались в лагере гришей рядом с Крибирском. Роскошный черный павильон Дарклинга снесли. На его месте осталось лишь большое пятно засохшей травы, усыпанной погнутыми гвоздями и обломками того, что когда-то было полированным деревянным полом.

Я присела за грубо обтесанный стол и выглянула наружу. По бокам от входа в палатку стояли Толя и Тамара. Приставлены они были для защиты или чтобы не дать нам сбежать, оставалось только гадать.

– Оно того стоило. К тому же никто не посмеет застрелить заклинательницу Солнца.

– Ты ударила принца, Алина! Что ж, можем со спокойной душой пополнять наш список очередным актом государственной измены.

Я потеряла больную руку. Костяшки саднило.

– Во-первых, кто сказал, что он *действительно* принц? А во-вторых, ты просто завидуешь.

– Естественно! Я думал, что честь ударить его достанется *мне*. Но суть не в этом.

После моей выходки на пляже воцарился хаос, и лишь болтовня Штурмхонда и очень агрессивный вид Толи спасли меня от кандалов или чего похуже.

Нас эскортировали через Крибирск к военному лагерю. Прежде чем оставить нас одних в палатке, Штурмхонд очень тихо сказал:

– Я прошу лишь об одном – дайте мне время, и я все объясню. Если вам не понравится то, что вы услышите, можете уйти.

– Вот так просто? – усмехнулась я.

– Доверьтесь мне.

– Каждый раз, когда ты об этом просишь, я доверяю тебе все меньше.

Но мы с Малом остались, не зная, что еще делать. Штурмхонд не связал нас и не приставил стражу. Обеспечил нас чистой и сухой одеждой. Если бы сильно захотелось, мы могли проскользнуть мимо близнецов и скрыться в Каньоне. За нами никто не мог последовать. Мы бы вышли в любом месте, в каком пожелали, на западном берегу. Но куда идти дальше? Штурмхонд изменился, но наше положение – нет. У нас нет ни денег, ни союзников, и за нами все так же гонится Дарклинг. К тому же мне не слишком хотелось возвращаться в Каньон после того, что произошло на борту «Колибри».

Я подавила слабый смешок. Если я всерьез подумывала о том, чтобы укрыться в Неморе, то дела действительно были плохи.

В палатку вошел слуга с большим подносом. Он поставил кувшин воды, бутылку кваса, стаканы и несколько небольших тарелочек с закусками. Каждое блюдо было украшено золотой каймой и изображением двуглавого орла.

Я взглянула на поднос с нашей трапезой: черный хлеб со шпротами, маринованная свекла, фаршированные яйца. Мы не ели с прошлой ночи, с тех пор, как покинули «Волка волн», а применение силы истощило меня, но я слишком разнервничалась, чтобы есть.

– Что там произошло? – спросил Мал, как только ушел слуга.

Я снова потеряла руку.

– Я немного вспылила.

– Нет, я не об этом. Что произошло в Каньоне?

Я покрутила в руках блюдо, на котором лежал кусок масла с травами. «*Я видела его*».

– Просто устала.

– Когда мы бежали от ничего, ты использовала куда больше силы, но это тебе не мешало. Дело в окове?

– Окова делает меня сильнее, – ответила я, натягивая рукав на чешую морского хлыста. Кроме того, я ношу его уже не одну неделю. С моей силой все в порядке, но вот со мной... Я начала рисовать невидимые узоры на столе. – Когда мы дрались с вольбрами, они не показались тебе другими?

– В смысле «другими»?

– Более похожими... на людей?

Мал нахмурился.

– Нет, они вели себя вполне обычно. Как монстры, которые хотели нас сожрать, – он накрыл мою руку своей. – Что случилось, Алина?

«Я видела его».

– Я же сказала: устала, потеряла контроль.

Он отстранился.

– Хочешь врать мне – пожалуйста. Но я не стану делать вид, что верю тебе.

– Почему? – поинтересовался Штурмхонд, заходя в палатку. – Это называется «быть вежливым».

Мы вскочили на ноги и приготовились драться.

Штурмхонд замер и поднял руки в знак добрых намерений. Он переоделся в сухую форму. На его щеке начал проявляться синяк. Парень осторожно снял с себя меч и повесил его на столб у входа в палатку.

– Я просто хочу поговорить.

– Так говори, – резко ответил Мал. – Кто ты такой и что задумал?

– Николай Ланцов, но, умоляю, не заставляйте меня снова повторять все мои титулы. Это никому не нравится, а единственный важный из них – принц.

– А как же Штурмхонд? – спросила я.

– Я также Штурмхонд, капитан «Волка волн», кара Истиноморя.

– Кара?

– Ну, по крайней мере, досадная помеха.

Я покачала головой.

– Невозможно.

– Маловероятно.

– Сейчас *не время* сверкать словарным запасом!

– Пожалуйста, – начал он примирительным тоном, – присядьте. Не знаю, как вы, но я гораздо лучше воспринимаю информацию, когда сижу. Подозреваю, это как-то связано с циркуляцией крови. Лежать, конечно, гораздо предпочтительней, но не думаю, что мы с вами успели настолько сблизиться.

Я не шевельнулась. Мал сложил руки на груди.

– Ну, ладно, а вот я присяду. Оказалось, играть роль вернувшегося героя очень утомительно, и я совсем выбился из сил. – Штурмхонд подошел к столу, налил себе квасу и устроился в кресле с довольным вздохом. Затем сделал глоток и скривился. – Отвратительный напиток. Всегда его не переваривал.

– Так закажите себе бренди, *ваше высочество*, – язвительно процедила я. – Уверена, вам принесут все, что вы пожелаете.

Его лицо осветилось улыбкой.

– Справедливо. Думаю, я мог бы даже принять ванну, полную бренди. Наверное, так и сделаю.

Мал раздраженно вскинул руки и подошел к выходу из палатки, чтобы выглянуть в лагерь.

– Ты же не думаешь, что мы поверим твоим басням? – поинтересовалась я.
Штурмхонд пошевелил пальцами, чтобы показать свое кольцо.

– У меня есть королевская печать.

Я фыркнула.

– Наверняка украл ее у настоящего принца Николая.

– Я служил с Раевским. Он меня знает.

– Может, ты украл и личину принца.

Корсар вздохнул.

– Вы должны понять. Единственное место, где я мог смело раскрыть свою личность, это здесь, в Равке. Только самые доверенные члены моей команды знают, кто я на самом деле – Толя, Тамара, Петр и некоторые из эфиреалов. Остальные... ну, они хорошие ребята, но это не отменяет того, что они наемники и пираты.

– Так ты обманул собственную команду?

– В морских просторах Николай Ланцов куда больше ценится как заложник, чем как капитан. Трудно управлять кораблем, когда ты постоянно беспокоишься, как бы тебя не ударили по башке поздней ночью, а затем потребовали выкуп у твоего королевского папочки.

Я помотала головой.

– Бессмыслица какая-то. Принц Николай должен обучаться судостроению или...

– Я и обучался у фьерданского судостроителя. И у земенского оружейника. И у инженера-строителя из шуханской провинции Болх. Какое-то время пробовал свои силы в поэзии. Результат был... прискорбным. На сегодняшний день все свое внимание я отдаю должности Штурмхонда.

Мал прислонился к столбу и скрестил руки.

– Значит, однажды ты решил отказаться от своей роскошной жизни и попробовать поиграть в пирата?

– Корсара, – исправил он. – И я ни во что не *играл*. Я знал, что принесу Равке больше пользы, будучи Штурмхондом, а не принцем, бездельничающим при дворе.

– И где же, по мнению короля и королевы, ты должен быть? – спросила я.

– В кеттердамском университете. Милое местечко. Очень помпезное. Пока мы тут разговариваем, на моих занятиях по философии сидит щедро оплачиваемый экспедитор. Получает неплохие оценки, отзывается на имя Николай, пьет обильно и часто, чтобы никто ничего не заподозрил.

«Этому вранью конца-края не видно!»

– И зачем же?

– Я пытался, серьезно. Но мне никогда не удавалось долго сидеть на месте. Это сводило мою няню с ума. Ну, точнее нянь. Их была целая армия, насколько я помню.

«Нужно было ударить его посильнее».

– Я имею в виду, зачем было устраивать весь этот фарс?

– Я второй в очереди на равкианский престол. Мне пришлось едва ли не бежать, чтобы закончить военную службу. Не думаю, что родители оценили бы мое решение ловить земенских пиратов и прорывать фьерданские блокады. Хотя они довольно благосклонно относятся к Штурмхонду.

– Хорошо, – отозвался Мал. – Ты – принц. Ты – корсар. Ты – придурок. От нас-то тебе что нужно?

Штурмхонд сделал еще один маленький глоток кваса, и его передернуло.

– Помощь. Правила игры изменились. Каньон расширяется. Первая армия близка к бунту. Переворот Дарклинга, может, и провалился, но он разрушил Вторую армию. Равка на грани краха.

Я начала улавливать ход его мыслей.

– Дай угадаю: и именно ты вернешь мир в нашу страну?

Штурмхонд подался вперед.

– Ты встречалась с моим братом Василием, когда жила при дворе? Его куда больше интересуют лошади и виски, нежели народ. Мой отец всегда испытывал лишь дежурный интерес к управлению Равкой, а, судя по отчетам, и тот со временем иссяк. Наша страна разваливается. Кто-то должен воссоединить ее, пока не стало слишком поздно.

– Василий – наследник, – заметила я.

– Думаю, его можно убедить освободить место.

– И за этим ты притащил нас сюда? – я не скрывала своего отвращения. – Потому что хочешь стать королем?

– Я притащил вас сюда, потому что Апрат практически превратил тебя в живую святую, и люди тебя любят. Я притащил вас сюда, потому что твоя сила – ключ к спасению Равки.

Я стукнула руками по столу.

– Ты притащил меня, чтобы самому красиво вернуться с заклинательницей Солнца под мышкой и украсть трон у брата!

Штурмхонд откинулся на спинку кресла.

– Я не стану извиняться за свои амбиции. Это не отменяет того факта, что я больше всех подхожу на эту должность.

– Ну конечно!

– Вернись со мной в Ос Альту.

– Зачем? Чтобы ты хвастался мной, как призовой лошастью?

– Я знаю, что ты мне не доверяешь. У тебя нет на то оснований. Но я сдержу свое обещание, данное на борту «Волка волн». Выслушайте мое предложение. Если вы все еще будете не заинтересованы, корабли Штурмхонда отвезут вас куда угодно. Думаю, вы останетесь. Я дам вам то, чего не может никто другой.

– Лучше бы это было что-то хорошее, – пробурчал Мал.

– Я дам вам шанс изменить Равку, – продолжил Штурмхонд. – Возможность вернуть вашему народу надежду.

– О, и это все? – сухо поинтересовалась я. – И как же я должна это сделать?

– Помогая мне сплотить Первую и Вторую армии. И став моей королевой.

Не успела я моргнуть, как Мал оттолкнул стол и накинудся на Штурмхонда. Он оторвал его от земли и вжал в ближайший шест. Корсар скривился от боли, но не попытался себя защитить.

– Эй, полегче! Не хватало заляпать мундир кровью. Позволь мне объяснить...

– Попытайся объяснить с моим кулаком во рту.

Штурмхонд извернулся и через секунду выскользнул из хватки Мала. В его руке оказался нож, вытащенный откуда-то из рукава.

– Отойди, Оретцев. Я сдерживаюсь ради ее блага, но мог бы с легкостью выпотрошить тебя, как карпа.

– Попробуй, – прорычал Мал.

– Довольно! – я ослепила их ярким светом. Оба парня прикрыли глаза ладонями, ненадолго отвлекаясь от своего спора. – Штурмхонд, спрячь оружие или выпотрошат тебя. Мал, успокойся.

Я подождала, пока Штурмхонд засунет нож обратно в рукав, а затем медленно потушила свет.

Мал опустил руки, но его ладони все еще сжимались в кулаки. Парни настороженно поглядывали друг на друга. Еще несколько часов назад они были друзьями. С другой стороны, тогда Штурмхонд был совершенно другим человеком.

Он поправил рукава мундира.

– Я не предлагаю ей руку и сердце, влюбленный ты олух, всего лишь политический альянс. Если бы ты задумался на минутку, то увидел бы, что это принесет пользу стране.

Мал громко расхохотался.

– В смысле принесет пользу тебе!

– Чем одно мешает другому? Я служил в армии. Хорошо разбираюсь в оружии и в военном деле. Первая армия последует за мной. Может, я и второй в очереди, но трон мой по праву рождения.

– Но у тебя нет прав на нее! – Мал ткнул пальцем в лицо Штурмхонду.

Тот, казалось, начал терять терпение.

– Что, по-твоему, должно было произойти? Думал, что сможешь выдать одну из самых могущественных гришей в мире за какую-то крестьянку, на которую ты наткнулся в сарае? Так, по-твоему, закончится эта история? Я пытаюсь спасти страну от разрухи, а не украсть у тебя девушку!

– Хватит, – тихо сказала я.

– Ты сможешь остаться во дворце, – не унимался Николай. – Возможно, в качестве капитана ее личной стражи? Такая договоренность при дворе не в новинку.

– Меня тошнит от тебя. – Челюсть Мала заиграла желваками.

Штурмхонд пренебрежительно отмахнулся.

– Знаю, я развратное чудовище. Но хотя бы подумай, о чем я говорю.

– Мне не нужно об этом думать! – закричал Мал. – Как и ей. Этому не бывать.

– От брака будет одно название, – настаивал Штурмхонд. Затем, словно не сдержавшись, сверкнул насмешливой ухмылкой. – За исключением произведения на свет наследников.

Мал кинулся в его сторону, и принц потянулся к ножу, но я это предвидела и встала между ними.

– Перестаньте! Просто перестаньте. И хватит говорить обо мне, словно меня здесь нет!

Мал раздраженно фыркнул и начал ходить взад-вперед. Штурмхонд поднял опрокинутое кресло и вновь в него уселся. Затем картинно вытянул ноги и налил себе еще стакан кваса.

Я сделала глубокий вдох.

– Ваше высочество...

– Николай, – перебил он. – Но я также отсылаюсь на «милый» или «красавчик».

Мал обернулся, но после моего взгляда, полного мольбы, решил не начинать новый спор.

– Ты должен сейчас же прекратить так вести себя, *Николай*, – сказала я. – Или я лично выбью твои царские зубки.

Парень потер свой темнеющий синяк.

– Да уж, мне ли не знать.

– Вот именно. И я не собираюсь выходить за тебя замуж.

Мал выдохнул, и его плечи немного расслабились. Меня обеспокоило, что он с такой легкостью поверил, что у Николая есть хоть малейший шанс на мое согласие. Но я также знала, что ему не понравятся мои следующие слова:

– Но я вернусь с тобой в Ос Альту.

Мал резко поднял голову.

– Алина...

– Мы всегда планировали вернуться в Равку и найти способ помочь ей. Если мы ничего не сделаем, возможно, возвращаться будет некуда. – Он покачал головой, но я повернулась к Николаю и продолжила: – Я вернусь с тобой в Ос Альту и подумаю о том, как поспособствовать твоему восхождению на трон, – глубоко вдохнула. – Но взамен я хочу Вторую армию.

В палатке наступила гробовая тишина. Парни смотрели на меня так, словно я сошла с ума. По правде говоря, я и сама подозревала, что лишилась рассудка. Но мне надоело, что

меня постоянно тащат по Истиноморю, и что половина Равки пытается использовать меня и мою силу.

Николай испустил нервный смешок.

– Люди любят тебя, Алина, но я подумывал о более символичном титуле...

– Я вам не символ! – рявкнула я. – И мне надоело быть пешкой в чужой игре.

– Нет, – встрял Мал. – Это слишком опасно. С тем же успехом ты можешь нарисовать мишень у себя на спине.

– Она уже там нарисована. И никто из нас не будет в безопасности, пока Дарклинг на свободе.

– Ты хоть когда-нибудь кем-то управляла? – спросил Николай.

Однажды я вела семинар для младших картографов, но вряд ли он имел в виду это.

– Нет, – призналась я.

– У тебя нет ни опыта, ни оснований. Дарклинги управляли Второй армией с момента ее основания.

Один Дарклинг. Но сейчас было не время для подобных обсуждений.

– Гришам плевать на возраст и происхождение. Важнее всего – сила. Я единственный гриш, который когда-либо носил два усилителя. И я единственный живой гриш, которому хватит могущества потягаться с Дарклингом и его теньвыми солдатами. Никто не способен на то, на что способна я.

Я пыталась прибавить своему голосу уверенности, хоть и сама не знала, что на меня нашло. Мне просто надоело жить в страхе. Надоело бежать. И если мы с Малом надеемся найти жар-птицу, нам нужны ответы. Возможно, Малый дворец – единственное место, где их можно отыскать.

Все надолго замолчали.

– Что ж, – наконец отозвался Николай. – Что ж.

Он задумчиво побарабанил пальцами по столу. Затем встал и протянул мне руку.

– Ладно, заклинательница. Помогите мне отвоевать наш народ, и гриши будут вашими.

– Серьезно?! – выпалила я.

Николай рассмеялся.

– Если хочешь руководить армией, пора научиться вести себя соответственно. Правильным ответом было бы: «Я знала, что ты примешь верное решение».

Я пожала его мозолистую руку. Руку пирата, а не принца.

– Что насчет моего предложения... – начал он.

– Не испытывай судьбу, – перебила я, вырывая руку. – Я сказала, что поеду с тобой в Ос Альту, на этом все.

– А куда поеду я? – тихо спросил Мал.

Его руки были скрещены на груди, и он наблюдал за нами своими холодными голубыми глазами. На брови виднелась запекшаяся кровь от удара при падении «Колибри». Он выглядел усталым и очень-очень отстраненным.

– Я... я думала, ты поедешь со мной, – запнулась я.

– В качестве кого? Капитана твоей личной стражи?

Мои щеки залились краской.

Николай прочистил горло.

– Как бы мне ни хотелось посмотреть, чем закончится ваша беседа, у меня есть дела поважнее. Если, конечно...

– Сгинь! – приказал Мал.

– Ладно. Оставляю вас наедине, – он спешно двинулся к выходу, остановившись лишь затем, чтобы забрать свой меч.

Тишина в палатке становилась все более неловкой.

– К чему это все приведет, Алина? Мы с трудом сбежали из этого забытого святыми места, а теперь снова погружаемся прямоком в болото.

Я опустилась на кушетку и уперлась головой в ладони. У меня совсем не осталось сил, тело ломило от усталости.

– Что мне делать? – спросила я с мольбой в голосе. – То, что происходит здесь, что происходит в Равке... отчасти вина за это лежит на мне.

– Неправда.

Я сухо рассмеялась.

– Правда-правда. Если бы не я, Каньон бы не начал разрастаться. Новокрибирск был бы цел.

– Алина, – Мал присел передо мной и положил руки мне на колени, – даже со всеми гришами и сотнями пушек Штурмхонда, ты недостаточно сильная, чтобы остановить его.

– Будь у нас третий усилитель...

– Но у нас его нет!

Я схватила его за руки.

– Будет.

Он посмотрел мне в глаза.

– Тебе когда-нибудь приходило в голову, что я могу отказаться?

Кровь застыла у меня в жилах. Нет, такая мысль мне не приходила. Я никогда не думала, что Мал может отказаться, и из-за этого стало стыдно. Он пожертвовал всем, чтобы быть со мной, но это не означало, что он стал счастливым. Может, ему надоело бороться, бояться, сомневаться. Может, ему надоела я.

– Я думала... что мы оба хотим помочь Равке.

– Оба?

Он встал и повернулся ко мне спиной. Я с трудом сглотнула ком в горле.

– Значит, ты не поедешь в Ос Альту?

Он замер у выхода из палатки.

– Ты хотела второй усилитель. Он у тебя. Хочешь поехать в Ос Альту? Ладно, поедем. Говоришь, тебе нужна жар-птица? Я придумаю, как достать ее. Но когда это все закончится, Алина, я не уверен, что все еще буду нужен тебе.

Я вскочила на ноги.

– Конечно, будешь! Мал...

Что бы я ни собиралась произнести, он не стал дожидаться моего ответа. Мал шагнул наружу, в свет дня, и исчез из виду.

Я вжала ладони в глаза, пытаясь остановить поток слез. Что я делаю? Я не королева. И не святая. И определенно не представляю, как руководить армией.

Я заметила свое отражение в солдатском зеркальце для бритья, стоящем на тумбочке. Оттянув в сторону ворот пальто и рубашки, обнажила рану на плече. На коже ярко выделялись следы от укуса ничегои, сморщенные и почерневшие. Дарклинг сказал, что они никогда не заживут.

Какую рану нельзя исцелить силой гриша? Ту, что была нанесена существом, которое никогда не должно было существовать.

«Я видела его». Лицо Дарклинга, бледное и прекрасное, взмах ножа. Все это казалось таким реальным... Что произошло в Каньоне?

Вернуться в Ос Альту и взять руководство над Второй армией равносильно объявлению войны. Дарклинг узнает, где меня найти, и, как только наберется сил, отправится за мной. Готовы мы или нет, у нас нет выбора, кроме как взять ситуацию в свои руки. Эта мысль меня пугала, но, как ни странно, и приносила облегчение.

Я встречаюсь с ним лицом к лицу. Так или иначе, этому придет конец.

ГЛАВА 10

В Ос Альту мы направились не сразу. Следующие три дня мы перевозили груз через Каньон. Довольствовались тем, что осталось от военного лагеря в Крибирске. Когда Каньон начал расширяться, большинство войск отозвали. Для наблюдения за черным побережьем Неморя возвели новую сторожевую башню, а на доках оставили лишь опорную команду.

В лагере не осталось ни одного гриша. После попытки переворота Дарклинга и уничтожения Новокрибирска по Равке и рядом Первой армии прошла волна антигришских настроений. Меня это не удивило. Исчез целый город, его жители стали закуской для монстров. Равка не скоро такое забудет. И я тоже.

Одни гриши сбежали в Ос Альту, чтобы просить защиты у короля, другие скрывались. Николай подозревал, что большинство разыскало Дарклинга и перешло на его сторону. Но с помощью беглых шквальных Николая нам удалось осуществить два переплава через Каньон в первый день, три во второй и четыре в последний. Землеходные скифы отправлялись в Западную Равку пустыми и возвращались под завязку нагруженными земенскими ружьями, ящиками с боеприпасами, деталями для магазинных винтовок, похожих на те, что Николай использовал на борту «Колибри», и парой тонн сахара и юрды – все нажитое Штурмхондом во время незаконных вылазок.

– Взятки, – сказал Мал, пока мы наблюдали, как солдаты рьяно разбирают поставки, выгружаемые на доки, ухмыляясь и восхищаясь сверкающему набору оружия.

– Подарки, – возразил Николай. – Что бы ты ни думал, пули работают исправно, независимо от моих мотивов. – Затем он повернулся ко мне. – Полагаю, мы сможем осуществить сегодня еще одну поездку. Готова?

Нет, но все равно кивнула.

Принц улыбнулся и похлопал меня по спине.

– Я отдам приказ.

Я чувствовала на себе пристальный взгляд Мала, пока всматривалась в бурлящую тьму Каньона. Больше таких инцидентов, как на борту «Колибри», не случалось. Что бы я тогда ни увидела, – иллюзию, галлюцинацию, что-то не поддающееся объяснению – оно не повторялось. Тем не менее, каждую секунду, проведенную в Неморе, я была настороже и изо всех сил пыталась скрыть свой страх.

Николай хотел воспользоваться переплавами, чтобы поохотиться на волькр, но я отказала ему. Сказала, что все еще чувствую слабость и сомневаюсь, что моя сила гарантирует нам безопасность. Я действительно боялась, но все остальное было ложью. Никогда прежде я не чувствовала себя такой сильной. Сила текла по мне чистыми, мощными волнами, насыщенная энергией оленя и дракона. Но я не могла вынести даже мысли о том, что придется снова услышать эти крики. Я окружила скифы широким, сияющим куполом, и хоть волькры вопили и громко хлопали крыльями, подлетать слишком близко они не рисковали.

Мал сопровождал нас во время путешествий и не отходил от меня ни на шаг, держа ружье наготове. Он чувствовал мое волнение, но не требовал объяснений. Вообще-то со дня нашей ссоры в палатке он едва ли обменялся со мной парой слов. Я боялась, что, когда он наконец заговорит, мне не понравится, что он скажет. Я не передумала насчет возвращения в Ос Альту, но беспокоилась, что он передумал.

В то утро, когда мы должны были отбыть в столицу, я лихорадочно высматривала его в толпе, испугавшись, что Мал может просто не явиться. Заметив его, произнесла короткую молитву в знак благодарности. Он молча и прямо сидел в седле и готовился влиться в колонну всадников.

Мы вышли до рассвета: извивающаяся процессия из лошадей и повозок, бредущая по широкой дороге, известной как Ви. Николай достал мне простой синий кафтан, но я спрятала его в багаже. Пока он не наберет достаточно людей, чтобы охранять меня, я просто очередной солдат в свите принца.

Когда солнце вышло из-за горизонта, меня охватил трепет слабой надежды. Мысль о том, чтобы занять место Дарклинга, пытаться пополнить ряды гришей и командовать Второй армией, все еще казалась невероятно пугающей. Но, по крайней мере, я хоть что-то делала, вместо того чтобы просто бегать от Дарклинга или ждать, пока он меня схватит. У меня было два усилителя Морозова, и я направлялась в место, которое может дать ответ, где искать третий. Мал был недоволен, но, глядя на утренние лучи солнца над верхушками деревьев, я ощутила уверенность, что смогу изменить его точку зрения.

Мое приподнятое настроение не пережило поездку через Крибирск. Мы уже проходили через этот хилый портовый городок после кораблекрушения, но я была слишком потрясена и сосредоточена на другом, чтобы успеть заметить, как сильно он изменился. На сей раз это было неизбежно.

Несмотря на то что Крибирск никогда не отличался особыми красотами, ради которых стоило бы посещать его, здешние тротуары бурлили, полные странниками и торговцами, королевскими стражами и работниками доков. Вдоль шумных улиц шли ряды оживленных лавок со снаряжением для путешествий в Каньон, тут также располагались кабаки и дома терпимости, которые обслуживали солдат из лагеря. Но сейчас улицы были тихими и почти пустыми. Большинство гостиниц и магазинов заколочено.

Но настоящее откровение случилось, когда мы добрались до церкви. Я помнила ее как аккуратное здание, увенчанное ярко-синими куполами. Теперь побеленные стены были исписаны именами, ряд за рядом выведенными алой краской, которая, высохнув, стала напоминать кровь. Ступеньки усыпаны кучками увядших букетов, небольшими иконками и догоревшими молитвенными свечками. Я увидела бутылки кваса, груды конфет и брошенную кем-то детскую куклу. Подношения погибшим.

Просмотрела имена:

Степан Рушкин, 57

Аня Сиренка, 13

Мика Ласки, 45

Ребека Ласки, 44

Петр Озеров, 22

Марина Коска, 19

Валентин Емки, 72

Саша Пенкин, 8 месяцев

Им не было конца. Мои пальцы вцепились в вожжи, а сердце сжали ледяные тиски. Нахлынули непрощенные воспоминания: мать, бегущая с ребенком на руках, спотыкающийся мужчина с открытым в беззвучном крике ртом, поглощаемый тьмой, испуганная бабушка, потерявшаяся в истеричной толпе. Я все видела. И случилось это благодаря мне.

Они были жителями Крибирска – города, который когда-то располагался прямо напротив Новокрибирска, по другую сторону Каньона. Город-побратим, полный знакомых, друзей, деловых партнеров. Людей, работающих на доках и управляющих скифами, переживших не один переплав. Они жили на границе с ужасом, считая, что, находясь дома или гуляя по улицам своего маленького портового городка, они в безопасности. А теперь все погибли, потому что мне не удалось остановить Дарклинга.

Мал оказался рядом со мной.

– Алина, – ласково позвал он, – поехали дальше.

Я покачала головой. Мне хотелось запомнить их всех: Ташу Штоль, Андрея Базина, Шуру Рученко. Столько, сколько смогу. Их уничтожил Дарклинг. Терзали ли они его во снах, как терзали меня?

– Мы должны остановить его, Мал, – хрипло сказала я. – Любой ценой.

Не знаю, что я надеялась от него услышать, но Мал не ответил. Вряд ли он хотел давать мне какие-либо обещания.

В конце концов он поехал дальше, но я заставила себя прочесть каждое имя, и только тогда развернулась и направила свою лошадь обратно на пустые улицы.

По мере удаления от Каньона в Крибирске появлялось все больше признаков жизни. Несколько лавок оказались открытыми, а на участке Ви, известном как «Путь коробейников», раскладывали свое добро купцы. Вдоль дороги выстроились пестрящие яркими тканями прилавки, которые были завалены товарами: тут продавали башмаки и молитвенные шали, деревянные игрушки и тупые ножики в кустарно сработанных ножнах. Многие прилавки были усыпаны чем-то похожим на кусочки камня и куриные кости.

– *Провинье ости!* – кричали торговцы. – *Аученье ости!*

Подлинные кости. Настоящие кости.

Когда я свесилась с крупа лошади, чтобы рассмотреть товар получше, один старик крикнул:

– Алина!

Я удивленно посмотрела на него. Мы знакомы?

Ко мне тут же подъехал Николай. Подвел своего коня и забрал у меня вожжи, грубо дергая за них, чтобы увести меня от прилавка.

– Ничего не нужно, спасибо, – ответил он старику.

– Алина! – крикнул тот. – *Аученье* Алина!

– Подожди, – попросила я, изворачиваясь в седле, чтобы лучше рассмотреть лицо старика. Он поправлял товары на столе. Осознав, что мы ничего не купим, торговец резко потерял к нам интерес.

– Стой! – настаивала я. – Он меня узнал.

– Нет.

– Но он позвал меня по имени! – рассердилась я, забирая из рук принца свои вожжи.

– Он пытался продать твои мощи. Кости пальцев. Подлинная Санта-Алина.

Я замерла, по телу прошла дрожь. Моя лошадь рассеянно трусила вперед.

– Подлинная Алина, – ошеломленно повторила я.

Николаю явно стало неловко.

– Ходят слухи, что ты умерла в Каньоне. Люди уже много месяцев продают части твоего тела по всей Равке. Из тебя вышел хороший амулет на удачу.

– Предполагается, что это *мои пальцы*?!

– Костяшки, пальцы ног, кусочки ребер.

Меня затошнило. Я оглянулась, надеясь увидеть Мала и поговорить с кем-то, кому я дорога.

– Конечно, – продолжил Николай, – если бы хоть половина из них действительно была твоими пальцами, у тебя должна была быть сотня ног. Но суеверия – мощная штука.

– Как и вера, – отозвался голос позади меня, и, обернувшись, я с удивлением обнаружила Толю, восседающего на огромном черном жеребце. Его лицо сияло торжественностью.

Это было слишком. Весь мой оптимизм улетучился. Внезапно показалось, будто само небо давит на меня сверху, загоняя в ловушку. Я пустила лошадь в галоп. Из меня всегда была никудышная наездница, но я крепко держалась в седле и не останавливалась, пока Крибирск не остался далеко позади и я не перестала слышать громохание костей.

* * *

Той ночью мы остановились в гостинице в небольшой деревушке под названием Верность, где нас встретила вооруженная группа солдат Первой армии. Вскоре я узнала, что большинство из них были из двадцать второго – полка, в котором служил Николай и который в итоге помог провести северную кампанию. По всей видимости, принц хотел поехать в Ос Альту в окружении друзей. Я его не винила.

Он выглядел довольно расслабленно в их обществе, и я снова заметила, как изменилось его поведение. Парень с легкостью сменил роль бойкого авантюриста на высокомерного принца, а теперь стал любимым командиром, солдатом, который беспечно смеялся со своими товарищами и знал имя каждого простолюдина.

Солдат сопровождала роскошная карета, которую везла шестерка белых коней. Она была выкрашена в голубой равкианский цвет, на одном боку у нее красовался двуглавый королевский орел. С другой стороны Николай приказал нарисовать золотое солнце с лучами. Когда эта сверкающая штукавина заехала во двор гостиницы, я закатила глаза и вспомнила показное богатство Большого дворца. Похоже, дурной вкус – это наследственное.

Я надеялась поужинать в своей комнате наедине с Малом, но Николай настоял, чтобы мы трапезничали все вместе в гостиной. Так что, вместо того чтобы отдыхать у камина, мы оказались втиснуты локоть к локтю за шумный стол офицеров. Мал не проронил ни слова за вечер, зато Николай щебетал за нас троих.

Принявшись за тушеный бычий хвост, он начал перечислять места, которые хотел бы посетить по пути в Ос Альту. Даже просто слушать эту болтовню было утомительно.

– Не думала, что под «вербовкой людей» ты подразумевал встречу с каждым из них, – проворчала я. – Разве мы не спешим?

– Равка должна знать, что ее заклинательница Солнца вернулась.

– Как и ее блудный принц?

– И он тоже. Слухи разойдутся быстрее, чем королевское заявление. И кстати, – сказал он, понижая голос. – С этого момента ты должна вести себя так, словно за тобой наблюдают каждую секунду. – Он указал вилкой на нас с Малом. – Что ты делаешь в свободное время – это твое личное дело. Просто будь благоразумной.

Я чуть не поперхнулась вином.

– Что?!

– Одно дело, когда тебя сватают принцу, и совсем другое, когда люди думают, что ты спишь с крестьянином.

– Я не... это вообще не их дело! – яростно зашептала я и покосилась на Мала. Его челюсть задрожала, а кулак крепко сжал рукоятку ножа.

– Власть обязывает, – ответил Николай. – Так что это их дело, – он сделал еще один глоток вина, и я ошеломленно уставилась на него. – А еще ты должна ходить в подходящем цвете.

Я покачала головой, поразившись смене темы.

– Теперь ты и одежду будешь мне выбирать?

На мне был синий кафтан, но это явно не устраивало принца.

– Если планируешь руководить Второй армией и занять место Дарклинга, то должна выглядеть соответственно.

– Заклинатели ходят в синем, – раздраженно фыркнула я.

– Не стоит недооценивать силу широких жестов, Алина. Люди любят зрелище. Дарклинг это понимал.

– Я подумаю об этом.

– Как насчет золотого? – продолжил Николай. – Очень царственно и уместно...

– И очень безвкусно?

– Золото хорошо сочетается с черным. Идеальный символ и...

– Никакого черного, – перебил Мал. Затем встал из-за стола и, не проронив больше ни слова, скрылся в толпе.

Я отложила вилку.

– Я вот не пойму, ты специально создаешь мне проблемы или просто придиуриваешься?

Принц взял еще кусочек со своей тарелки.

– Ему не нравится черный?

– Это цвет мужчины, который пытался убить его и регулярно брал меня в заложницы.

Мой заклятый враг, помнишь?

– Тем больше причин присвоить себе его цвет.

Я вытянула шею, чтобы посмотреть, куда ушел Мал. Увидела, как он сел в одиночестве у стойки в соседнем помещении.

– Нет, – покачала головой. – Никакого черного.

– Как угодно, – кивнул принц. – Но ты должна выбрать какой-то цвет для себя и своей стражи.

Я вздохнула.

– Стража так необходима?

Николай откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на меня с серьезным выражением лица.

– Знаешь, как я получил имя Штурмхонд?

– Я думала, что это своеобразное подшучивание над твоей кличкой: «щенок».

– Нет. Это имя я заслужил. Первый корабль, который я взял на abordаж, был фьерданским торговым судном из Джерхольма. Когда я приказал капитану опустить меч, он рассмеялся мне в лицо и сказал, чтобы я бежал домой к мамочке, и что фьерданцы готовят хлеб из костей тощих равкианских мальчиков.

– И ты убил его?

– Нет. Я ответил ему, что равкианцы слишком брезгливы, чтобы есть мясо старых и глупых капитанов. А затем отрезал ему пальцы и скормил их своей собаке у него на глазах.

– Ты... что сделал?

В зале было полно шумных солдат, которые пели, кричали и рассказывали байки, но все это отошло на задний план. Я потеряла дар речи и уставилась на Николая. Он будто вновь изменился, и его маска очарования исчезла, обнаружив очень опасного человека.

– Ты слышала. Мои враги разговаривают на языке жестокости. Как и моя команда. После этого я выпил со своими людьми и поделил добычу. Затем вернулся в свою каюту, выблевал прекрасный ужин, приготовленный моим стюардом, и рыдал, пока не уснул. Но в тот день я стал настоящим корсаром, и именно тогда родился Штурмхонд.

– Вот тебе и щенок, – ответила я, борясь с рвотными позывами.

– Я был мальчишкой, выступившим с недисциплинированной командой из бандитов и мошенников против врагов, которые были старше, мудрее и безжалостнее. Необходимо было сделать так, чтобы меня боялись. Все до последнего. Иначе полегло бы много людей.

Я отодвинула тарелку.

– И чьи же пальцы ты хочешь отрезать с моей помощью?

– Я хочу, чтобы ты начала думать и вести себя как лидер, раз уж собралась им стать.

– Знаешь, я уже слышала это от Дарклинга и его сторонников. Будь жестокой. Будь злой.

В будущем это спасет много жизней.

– Думаешь, я такой же, как Дарклинг?

Я окинула его изучающим взглядом: золотистые волосы, опрятный мундир, слишком хитрые карие глаза.

– Нет, – медленно произнесла я. – Не думаю. Но я уже ошибалась прежде.
С этими словами я встала и пошла за Малом.

* * *

Наш переход в Ос Альту больше напоминал медленное шествие измученной процессии, нежели бодрый галоп марширующей армии. Мы останавливались в каждой деревне у Ви, на фермах, маслобойнях, в школах и церквях. Приветствовали местных сановников и проходились по всем больничным отделениям. Ужинали с ветеранами войны и аплодировали женскому хору.

Было трудно не заметить, что в деревнях в основном оставались либо очень юные, либо очень старые. Всех годных к военной службе призвали в армию короля, сражаться в бесконечных войнах Равки. Наши кладбища разрослись до размеров городов.

Николай раздавал монеты и мешки с сахаром. Пожимал руки торговцам, целовался с морщинистыми матронами, которые звали его «шеночком», и очаровывал каждого, кто стоял поблизости. Принц никогда не уставал, никогда не сдавал позиций. Сколько бы миль мы ни преодолели, со сколькими бы людьми ни пообщались, он всегда был готов поговорить с любым желающим.

Казалось, Николай всегда знал, чего люди от него хотели – когда играть роль смеющегося мальчишки, когда золотого принца, а когда и бывшего солдата. Я предположила, что подобному учили всех членов королевской семьи, растущих во дворце, но наблюдать за ним все равно было странно.

Он не шутил насчет зрелищ. Принц всегда старался, чтобы мы приезжали на рассвете или после наступления сумерек, или останавливал наше шествие в тени церкви и городской площади – в любом подходящем месте, чтобы похвастаться заклинательницей Солнца.

Заметив, как я закатываю глаза, Николай подмигнул и сказал:

– Все считают тебя мертвой, дорогая. Теперь главное – красиво воскреснуть.

Я сдержала свою часть сделки и достойно играла роль. Любезно улыбалась и призывала свет, освещая и согревая им крыши, шпили и пораженные лица. Люди плакали. Матери приносили мне своих младенцев, чтобы я поцеловала их, а старики склонялись к моей ладони с мокрыми от слез щеками. Я чувствовала себя настоящей мошенницей, о чем и сообщила Николаю.

– В смысле? – искренне недоумевал он. – Люди любят тебя.

– Или они любят твою призовую лошадку, – проворчала я, когда мы выехали из очередного города.

– Ты хоть когда-нибудь выигрывала приз?

– Не смешно, – сердито прошипела я. – Ты видел, на что способен Дарклинг. Эти люди отправят своих сыновей и дочерей на войну с ничегоями, а я не смогу их спасти. Ты пичкаешь их ложью.

– Мы даем им надежду. Это лучше, чем ничего.

– Сказал человек, который понятия не имеет, что значит не иметь ничего, – отрезала я и отправила лошадь вперед.

* * *

Краше всего Равка выглядела летом, когда ее поля расцвечивались золотыми и зелеными оттенками, а воздух наполнялся сладковатым ароматом теплого сена. Несмотря на уговоры Николая, я решительно отказалась от удобной кареты. У меня отваливался зад, и бедра ныли от боли всякий раз, как я слезала с седла, но поездка верхом сулила свежий воздух и давала возможность присматривать за Малом. Он едва говорил со мной, но, похоже, уже начал оттаивать.

Николай рассказал всем о том, как Дарклинг пытался убить Мала в Каньоне. Это помогло Малу завоевать доверие солдат и даже получить небольшую порцию славы. Время от времени он отправлялся на охоту со следопытами из отряда и пытался обучить Толю охотиться, но у крупного гриша не очень получалось бесшумно красться по лесу.

По дороге из Салы, когда мы проезжали мимо рощи белых вязов, Мал прочистил горло и сказал:

– Я тут подумал...

Я выпрямилась и наострила уши. Он впервые заговорил со мной со дня отъезда из Кирбиска.

Парень заерзал в седле, старательно избегая моего взгляда.

– Я тут подумал о том, кого можно выбрать в стражи.

Я нахмурилась.

– В стражи?

Он вновь прокашлялся.

– В твои личные стражи. Несколько человек из свиты Николая вполне подходят для этого, и, думаю, нужно также рассмотреть Толю с Тamarой. Они шуханцы, но и гриши, так что это не должно стать проблемой. И еще есть... ну, я.

Не думала, что когда-нибудь увижу, как он краснеет. Я расплылась в улыбке.

– Хочешь сказать, что набиваешься в капитаны моей личной стражи?

Мал покосился на меня, и уголки его губ приподнялись.

– А мне достанется крутая шляпа?

– Самая крутая, какую мы только сможем найти. И, возможно, плащ.

– А перья будут?

– О да, много перьев.

– Тогда я согласен.

Я хотела закончить на этом, но не сдержалась:

– Я думала... думала, что ты захочешь вернуться в свое подразделение и вновь стать следопытом.

Мал уставился на узел на своих поводьях.

– Я не могу вернуться. Надеюсь, Николай спасет меня от повешенья...

– Надеешься? – просипела я.

– Я дезертировал, Алина. Даже король не сможет вновь сделать меня следопытом, – произнес он уверенно и спокойно.

«Он привыкнет», – подумала я. Но в то же время знала, что какая-то часть его всегда будет тосковать по жизни, которая была ему предназначена, по той жизни, которая у него была бы, не связись он со мной.

Мал кивком указал на спину Николая, едущего далеко впереди и едва различимого в колонне всадников.

– И я ни за что не оставлю тебя одну с нашим Идеальным принцем.

– Думаешь, я не смогу противостоять его чарам?

– Я даже в себе сомневаюсь. Никогда не видел, чтобы кто-то умел так располагать к себе всех вокруг. Уверен, ему бы поклялись в верности даже скалы с деревьями.

Я засмеялась и запрокинула голову назад, чувствуя, как лучи солнца греют кожу, проникая сквозь сплетенные в вышине ветви. Затем прикоснулась к чешуе морского хлыста, надежно спрятанной под рукавом. Пока мне хотелось держать второй усилитель в секрете. Гриши Николай поклялись хранить молчание, и мне оставалось только надеяться, что они умели держать язык за зубами.

Мои мысли занимала жар-птица. Какая-то часть моего сознания все еще не могла поверить в ее существование. Выглядит ли она как на страницах красной книжки, с бело-золотым

окрасом перьев? Или их кончики полыхают огнем? И какое чудовище сможет пустить в нее стрелу?

Я отказалась забирать жизнь оленя, и из-за этого умерло бесчисленное количество людей: жители Новокрибирска, гриши и солдаты, которых я бросила на скифе Дарклинга. Мне вспомнились высокие стены церкви, покрытые именами погибших.

Олень Морозова. Русалье. Жар-птица. Легенды оживали перед моими глазами и сразу же умирали. Я помнила, как вздымались и опускались бока морского хлыста, с каким тихим свистом выходили из него последние глотки воздуха. Он был на волоске от смерти, и все равно я медлила.

«Я не хочу быть убийцей». Но, возможно, милосердие – не тот дар, который может себе позволить заклинательница Солнца. Я встряхнула головой. Сперва нужно найти жар-птицу. До тех пор все наши надежды ложились на плечи одного неблагонадежного принца.

* * *

На следующий день появились первые паломники. Выглядели они как обычные городские жители, ожидающие у дороги королевскую процессию, но носили нарукавные повязки и держали знамена с восходящим солнцем. Испачкавшись после долгих дней в дороге, они взваливали на себя мешки, набитые немногочисленным имуществом. Увидев меня в синем кафтане и с оленьим ошейником, люди кинулись к моей лошади, бормоча «Санкта, санкта» и пытаясь схватить меня за рукав или подол. Иногда они падали на колени, и мне приходилось осторожничать, чтобы моя кобылка их не затоптала.

Я думала, что привыкла к такому вниманию к своей персоне, и к тому, что меня хватают руками незнакомцы, но сейчас все воспринималось иначе. Мне не нравилось, что меня звали «святой», и в их взглядах читалось что-то хищное, что заставляло меня сильно нервничать.

Чем глубже мы заезжали в Равку, тем больше людей нас встречало. Они стекались со всех сторон: из городов, пригородов и портов. Толпились на деревенских площадях и вдоль Ви. Мужчины и женщины, старые и молодые. Некоторые шли пешком, другие ехали на ослах или притулившись на тележках с сеном. Где бы мы ни оказывались, они везде звали ко мне.

Я была и Санкт-Алиной, и Алиной Праведной, и Лучом Милосердия. «Дщерь Керамзина – кричали они, – Дщерь Равки!» «Дщерь Каньона». Называли меня и «Душой Двух Столбов» – в честь долины, в которой приютился безымянный поселок, где я родилась. Я смутно помнила руины, давшие название долине – два скалистых столба по бокам от пыльной дороги. Апраг усердно занимался изысканиями о моем прошлом и выуживал подходящие детали, чтобы скроить биографию святой.

Ожидания, возложенные на меня паломниками, пугали. Они считали, что я пришла, чтобы освободить Равку от врагов, Тенистого Каньона, Дарклинга, нищеты, голода, мозолей на ногах, комаров и всего прочего, что приносило им страдания. Они молили меня о благословении и исцелении, но я могла только взывать к свету, махать ручкой и позволять им коснуться моей ладони. Все это было частью представления Николая.

Пилигримы приходили не только для того, чтобы повидать меня, но и чтобы последовать за мной. Они присоединились к королевской процессии, и их разномастная толпа разрасталась с каждым днем. Они плелись за нами из города в город, ночуя в полях, и молились на рассвете за мою безопасность и спасение Равки. Еще чуть-чуть и их количество превзойдет армию Николая.

– Это дело рук Апрага! – пожаловалась я Тамаре за ужином.

Нас поселили в придорожном домике. Через окна виднелись огни от костров паломников и доносились крестьянские песенки.

– Эти люди должны быть дома, должны возделывать поля и заботиться о своих детях, а не таскаться за какой-то лживой святой.

Тамара повозила по тарелке кусочек пережаренной картошки.

– Мама говорила, что способности гришей – это божественная сила.

– И ты ей верила?

– Объяснения получше у меня не нашлось.

Я отложила вилку.

– Тамара, у нас нет никакого божественного дара. Сила гриша – врожденная, как большие ноги или красивый голос.

– Так думают и шуханцы. Что это нечто осязаемое, спрятанное в твоём сердце или селезенке, что-то, что можно достать и распотрошить, – девушка посмотрела в окно на лагерь паломников. – Не думаю, что эти люди с ними согласны.

– Пожалуйста, только не говори, что тоже считаешь меня святой.

– Не важно, кто ты. Важно, что ты можешь сделать.

– Тамара...

– Эти люди полагают, что ты можешь спасти Равку. Очевидно, что ты тоже, иначе бы не ехала в Ос Альту.

– Я еду в Ос Альту, чтобы возродить Вторую армию.

– И найти третий усилитель?

Я чуть не выронила вилку.

– Тише ты! – прошипела я.

– Мы видели «Историю святых».

Значит, Штурмхонд не держал сведения о книге в секрете.

– Кто еще знает? – спросила я, пытаюсь взять себя в руки.

– Мы никому не скажем, Алина. Мы понимаем, насколько это рискованно. – Стакан Тамары оставил влажный кружок на столе. Она обвела его пальцем и выпалила: – Знаешь, некоторые верят, что все первые святые были гришами.

Я нахмурилась.

– Кто?

Тамара пожала плечами.

– Многие. Лидеры гришей были отлучены от церкви. Некоторых даже сожгли на костре.

– Никогда о таком не слышала.

– Это было давно. Не понимаю, почему эта теория так злит людей. Даже если святые были гришами, это не делает их поступки менее удивительными.

Я заерзала на стуле.

– Я не хочу быть святой. И не пытаюсь спасти мир. Мне просто нужно найти способ одержать победу над Дарклингом.

– Возродить Вторую армию. Одержать победу над Дарклингом. Уничтожить Каньон. Освободить Равку. Называй как хочешь, но все это подозрительно смахивает на спасение мира.

Ну, если рассуждать так, то звучит действительно впечатляюще. Я сделала глоток вина. На вкус оно было гораздо кислее, чем марочное вино с «Волка волн».

– Мал собирается предложить вам с Толей стать моими личными стражниками.

Лицо девушки озарилось чудесной улыбкой.

– Правда?

– Ты все равно сейчас, по сути, этим и занимаешься. Но если будешь охранять меня днем и ночью, то должна мне кое-что пообещать.

– Что угодно, – просияла она.

– Больше никаких разговоров о святых.

ГЛАВА 11

Чем больше увеличивалась толпа паломников, тем сложнее было их контролировать. Довольно скоро мне пришлось пересест в карету. Иногда меня сопровождал Мал, но чаще всего он предпочитал ехать снаружи, охраняя экипаж вместе с Толей и Тamarой. Как бы мне ни была приятна его компания, я знала, что так лучше. Необходимость торчать в лакированном драгоценном коробке всегда портила ему настроение.

Николай присоединялся ко мне только при въезде и отъезде из деревень, чтобы нас видели вместе. Парень болтал без умолку. Только и думал, что бы еще построить – приспособление для мощения дорог, новую ирригационную систему, лодку, которая будет плыть сама по себе. Он делал наброски на любом куске бумаги и каждый день находил новые способы улучшить следующую версию «Колибри».

Как бы меня это ни нервировало, он также жаждал обсудить третий усилитель и Дарклинга. Ему тоже была незнакома каменная арка на иллюстрации, и сколько бы мы ни рассматривали страницу, святой Илья не выдавал своих секретов. Но это не останавливало Николая от бесконечных размышлений о местах, с которых можно начать охоту на жар-птицу, и расспросов о новой силе Дарклинга.

– Скоро мы вместе отправимся на войну, – начал он. – Если ты забыла, Дарклинг не особо меня любит. Я бы хотел знать о всех преимуществах, имеющихся в нашем арсенале.

Я мало чем могла поделиться. Мне и самой было непонятно, на что способен Дарклинг.

– Гриши могут использовать и видоизменять только то, что уже существует. Истинное творение – это уже совсем другой вид силы. Багра называла это «творением в самом сердце мира».

– И ты думаешь, он гонится именно за этим?

– Возможно. Не знаю. У всех нас есть границы, и когда мы пытаемся расширить их, то устаем. В перспективе использование силы делает нас сильнее. Но когда Дарклинг призывает ничегой, все иначе. Мне кажется, ему это дорогого стоит. – Дальше я описала напряжение и усталость, которые появились на лице нашего врага. – Сила его не подпитывает. Она подпитывается *им*.

– Ну, это многое объясняет, – кивнул Николай, барабанив пальцами по бедру. Шестеренки его разума закрутились, придумывая, как использовать эту информацию.

– Например?

– То, что мы еще живы, и то, что мой отец до сих пор сидит на троне. Если бы Дарклинг мог просто создать армию теней, он бы уже напал на столицу. Это хорошо, – решил он в итоге. – Это дает нам время.

Вопрос только в том, сколько времени. Я вспомнила о желании, охватившем меня, когда я смотрела на звезды на борту «Волка волн». Жажда власти испортила Дарклинга. Вполне возможно, что она развратила и Морозова. Если я соединю усилители, это может обрушить на мир такие страдания, каких он еще не видывал.

Я потеряла руки, пытаюсь избавиться от мурашек. Я не могла поделиться своими опасениями с Николаем, а Мал и без того испытывал сомнения по поводу курса, который мы выбрали.

– Ты знаешь, чему мы противостоям. Времени может быть недостаточно.

– Ос Альта хорошо укреплена, – возразил принц. – Она находится близко к базе в Полизной и, что самое главное, далеко от северной и южной границ.

– Это нам поможет?

– Зона действия Дарклинга ограничена. Когда мы вывели из строя его корабль, он не смог послать за нами вслед ничегой. Это значит, что ему придется проникнуть со своими чудищами

в Равку. Горы на востоке непроходимы, а без тебя ему Каньон не пересечь. Значит, остается Фьерда или Шухан. В любом случае, незамеченным ему к нам не подобраться.

– И король с королевой останутся?

– Если бы отец покинул столицу, это было бы равносильно тому, что он передал страну Дарклингу. Кроме того, я сомневаюсь, что его здоровье позволит ему путешествовать.

Мне вспомнился красный кафтан Жени.

– Он так и не поправился?

– Им удалось скрыть самое плохое от посторонних ушей, но нет, не поправился, и я не думаю, что ему это удастся, – Николай сложил руки на груди и склонил голову набок. – Твоя подруга просто великолепна. Для отравителя.

– Она мне не подруга, – возразила я, хоть фраза прозвучала по-детски даже для моих ушей и казалась предательским актом. Я во многом винила Женю, но не в том, что она сделала с королем. Похоже, шпионы Николая были повсюду. Интересно, знал ли он, каким человеком был его отец на самом деле? – И я сомневаюсь, что она использовала яд.

– Но что-то она с ним сделала. Ни один доктор не смог найти лекарство, а мама не подпускает к нему целителей-корпориалов, – через секунду принц добавил: – Действительно умный ход.

Мои брови взмыли вверх.

– То, что они пытались убить твоего отца?

– Дарклинг мог бы убить его мановением пальца, но это грозило бунтом крестьян и Первой армии. Поскольку король жив, но вынужден оставаться в изоляции, никто до конца не знает, что происходит. Апат был там – играл роль доверенного советника и отдавал приказы. Василий отсутствовал – покупал коней и проституток, – он ненадолго умолк, глядя в окно и проводя пальцем по позолоченной раме. – Я был в море. Новость дошла до меня спустя несколько недель после того, как все случилось.

Я ждала продолжения, не зная, уместно ли тут что-то говорить. Его взгляд сосредоточился на мелькающих за окном пейзажах, а лицо выражало глубокую задумчивость.

– Когда новость о бойне в Новокрибирске и исчезновении Дарклинга разошлась по Равке, начался настоящий ад. Королевские министры и дворцовая стража ворвались в Большой дворец и потребовали встречи с королем. Знаешь, что они обнаружили? Мою мать, которая пряталась в своей комнате, вцепившись в маленькую сопящую собачку. И короля Равки, Александра Третьего, который лежал в одиночестве в своей опочивальне, почти бездыханный и в собственных испражнениях. Я позволил этому случиться.

– Николай, ты никак не мог знать, что задумал Дарклинг. Никто не знал.

Он, казалось, меня не слышал.

– Гришей и опричников, захвативших дворец по приказу Дарклинга, поймали в нижних городах, когда они пытались сбежать. Их казнили.

Я пыталась подавить дрожь.

– А как же Апат?

Священник вступил в сговор с Дарклингом и мог до сих пор на него работать. Но он пытался поговорить со мной до переворота, и мне всегда казалось, что он ведет более хитроумную игру.

– Сбежал. Никто не знает, как именно, – голос принца ожесточился. – Но, когда придет время, он ответит за все.

И вновь я увидела безжалостный лик, скрывающийся под гламурным фасадом. Таков ли истинный Николай Ланцов? Или это очередная маска?

– Ты позволил Жене уйти, – заметила я.

– Она – просто пешка. Ты же – главный приз. Я выбрал то, что мне важнее, – затем он улыбнулся, и его мрачное настроение исчезло без следа. – Кроме того, она слишком красива, чтобы бросать ее на растерзание акулам, – подмигнул принц.

* * *

От долгого сидения в карете я стала раздражительной. Меня выводил из себя темп, который выбрал Николай, хотелось поскорее добраться до Малого дворца. Однако это дало ему время подготовить меня к приезду в Ос Альту. Николай делал большую ставку на мой успех в качестве военачальника Второй армии, и у него всегда было припасено какое-то новое мудрое изречение, которым он готов был поделиться. У меня уже голова шла кругом, но я понимала, что не стоит игнорировать его советы. Казалось, будто я вновь вернулась в библиотеку Малого дворца и пытаюсь освоить теорию гришей.

«Чем меньше говоришь, тем весомей твои слова».

«Не спорь. Никогда не отрицай. Отвечай на оскорбления смехом».

– Ты не смеялся над словами фьерданского капитана, – подметила я.

– Он не оскорблял меня, а бросал вызов. Почувствуй разницу.

«Слабость – это маска. Надевай ее, когда люди хотят убедиться в твоей человечности, но не в том случае, когда ты действительно ее чувствуешь».

«Не мечтай о кирпичах, если можешь построить из камня. Используй кого или что угодно из доступных средств».

«Быть лидером означает, что за тобой постоянно следят».

«Заставь их исполнять мелкие приказы, и они начнут повиноваться во всем».

«Можно пренебрегать ожиданиями людей, но разочаровывать их – нельзя».

– И как я должна все это запомнить? – раздраженно спросила я.

– Над этим не стоит долго размышлять, просто делай.

– Легко тебе говорить. Тебя растили для этого с самого рождения.

– Меня растили для тенниса на газоне и коктейльных вечеринок, – ответил Николай. – Остальное пришло с практикой.

– У меня нет времени на практику!

– Ты справишься. Просто успокойся.

Я недовольно фыркнула. Мне так сильно хотелось его задушить, что аж руки чесались.

– О, и еще: самый простой способ разозлить кого-то, это сказать ему, чтобы успокоился.

Я даже не знала, смеяться мне или кинуть в него туфлей.

Поведение Николая, когда он покидал карету, раздражало еще больше. Он не рисковал снова делать мне предложение, но заставлял людей думать, будто между нами что-то есть. С каждой следующей остановкой он становился все наглее и наглее: то придвигался слишком близко, то руку целовал, а один раз убрал мне за ухо прядь, выбившуюся при сильном порыве ветра.

В Таште принца приветствовала огромная толпа крестьян и паломников, собравшаяся у статуи основателя города. Помогая мне забраться в карету, он скользнул рукой вокруг моей талии.

– Только не бей меня, – прошептал принц. А затем крепко прижал меня к своей груди и поцеловал в губы.

Народ взорвался радостными криками, их голоса слились в торжествующий рев. Не успела я отреагировать, как Николай втолкнул меня в темное пространство кареты и залез следом. Он захлопнул за собой дверцу, но я все еще слышала довольное улюлюканье горожан. К выкрикам «Николай!» и «Санкта-Алина!» добавился новый клич: «Сол королева!» Солнечная королева.

Выглянув в окно экипажа, я поискала в толпе Мала. Он сидел на коне и следил, чтобы никто не выходил на дорогу. По его хмурому лицу было ясно, что он все видел.

Я повернулась к Николаю и от души пнула его по голени. Он екнул, но это и близко меня не удовлетворило. Я пнула его еще раз.

– Ну что, тебе стало легче? – поинтересовался он.

– Еще раз вытворишь нечто подобное, и я не стану тебя бить, – сердито прорычала я. – А просто разрежу пополам.

Он смахнул пылинку со штанов.

– Не думаю, что это мудрое решение. Боюсь, люди не одобряют цареубийства.

– Ты пока не *царь, щенок!* – резко ответила я. – Так что не испытывай мое терпение.

– Не понимаю, чего ты так взбеленилась. Народ счастлив.

– А я – нет!

Он поднял бровь.

– Но и несчастной ты не выглядишь.

Я снова его пнула. На сей раз его рука выстрелила молнией и схватила меня за лодыжку. Будь сейчас зима, на мне были бы сапоги, а не летние туфли-лодочки. Его пальцы сомкнулись на голой коже. Мои щеки вспыхнули.

– Пообещай, что больше не будешь меня пинать, и я пообещаю не целовать тебя, – сказал принц.

– Я пинаюсь только потому, что ты меня поцеловал!

Я попыталась выдернуть ногу, но его хватка была слишком крепкой.

– Пообещай, – повторил Николай.

– Ладно, – процедила я. – Обещаю.

– Значит, мы заключили сделку.

Парень отпустил мою ногу, и я спрятала ее под кафтан, надеясь, что Николай не заметил моего идиотского румянца.

– Чудно, – сказала я. – Теперь катись отсюда.

– Но это моя карета.

– В сделке оговаривались только пинки. Это не запрещает мне бить тебя, стучать, кусать или *разрезать пополам*.

Принц ухмыльнулся.

– Боишься, что Оретцев заподозрит нас в чем-то нечестивом?

Именно этого я и боялась.

– Волнуюсь, что, если проведу в твоей компании еще минуту, то наблюдаю себе на кафтан.

– Это всего лишь притворство, Алина. Чем сильнее наш союз, тем лучше нам обоим.

Мне жаль, если это доставляет Малу неудобства, но нам это необходимо.

– Этот поцелуй едва ли был необходимостью.

– Я импровизировал и немного увлекся.

– Ты *никогда* не импровизируешь, – возразила я. – Все, что ты делаешь, продумано заранее. Ты меняешь личности как перчатки. И знаешь, что? Это жутковато. Ты хоть когда-нибудь бываешь собой?

– Я принц, Алина. Я не могу позволить себе такую роскошь, как быть собой.

Я раздраженно выдохнула.

Николай помолчал с пару секунд, а затем сказал:

– Я... ты действительно считаешь меня жутковатым?

Впервые в его голосе не слышались нотки самоуверенности. Несмотря на его некрасивый поступок, я почувствовала легкий прилив жалости.

– Время от времени, – призналась я.

Он смущенно почесал шею. Ему было явно неловко. Затем парень вздохнул и пожал плечами.

– Я – младший сын. Вполне вероятно, что бастард. Меня не было при дворе почти семь лет. Я сделаю все возможное, чтобы увеличить свои шансы на трон, и если ради этого придется очаровывать целую нацию или смотреть на тебя влюбленными глазами, я готов на это пойти.

Я уставилась на него. После слова «бастард» я ничего толком не слышала. Женя намекала на слухи о происхождении Николая, но я не ожидала, что он их подтвердит.

Принц рассмеялся.

– Тебе ни за что не выжить во дворце, если не научишься скрывать свои мысли. Выглядишь так, будто села в миску с холодной кашей. Закрой рот.

Я закрыла рот, громко клацнув челюстью, и попыталась изобразить на лице приветливое выражение. От этого Николай засмеялся пуще прежнего.

– А теперь ты выглядишь так, словно перепила вина.

Я сдалась и откинулась на спинку сиденья.

– Как ты можешь шутить на такую тему?

– Эти слухи носились вокруг меня с самого детства. Не то чтобы я собираюсь повторять их за пределами этой кареты, и я буду все отрицать, если это сделаешь ты, но мне абсолютно плевать, течет ли в моих жилах кровь Ланцовых. Если честно, учитывая все королевские родственные спаривания, быть бастардом – это, наверное, плюс.

Я помотала головой. Никто еще так меня не озадачивал, как он. С Николаем не поймешь, когда он шутит, а когда говорит серьезно.

– Почему тебе так важна корона? – спросила я. – Зачем так убиваться из-за нее?

– Неужто трудно поверить, что мне действительно небезразлична судьба этой страны?

– Честно? Да.

Он опустил взгляд на носки своих полированных сапог. Я никак не могла взять в толк, как он умудрялся сохранять их в чистоте.

– Наверное, мне нравится все налаживать. Всегда нравилось.

Это был очень расплывчатый ответ, но от него веяло искренностью.

– Ты вправду думаешь, что твой брат уступит трон?

– Надеюсь. Он знает, что Первая армия последует за мной, и я сомневаюсь, что ему хватит смелости начать гражданскую войну. Кроме того, Василий унаследовал отцовскую неприязнь к тяжелой работе. Как только он поймет, сколько в действительности нужно приложить усилий, чтобы править, то убежит из столицы со всех ног.

– Но если он все же не захочет сдаться без боя?

– Это всего лишь вопрос вознаграждения. Купить можно каждого: и нищего, и принца.

Очередное мудрое изречение от Николая Ланцова. Я выглянула в окно экипажа. Мал сидел в седле с прямой спиной и ехал следом за нами.

– Не каждого, – пробормотала я.

Николай проследил за моим взглядом.

– Да, Алина, даже твой верный последователь имеет цену, – он снова повернулся, задумчиво взглянув на меня своими карими глазами. – И я подозреваю, что смотрю на нее прямо сейчас.

Я смущенно заерзала на месте.

– Ты такой самоуверенный, – сухо заметила я. – А вдруг я решу занять престол и задую тебя во сне?

Николай просто улыбнулся.

– Наконец-то ты начала думать как политик.

* * *

В конце концов Николай смиловился и покинул карету, но прошло еще несколько часов, прежде чем мы остановились на ночлег. Мне даже не пришлось искать Мала. Открыв дверь кареты, он протянул мне руку, чтобы помочь спуститься. Площадь заполнили паломники и другие путешественники. Все они вытягивали шеи, чтобы получше рассмотреть заклинательницу Солнца, но я боялась, что другого шанса поговорить с Малом не выпадет.

– Сердишься? – прошептала я, пока он вел меня по брусчатке. Я заметила, что Николай стоял в другом конце площади и уже общался с группой местных сановников.

– На тебя? Нет. Но мы с Николаем обменяемся парой ласковых, когда его не будет охранять вооруженная стража.

– Если тебе от этого станет легче, я его пнула.

Мал рассмеялся.

– Правда?

– Дважды. Ну как, помогло?

– Вообще-то да.

– Если хочешь, я оттопчу ему ногу за ужином. – Это как раз выходило за пределы запрета на пинки.

– Значит, никаких бабочек в животе или обмороков от объятий кронпринца?

Он подшучивал, но я слышала нотки сомнения в его словах.

– Похоже, у меня иммунитет. К счастью, я знаю, каким должен быть *настоящий* поцелуй. Я оставила его стоять посреди площади. К его румянцу можно и привыкнуть.

* * *

В ночь перед въездом в Ос Альту мы остановились на даче у местного дворянина, жившего всего в паре миль от городских стен. Это место немного напомнило мне Керамзин: большие железные ворота, длинная прямая дорога к изящному поместью с двумя широкими флигелями из светлого кирпича. Граф Минков был известен тем, что выращивал карликовые плодовые деревья. Коридоры дачи обрамляли ухоженные подстриженные кусты, наполнявшие помещения сладковатым ароматом персиков и слив.

Мне выделили роскошную спальню на втором этаже. Тамара заняла примыкающую комнату, а Толю и Мала поселили напротив. На кровати меня ждала большая коробка, и внутри я обнаружила кафтан, который в конце концов заказала на прошлой неделе, поддавшись на уговоры Николая. Принц отправил заказ в Малый дворец, и я узнала работу фабрикаторов в синем шелке, прошитом золотой нитью. Я ожидала, что кафтан будет тяжелым, но субстанциалы сделали ткань почти невесомой. На мне она мерцала и блестела, как лучи солнца, проглядывающие сквозь воду. Застежки изготовили в виде маленьких золотых солнц. Кафтан был прекрасен и немного вычурен. Николаю понравится.

Жена графа прислала ко мне служанку, чтобы та помогла с прической. Девушка усадила меня за туалетный столик, цокая языком и ворча из-за моих колтунов, а затем собрала мои космы в свободный узел. Работала она куда нежнее, чем Женья, но и результат был далеко не таким впечатляющим. Я выкинула эту мысль из головы. Мне не нравилось думать о Жене, о том, что могло с ней случиться после того, как мы покинули китобойное судно, и о том, как одиноко мне будет без нее в Малом дворце.

Я поблагодарила служанку и, прежде чем выйти из комнаты, взяла черный бархатный мешочек, доставленный в коробке вместе с кафтаном. Спрятала его в карман, убедилась, что рукав кафтана надежно прикрывает окову, затем спустилась на первый этаж.

Все разговоры за ужином крутились вокруг последних событий, возможного местонахождения Дарклинга и происшествий в Ос Альте. Город наводнили беженцы. Им давали от ворот поворот прямо у въезда в город. Ходили слухи о продовольственных бунтах в нижних пригородах. Все это казалось невероятно далеким от этого сверкающего роскошью поместья.

Граф и его жена – полноватая дама с седеющими кудрями и пугающе пышным бюстом, – накрыли щедрый стол. Мы ели холодный суп из хрустальных мисок в форме тыкв, жареного ягненка в смородиновом конфитюре, запеченные грибы со сливками и блюдо, которое я лишь поклевала, лишь позднее выяснив, что это была кукушка, пропитанная бренди. Все тарелки и бокалы были оправлены серебром и украшены гербом Минкова. Но больше всего впечатлял орнамент, покрывавший стол: миниатюрный лес, словно живой, представленный в мельчайших подробностях, рощи крошечных сосен, выюнки с цветами размером с ноготок, и маленькая хижина, в которой скрывалась солонка.

Я сидела между Николаем и полковником Раевским, слушая, как приглашенные дворяне смеются, болтают и произносят бесконечные тосты в честь возвращения молодого принца и за здоровье заклинательницы Солнца. Я просила Мала присоединиться к нам, но он отказался и отправился патрулировать территорию с Толей и Тamarой. Как бы я ни пыталась следить за ходом беседы, мои мысли были далеко, а взгляд непрестанно возвращался к террасе, где я надеялась увидеть Мала.

Должно быть, Николай это заметил, потому что прошептал мне на ухо:

– Ты не обязана их слушать, но должна хотя бы делать вид.

Я делала все, что было в моих силах, но не знала, о чем с ними говорить. Даже будучи одетой в мерцающий кафтан и сидя рядом с принцем, я все равно оставалась крестьянкой из безымянной деревушки. Мне не место рядом с этими людьми, да я и не стремилась стать одной из них. Тем не менее, я мысленно поблагодарила Ану Кую за то, что она научила своих сироток, как вести себя за столом и какой вилкой есть улиток.

После ужина нас пригласили в гостиную, где граф и графиня спели дуэтом под аккомпанемент арфы, на которой играла их дочь. На боковом столике выставили десерт: медовый мусс, компот из дыни с орехами и целую башенку выпечки, покрытую облаками сахарной ваты, которую хотелось не столько съесть, сколько восхищенно разглядывать. Все пили вино и делились сплетнями. Меня попросили призвать свет, и я окунула кессонный потолок в теплое сияние под восторженные аплодисменты. Когда гости сели за карточный стол, я посетовала на головную боль и тихо ушла.

Николай поймал меня у двери на террасу.

– Тебе стоит остаться. Это хорошая репетиция монотонной жизни при дворе.

– Святым тоже нужен отдых.

– Думаешь вздремнуть под кустом роз? – спросил он, покосившись на сад.

– Я была хорошим цирковым мишкой, Николай. Но я уже выполнила все трюки, и теперь время пожелать мне доброй ночи.

Принц вздохнул.

– Может, я просто завидую, что не могу пойти с тобой. Графиня постоянно щупала меня за колено за обеденным столом, и я ненавижу играть в карты.

– А я-то считала тебя непревзойденным политиком.

– Я же говорил, что не умею долго сидеть на месте.

– Тогда пригласи графиню на танец, – улыбнулась я и скользнула в объятия ночного воздуха.

Спустившись по ступенькам, оглянулась через плечо. Николай все еще мялся у двери. На нем была военная форма с перекинутой через грудь голубой лентой. Свет из гостиной блестел на медалях и золотил кончики волос. Сегодня он играл роль изысканного принца. Но, стоя там, он выглядел потерянным юношей, который не хотел возвращаться на вечеринку в одиночестве.

Я развернулась и спустилась по крутой лестнице в притихший сад.

Найти Мала не составило труда. Он прислонился к стволу огромного дуба и осматривал ухоженную территорию.

– Ну что, кто-нибудь прячется в темноте? – спросила я.

– Только я.

Прислонилась рядом с ним к стволу.

– Тебе стоило присоединиться к нам за ужином.

Мал фыркнул.

– Нет уж, спасибо. Я видел: ты выглядела до боли несчастной, да и Николай был не намного счастливее. Кроме того, – добавил парень, покосившись на мой кафтан, – что бы я надел?

– Тебе не нравится?

– Очень мило. Прекрасное дополнение к твоему приданому, – не успела я закатить глаза, как он взял меня за руку. – Прости, случайно вырвалось. Ты чудесно выглядишь. Я хотел сказать это сразу же, как увидел тебя.

Я залилась краской.

– Спасибо. Ежедневное использование силы приводит к тому, что начинаешь хорошо выглядеть.

– Ты была красивой и в Кофтоне, с пыльцой юрды на бровях.

Я начала застенчиво наматывать прядь волос.

– Это место напоминает мне Керамзин.

– Есть немного. Но тут слишком аляповато. В чем смысл крошечных фруктиков?

– Они для людей с крошечными ручками. Чтобы не оскорблять их чувства.

Мал искренне засмеялся. Я засунула руку в карман и нащупала черный бархатный мешочек.

– А у меня есть для тебя кое-что, – сказала я.

– Что?

Протянула кулак.

– Угадай. – В эту игру мы часто играли в детстве.

– Это определенно куртка.

Я покачала головой.

– Выставочный пони?

– Не-а.

Он взял мою ладонь, повернул ее и ласково разжал пальцы.

Я ожидала его реакции.

Уголок его губ приподнялся, и он взял с моей ладони брошку в виде солнца с золотыми лучами. От прикосновения его огрубевших пальцев к моей ладони у меня мурашки побежали по спине.

– Для капитана твоей личной стражи? – спросил Мал.

Я взволнованно прокашлялась.

– Я... не хочу, чтобы вы носили форму. Не хочу, чтобы вы хоть чем-то напоминали опричников Дарклинга.

Долгую минуту мы стояли в тишине, пока Мал разглядывал лучи солнца. Потом вручил брошку мне. Мое сердце ухнуло вниз, но я попыталась скрыть свое разочарование.

– Наденешь ее на меня? – спросил парень.

Я с облегчением выдохнула. Затем зажала брошку между пальцами и нацепила ее на складку с левой стороны рубашки. Понадобилось несколько попыток, чтобы закрепить ее правильно. Закончив, я отступила, а Мал взял меня за руку и прижал ее к золотому солнцу на своей груди.

– Это все? – спросил он.

Мы стояли очень близко друг к другу, совершенно одни в приятном сумраке сада. Впервые за долгие недели нам выпала возможность побыть вдвоем.

– Все? – повторила я. Почти шепотом.

– По-моему, мне обещали плащ и крутую шляпу.

– Я придумаю, как загладить свою вину.

– Ты что, флиртуешь?

– Торгуюсь.

– Ладно, – сказал он. – Я возьму свою плату прямо сейчас.

Его голос звучал легко и непринужденно, но когда наши губы соприкоснулись, в поцелуе не было ничего шутливого. На вкус он был как жар и недавно созревшие груши из сада графа. Я чувствовала голод в резком изгибе его губ, незнакомую напористость и требовательность, от которых мое тело заискрилось.

Я поднялась на цыпочки, обвила руками его шею и растворилась в его объятиях. Он был по-солдатски крепок, и это чувствовалось по накаченным мышцам рук, по напряжению в пальцах, сжимающих в кулак шелк на моей талии. Парень притянул меня к себе, и было что-то яростное и почти отчаянное в том, как он прильнул ко мне, словно не мог прижаться достаточно близко.

У меня закружилась голова. Мысли вяло текли где-то на краю сознания, но я все же отметила звук шагов откуда-то издалека. В следующую секунду на дорожку, ведущую к нам, выбежала Тамара.

– У нас гости, – выпалила она.

Мал оторвался от меня и с молниеносной быстротой схватился за винтовку.

– Кто?

– У ворот группа людей, они требуют впустить их. Хотят увидеть заклинательницу Солнца.

– Паломники? – спросила я, пытаюсь заставить свой мозг нормально работать после умопомрачительного поцелуя.

Девушка покачала головой.

– Говорят, что они гриши.

– Здесь?

Мал опустил руку мне на плечо.

– Алина, подожди внутри, хотя бы пока я не выясню, в чем дело.

Я замешкалась. Часть меня негодовала, что мне приказывают бежать и прятать голову в песок, но я не хотела натворить глупостей. Откуда-то со стороны ворот донеслись крики.

– Нет, – отрезала я, сбрасывая руку Мала. – Если они действительно гриши, то я тебе понадобится.

Ни Тамаре, ни Малу это не понравилось, но они встали по бокам от меня, и мы дружно зашагали по гравийной дорожке.

У железных ворот дачи собралась толпа. Было легко заметить Толю, возвышающегося над всеми остальными. Впереди стоял Николай, окруженный солдатами с винтовками и столь же неплохо вооруженными лакеями графа. По другую сторону решетки стояла группка людей, но больше я ничего не могла рассмотреть. Кто-то сердито потряс ворота, и люди говорили на повышенных тонах.

– Отведите меня туда, – сказала я. Тамара встревоженно покосилась на Мала. Я задрала подбородок. Если они будут моими стражами, то обязаны повиноваться. – *Сейчас же.* Я должна увидеть, что происходит, пока ситуация не вышла из-под контроля.

Тамара подала сигнал Толе, и великан встал перед нами, легко пробивая путь через толпу к воротам. Я всегда была маленькой. Оказавшись зажатой между Малом и близнецами, среди

возбужденных солдат, толкающих нас со всех сторон, я почувствовала, что мне внезапно стало трудно дышать. Я подавила нарастающую панику, пытаюсь высмотреть за широкими спинами Николая, спорящего с кем-то у ворот.

– Если бы мы хотели пообщаться с лакеем короля, то отправились бы к воротам Большого дворца, – нетерпеливо сказал какой-то мужчина. – Мы пришли к заклинательнице Солнца.

– Прояви уважение, кровопускатель, – рявкнул солдат, которого я не узнала. – Ты обращаешься к принцу Равки и офицеру Первой армии.

Дело принимало скверный оборот. Я оказалась прямо перед толпой и замерла, увидев корпоряла, стоящего по другую сторону решетки.

– Федор?

Его вытянутое лицо расплылось в улыбке, и он низко поклонился.

– Алина Старкова. Я надеялся, что слухи были правдой.

Я настороженно изучала его. Он стоял в окружении гришей в пыльных кафтанах, большинство из которых были красного цвета корпорялов, некоторые – синего, эфиреалов, и несколько человек носили фиолетовый цвет субстанциалов.

– Ты его знаешь? – спросил Николай.

– Да, – ответила я. – Он спас мне жизнь.

Однажды Федор встал между мной и стаей фьерданских наемников.

Он вновь поклонился.

– Это было для меня большой честью.

Николая это ничуть не впечатлило.

– Ему можно доверять?

– Он дезертир, – вставил солдат слева от принца.

По обе стороны ворот раздалось недовольное ворчание.

Николай отдал приказ Толе.

– Подвинь всех назад и убедись, чтобы ни одному из лакеев не пришлось в голову открыть огонь. А то я подозреваю, что им не хватает веселья среди этих фруктовых деревьев, – затем вновь повернулся к воротам. – Вы Федор, верно? Дайте нам минуту. – Николай отвел меня в сторону, подальше от толпы, и тихо зашептал: – Ну? Ему можно доверять?

– Не знаю. – Последний раз я видела Федора на празднике в Большом дворце, за несколько часов до того, как я узнала о планах Дарклинга и сбежала с актерской труппой. Я копалась в памяти, пытаюсь вспомнить, в чем заключалась суть нашей тогдашней беседы. – Кажется, он служил на южной границе. Он был высокопоставленным сердцебитом, но не одним из любимчиков Дарклинга.

– Невский прав, – сказал принц, кивая на рассерженного солдата. – Гриши или нет, но они должны быть преданы королю. Они бросили свои посты. По факту, эти ребята – дезертиры.

– Это не делает их предателями.

– Вопрос в том, не шпионы ли они.

– И что будем делать?

– Можно арестовать их и допросить.

Я задумчиво потеряла рукав.

– Ну, скажи хоть что-нибудь, – поторопил меня Николай.

– Разве мы не хотим, чтобы гриши вернулись? Если мы будем арестовывать каждого, кто к нам придет, вряд ли я смогу собрать свою армию.

– Помни, ты будешь есть вместе с ними, трудиться, спать под одной крышей.

– И все они могут работать на Дарклинга, – я оглянулась через плечо на Федора, терпеливо дожидавшегося у ворот. – Что думаешь?

– Думаю, что эти гриши заслуживают доверия не больше и не меньше, чем те, которые ждут нас в Малом дворце.

– Звучит не слишком обнадеживающе.

– Как только мы окажемся в стенах дворца, общение с внешним миром будет взято под строгий контроль. Дарклинг не сможет связаться со своими шпионами и получать сведения от них.

Я подавила желание почесать шрамы на плече и сделала глубокий вдох.

– Ладно. Открывайте ворота. Я поговорю с Федором один на один. Остальные могут разбить лагерь неподалеку от дачи и присоединиться к нашей процессии в Ос Альту.

– Уверена?

– Не думаю, что могу хоть в чем-то быть уверенной, но моя армия нуждается в солдатах.

– Очень хорошо, – кивнул Николай. – Просто тщательно выбирай людей, которым можно доверять.

Я многозначительно покосилась на него.

– Непременно.

ГЛАВА 12

Мы с Федором проговорили до глубокой ночи, но нас ни на секунду не оставляли одних. Рядом всегда стояли и приглядывали Мал, Толя или Тамара.

Федор служил неподалеку от Сикурска, на юго-восточной границе. Когда новость о разрушении Новокрибирска дошла до аванпоста, солдаты короля восстали против гришей. Они вытаскивали их из кроватей посреди ночи и устраивали суды чести, чтобы определить, кому те верны. Федор организовал и возглавил побег.

– Мы могли перебить их всех, – сказал он. – Но вместо этого забрали наших раненых и сбежали.

Некоторые гриши не были столь великодушными. Когда солдаты попытались напасть на членов Второй армии, в Черности и Уленске случилась настоящая кровавая бойня. Тем временем мы с Малом прохладжались на борту «Ферхадера» и плыли на запад, подальше от опасностей и хаоса, в котором мы были отчасти повинны.

– Пару недель назад, – продолжил Федор, – пошли слухи, что ты возвращаешься в Равку. Не удивляйся, если тебя будут искать и другие гриши.

– Сколько?

– Кто знает...

Как и Николай, Федор полагал, что некоторые гриши ушли в подполье, ожидая восстановления порядка. Но он подозревал, что большинство все же отправилось на поиски Дарклинга.

– Он – воплощение силы. Воплощение защиты. Только это они и понимают.

«Или же считают, что переметнулись на сторону победителя», – мрачно подумала я. Но в то же время понимала, что дело не только в этом. Я на собственной шкуре прочувствовала зов власти Дарклинга. Разве не поэтому пилигримы стекались к лживой святой? Не поэтому Первая армия до сих пор служила слабому и не способному выполнять свой долг королю? Порой легче просто повиноваться.

Когда Федор закончил свой рассказ, я попросила, чтобы ему принесли ужин, и посоветовала ему приготовиться к отправлению в Ос Альту. Мы выступали на рассвете.

– Я не знаю, какой нас ждет прием, – предупредила я.

– Мы будем готовы, *моя повелительница*, – сказал он с поклоном.

Я вздрогнула от этого обращения. В моем сознании звание повелителя все еще принадлежало Дарклингу.

– Федор... – начала я, провожая его к двери. Но вдруг замаялась. Трудно поверить в то, что я собиралась сказать, но, похоже, я начинала поддаваться влиянию Николая – а вот было ли это влияние на беду или во благо, вопрос. – Я понимаю, что вы проделали долгий путь, но приведите себя в порядок перед завтрашним днем. Для нас важно произвести хорошее впечатление.

Он даже не моргнул, просто еще раз поклонился и ответил: «Да, *моя повелительница*», прежде чем скрыться в ночи.

«Чудесно, – подумала я. – Один приказ отдала, осталось еще пару тысяч».

* * *

Следующим утром я надела свой расшитый кафтан и спустилась по ступенькам дачи вместе с Малом и близнецами. Золотые солнца сверкали на их груди, но они были по-прежнему

в своей крестьянской одежде. Николаю это может не понравиться, но я хотела стереть границы, которые существовали между гришами и народом Равки.

Хоть нас и предупредили, что Ос Альта переполнена беженцами и паломниками, в кои веки Николай не настаивал, чтобы я ехала в карете. Хотел, чтобы все увидели, как я въезжаю в город. Но это не значило, что он не устроит из этого представление. Я и мои стражи сидели на прекрасных белых лошадях, а люди из его полка ехали по обе стороны от нас, размахивая флагами с двуглавым орлом и золотым солнцем.

– Очень утонченно, как всегда, – со вздохом съязвила я.

– Сдержанность переоценивают, – ответил принц, садясь на серого в яблоках коня. – Ну что, навестим мои пенаты?

Утро выдалось теплым, и наши знамена уныло висели в неподвижном воздухе, пока мы медленно продвигались по Ви к столице. Обычно королевская семья проводила жаркие месяцы в своем летнем дворце у озера. Но Ос Альта была защищена лучше, и они предпочли затаиться за ее знаменитыми двойными стенами.

Пока мы ехали, мои мысли блуждали где-то далеко. Я не выспалась и, хоть и изрядно нервничала, теплая погода, ритмичное покачивание лошади и тихое жужжание насекомых вгоняли меня в сон. Но затем мы достигли вершины холма на окраине города, и я моментально взбодрилась.

Вдалеке показалась Ос Альта – город мечты с белыми острыми шпилями, устремленными в ясное небо. Но между нами и столицей, выстроившись в образцовом боевом порядке, стояли ряд за рядом вооруженные мужчины. Сотни солдат Первой армии, может, даже тысяча – пехотинцы, кавалеристы, офицеры. Солнце блестело на рукоятках их мечей, а за спинами щетинились дула винтовок.

Один из мужчин выехал вперед. На нем был офицерский китель, завешанный медалями, а под ним – самый крупный конь, которого я видывала. На этом жеребце поместились бы два Толи.

Николай наблюдал, как всадник скачет взад-вперед перед рядами, и вздохнул.

– Что ж, похоже, мой брат решил нас поприветствовать.

Мы медленно спустились по склону и остановились перед войском. Несмотря на белых лошадей и яркие знамена, наша процессия из блудных гришей и потрепанных пилигримов уже не казалась такой величественной. Николай вывел своего коня вперед, и его брат поехал ему навстречу.

Мне уже доводилось пару раз видеть Василия Ланцова в Ос Альте. Он был довольно красив, хоть принцу и не повезло унаследовать отцовский подбородок, а его веки так опускались на глаза, что появлялось впечатление, будто ему очень скучно или же он пьян. Но сейчас, похоже, Василий вышел из своего вечного ступора. Он сидел в седле с прямой спиной и буквально излучал надменность и величие. На его фоне Николай выглядел невероятно юным.

Я почувствовала легкий приступ страха. Николай всегда напускал на себя вид человека, который владеет ситуацией. Очень быстро забывалось, что он всего на пару лет старше нас с Малом – юный капитан, мечтающий стать юным королем.

Последний раз он был во дворце семь лет назад, и вряд ли они с Василием виделись после этого. Но встреча обошлась без слез и шумных приветствий. Принцы просто спешили, пожали друг другу руки и коротко обнялись. Василий окинул взглядом нашу свиту и многозначительно посмотрел на меня.

– Так эта девчонка, по твоим заверениям, и есть заклинательница Солнца?

Николай поднял брови. Лучшего вступления для разговора и не придумаешь.

– Это легко доказать.

Он кивнул мне. «Сдержанность переоценивают». Я подняла руки и призвала пылающую волну света, хлынувшую на собравшихся солдат каскадом нарастающего жара. Они вскинули руки и отпрянули, а лошади испуганно заржали. Я потушила свет. Василий присвистнул.

– А ты без дела не сидел, братец.

– Ты себе даже не представляешь насколько, Вася, – любезно ответил Николай. Услышав уменьшительное от своего имени, Василий чопорно поджал губы. – Не ожидал встретить тебя в Ос Альте, – продолжил Николай. – Думал, ты будешь на скачках в Карьеве.

– Я и был. Моя чалая отлично себя показала. Но, услышав о твоём возвращении, я поспешил назад – не мог тебя не встретить.

– Как мило, что ты приехал, несмотря на все хлопоты.

– Возвращение принца – большое событие, – ответил Василий. – Даже младшенького.

Намек был ясен, и мой страх только возрос. Может, Николай недооценил интерес Василия к тому, чтобы сохранить свое право на трон. Даже думать не хотелось, что для нас могут значить другие его возможные ошибки и просчеты.

Но Николай просто улыбнулся. Мне вспомнился его совет: отвечай на оскорбления смехом.

– Мы, младшенькие, научены довольствоваться тем, что имеем, – ответил он. Затем окликнул солдата, стоящего по стойке смирно в одном из рядов. – Сержант Печкин, я помню вас по халмхендской кампании. Я так понимаю, ваша нога уже в порядке, раз вы стоите тут, как каменная глыба.

На лице сержанта проступило удивление, но он почтительно ответил:

– Так точно, *мой царевич*.

– Достаточно просто «ваше превосходительство», сержант. В этой форме я офицер, а не принц. – Губы Василия снова дрогнули. Как и большинство детей из дворянских семей, он формально получил почетное звание и прошел военную службу в уютной офицерской палатке, далеко от линии фронта. Но Николай служил в пехоте. Он заслужил свои медали и звание.

– Так точно, ваше превосходительство, – ответил сержант. – Дает о себе знать только в дождливую погоду.

– Тогда, надо полагать, фьерданцы ежедневно молятся о бурях. Насколько я помню, вы положили конец страданиям многих из них.

– Помнится, вы были заняты тем же, ваше превосходительство. – Солдат улыбнулся.

Я чуть не хмыкнула. Всего парой фраз Николаю удалось отобрать бразды правления у брата. Сегодня, когда солдаты соберутся в тавернах Ос Альты или усядутся за карты в казармах, они будут говорить именно об этом: о принце, запомнившем имя рядового солдата, о принце, сражавшемся с ними плечом к плечу, позабыв о своем богатстве и родословной.

– Брат, – обратился Николай к Василию. – Предлагаю поехать во дворец, чтобы поскорее поприветствовать народ. У меня есть керчийское виски, которое давно пора бы выпить, и я хотел посоветоваться с тобой насчет жеребца, которого приметил в Кеттердаме. Мне сказали, что он – отпрыск Дагреннера, но я в сомнениях.

Василий попытался скрыть свое любопытство, но тщетно.

– Дагреннера? А у них были подтверждающие документы?

– Поехали, и посмотришь.

Все еще с выражением недоверия на лице, Василий обменялся парой слов с одним из командиров и отточенным движением запрыгнул в седло. Братья заняли свои места в начале колонны, и наша процессия снова двинулась в путь.

– Ловко он его, – пробормотал Мал, пока мы проезжали между рядами солдат. – Николай не такой уж и дурак.

– Надеюсь, что нет, – ответила я. – Ради нас обоих.

Когда мы приблизились к столице, я наконец увидела, о чем говорили гости графа Минкова. Вокруг стен вырос палаточный городок, а перед воротами ждала длинная очередь людей. Некоторые спорили со стражниками, наверняка требуя пропустить их. На старых зубчатых стенах стояли вооруженные дозорные – хорошая мера предосторожности для воюющей страны и грозное напоминание людям внизу сохранять порядок.

Естественно, ворота распахнулись перед принцами Равки, и процессия без заминок продолжила движение через толпу.

Многие палатки и фургоны были помечены грубо нарисованными солнцами, и когда мы проезжали через временный лагерь, я услышала уже знакомые крики: «Санкта-Алина!»

Чувствовала я себя невыносимо глупо, но все же взяла себя в руки и помахала людям, решив приложить хоть какие-то усилия. Паломники радостно завопили и замахали в ответ, а многие из них побежали вслед за нами. Но некоторые беженцы молча стояли вдоль дороги, скрестив руки и всем своим видом выражая недоверие или даже враждебность.

«Кого они видят? – гадала я. – Очередного привилегированного гриши, направляющегося в безопасный роскошный дворец на холме, пока они стряпают еду на кострах и спят в тени города, отказывающего им в убежище? Или кого-то похуже? Вруню? Самозванку? Девчонку, которая осмелилась назвать себя живой святой?»

Я почувствовала благодарность, когда мы оказались под защитой городских стен.

Оказавшись внутри, наша процессия поползла еще медленнее. Нижний город был набит до отказа, тротуары полнились людьми, стекающимися на улицу, что сильно мешало нашему продвижению. В витринах магазинов вывесили плакаты с перечнем доступных товаров, и перед каждой дверью выстраивалась длинная очередь. Смерд испражнений и гнилого мусора перебивал все остальные запахи. Мне хотелось прикрыть нос рукавом, но пришлось воздержаться и дышать через рот.

Люди пилились и кричали, но вели себя гораздо спокойнее, чем толпа за воротами.

– Здесь нет пилигримов, – заметила я.

– Их не пускают за городские стены, – пояснила Тамара. – Король объявил Апрата веротступником и изгнал его последователей из Ос Альты.

Апрат был в сговоре с Дарклингом против королевской власти. Даже если с тех пор их союз успел распасться, у короля были причины не доверять священнику и созданному им культу. *«Или тебе, раз уж на то пошло, – напомнила я себе. – Просто тебе хватает глупости являться непрошеной в Большой дворец и надеяться на милосердие».*

Мы пересекли широкий канал и оставили шум и суматоху нижнего города позади. Я отметила про себя, что караульное помещение над мостом значительно укрепили, но когда мы достигли противоположного берега, оказалось, что в верхнем городе ничего не поменялось. Широкие бульвары были безмятежны и безупречны, роскошные дома – в идеальном состоянии. Мы миновали парк, где помпезно разодетые мужчины и женщины прогуливались по ухоженным тропинкам или дышали воздухом в открытых каретах. Дети играли в кóзны под присмотром нянь, один мальчик в соломенной шляпе катался на пони со вплетенными в гриву ленточками, которого вел за поводья слуга в форме.

Все оглянулись, чтобы посмотреть на нас, и начали приветливо поднимать шляпы, перешептываясь, прикрывая рты ладонями, кланяться и приседать в реверансе при виде Василия и Николая. Неужели эти люди действительно чувствовали себя так спокойно и беззаботно, как казалось? Было трудно представить, что они оставались безучастными к опасностям, грозящим Равке, или к сумятице по другую сторону моста, но еще труднее было поверить, что они полагали, что их король сумеет защитить их.

До золотых ворот Большого дворца мы добрались быстрее, чем хотелось бы. При звуке, с которым они закрылись позади нас, мое тело пронзил страх. Когда я в прошлый раз проходила

через эти ворота, я пряталась между декорациями в актерской тележке, в одиночку пытаюсь сбежать от Дарклинга.

«Что, если это ловушка?» – вдруг подумалось мне. Что, если меня не пощадят? Может, Николай никогда и не планировал вверять мне Вторую армию? Что, если они закуют нас с Малом в кандалы и бросят в какой-нибудь сырой застенок?

«Прекрати», – отчитала я себя. – *Ты больше не напуганная девчонка, дрожащая в армейских ботинках. Ты – гриш, заклинательница Солнца. Они нуждаются в тебе. И если ты захочешь, ты сможешь обрушить весь дворец на их головы*». Я выпрямилась и попыталась успокоить свое сердцебиение.

Когда мы доехали до фонтана с двуглавым орлом, Толя помог мне слезть с лошади. Я прищурилась, глядя на Большой дворец, на его сверкающие белые террасы, украшенные многорядным золотым орнаментом и скульптурами. Все такой же уродливый и отталкивающий, каким я его помнила.

Василий передал поводья своего жеребца подбежавшему слуге и, не оглядываясь, начал подниматься по мраморным ступенькам.

Николай расправил плечи.

– Молчите и постарайтесь выглядеть раскаявшимися, – пробормотал он нам, после чего поспешил к лестнице вслед за братом.

Мал побледнел. Я вытерла вспотевшие ладони о кафтан, и мы двинулись за принцами, оставив нашу свиту позади.

В коридорах дворца не раздавалось ни звука, пока мы переходили из одной сверкающей роскошью комнаты в другую. У дверей в тронный зал Николай сделал глубокий вдох. Мундир сидел на нем безукоризненно, красивое лицо приобрело черты сказочного принца. Внезапно я заскучала по сломанному носу Штурмхонда и его болотного оттенка глазам.

Двери распахнулись, и лакей доложил:

– Принц Василий Ланцов и великий князь Николай Ланцов!

Николай предупредил, что нас не объявят, но мы все равно должны последовать за братьями. Мы нерешительно повиновались, держась на приличном расстоянии от принцев.

Пол во всю длину комнаты был покрыт бледно-голубым ковром. На краю ковра, вокруг возвышения, стояла группка элегантно одетых придворных и советников. Над всеми ними сидели король и королева Равки на одинаковых золотых тронах.

«Священника нет», – отметила я при приближении. Апрат всегда маячил за спиной у короля, но теперь его место подозрительно пустовало. Похоже, никакого другого духовного наставника на его место не назначили.

Король выглядел куда хуже и слабее, чем при нашей последней встрече. Его узкая грудь будто впала, а длинные усы обелились сединой. Но больше всего изменилась королева. Без Жени, которая кроила ее лицо, она словно постарела лет на двадцать всего за пару месяцев. Ее кожа потеряла нежный цвет и упругость. Вокруг носа и рта начали появляться глубокие морщины, а насыщенный оттенок глаз потускнел до более естественного, но менее захватывающего голубого цвета. Но капля жалости, которую я могла бы к ней испытать, испарилась, едва я вспомнила, как королева обращалась с Женей. Может, если бы она проявила к своей служанке больше доброты, Женя не чувствовала бы надобности переходить на сторону Дарклинга. Столько всего могло бы сложиться по-другому.

Когда мы приблизились к основанию подиума, Николай низко поклонился.

– *Мой царь*, – сказал он. – *Моя царица*.

Долгую напряженную минуту король и королева смотрели вниз на своего сына. А затем, казалось, внутри королевы что-то сломалось. Она вскочила с трона и слетела по ступенькам потоком шелка и жемчуга.

– Николай! – воскликнула женщина, прижимая сына к себе.

– *Матушка*, – принц улыбнулся и обнял ее в ответ.

Придворные начали перешептываться и тихо зааплодировали. Глаза королевы наполнились слезами. Первая настоящая эмоция, которую она когда-либо при мне проявляла.

Король медленно поднялся при помощи лакея, который кинулся к нему и осторожно повел по ступенькам с помоста. Ему и вправду нездоровилось. Я начала понимать, что вопрос о преемственности может возникнуть раньше, чем мы предполагали.

– Подойди, Николай, – сказал король, протягивая руку к сыну. – Подойди ко мне.

Николай подставил отцу локоть для поддержки, в то время как его мать цеплялась за вторую руку, и, даже не взглянув на нас, они вышли из тронного зала. Василий последовал за ними. Его лицо ничего не выражало, но я заметила, как он поджал губы.

Мы с Малом замерли посреди комнаты, не зная, что теперь делать. Очень мило, что королевская семья удалилась, чтобы в приватном порядке пообщаться после воссоединения, но нам-то как теперь быть? Нас не отпускали, но и не просили остаться. Королевские советники изучали нас с нескрываемым любопытством, пока придворные шептались и сплетничали. Я подавила желание съехиться и задрала подбородок в надежде придать себе надменный вид.

Минуты вяло перетекали одна в другую. Я проголодалась, устала, и у меня затекли ноги, но мы все равно не двигались с места. В какой-то момент мне показалось, что из коридора раздаются крики. Может, они спорят о том, как долго заставить нас ждать.

Наконец, по прошествии почти часа, королевская семья вернулась. На лице короля сияла улыбка. Королева же побледнела. Василий был в ярости. Но больше всего изменился Николай. Он выглядел расслабленно и вернул себе расхлябанную походку времен плавания на борту «Волка волн».

«*Они знают*, – догадалась я. – *Он сказал им, что он – Штурмхонд*».

Король и королева вновь уселись на свои места на троне. Василий встал за отцом, а Николай занял место подле матери. Она потянулась за его рукой, и парень опустил ее на плечо королевы. «*Вот как ведет себя мать со своим ребенком*». Я была слишком взрослой, чтобы тосковать по родителям, которых никогда не знала, но этот жест все равно меня тронул.

Моя сентиментальность улетучилась, как только король сказал:

– Ты слишком юна, чтобы руководить Второй армией.

Он даже не обратился ко мне. Я все равно склонила голову.

– Да, *мой царь*.

– Я испытываю искушение немедленно приговорить тебя к смерти, но мой сын считает, что это лишь сделает тебя мученицей в глазах народа.

Я замерла. «*Апарту бы это понравилось*, – подумалось мне, и тело пронзил страх. – *Еще одна веселенькая иллюстрация для красной книжки: Санта-Алина на виселице*».

– Он говорит, что тебе можно доверять, – продолжил король дрожащим голосом. – Я в этом не так уверен. Твой побег от Дарклинга выглядит сомнительной историей, но я не могу отрицать, что Равка нуждается в твоих услугах.

Он произнес это так, будто я была каким-то зрителем или окружным секретарем. «*Кающийся вид*», – напомнила я себе и проглотила едкий ответ.

– Для меня будет большой честью служить равкианскому королю.

Либо король очень любил подхалимство, либо же Николай прекрасно справился, ходатайствуя о моей защите, поскольку король хмыкнул и сказал:

– Очень хорошо. По крайней мере, временно ты станешь командиром гришей.

Неужели все так просто?

– Я... благодарю вас, *мой царь*, – запнулась я, испытывая одновременно недоумение и признательность.

– Но учти, – продолжил он, помахав передо мной пальцем. – Если я обнаружу хоть одно доказательство, что ты строишь против меня заговор или поддерживаешь контакт с отступ-

ником, я повешу тебя, не дожидаясь суда. – Его голос поднялся до жалобного визга. – Люди называют тебя святой, но для меня ты просто очередная оборванка и беженка. Все поняла?

«*Очередная оборванка и беженка, и единственная надежда на то, что ты сохранишь свой сверкающий трон*», – подумала я с неожиданным приливом ярости, но затем подавила гордыню и поклонилась так низко, как только смогла. Вот как чувствовал себя Дарклинг? Вынужденным пресмыкаться перед развратным глупцом?

Король неопределенно махнул рукой с вздувшимися голубыми венами. Мы свободны. Я покосилась на Мала.

Николай прочистил горло.

– Отец, мы еще не обсудили следопыта.

– Гм? – Король резко поднял голову, словно очнулся от дремы. – Следо...? Ах да. – Он направил взгляд своих слезящихся глаз на Мала и ответил скучающим тоном: – Ты дезертировал с поста и нарушил прямой приказ командира. За подобное преступление отправляют на виселицу.

Я резко втянула воздух. Мал словно окаменел. В голову прокралась мерзкая мысль: если Николай хотел избавиться от Мала, то сейчас перед ним определенно открывались все дороги.

От толпы вокруг помоста исходил возбужденный ропот. Во что я нас втянула? Я открыла рот, но не успела сказать ни слова, так как в разговор вступил Николай.

– *Мой царь*, – смиренно обратился он, – прошу прощения, что вмешиваюсь, но следопыт действительно помог заклинательнице сбежать. Если бы не он, ее бы несомненно схватил враг короны.

– *Если* она действительно была в опасности.

– Я лично видел, как он противостоял Дарклингу. Он верный друг, и я считаю, что он действовал в интересах Равки. – Король выпятил нижнюю губу, но принц не отступал: – Я буду чувствовать себя спокойней, если он останется в Малом дворце.

Король нахмурился. «*Наверное, уже мечтает об обеде и сне*», – подумала я.

– Что ты можешь сказать в свою защиту, мальчишка? – спросил он.

– Только то, что я поступил так, как считал нужным, – спокойно ответил Мал.

– Мой сын думает, что у тебя была достойная причина.

– Полагаю, каждый человек думает, что у него есть достойная причина. Но это не отменяет того, что я дезертировал.

Брови Николая взметнулись ко лбу, а я едва удержалась, чтобы не встряхнуть Мала за плечи. Неужели нельзя хоть раз не быть таким суровым и прямолинейным?

Король еще больше нахмурился. Мы ждали.

– Хорошо, – наконец кивнул он. – Какой вред от еще одной гадюки в гнезде? Ты будешь разжалован с позором.

– С позором?! – выпалила я.

Мал только поклонился.

– Благодарю, *мой царь*.

Король лениво помахал рукой и раздраженно сказал:

– Вы свободны.

Я боролась с искушением остаться и оспорить его решение, но Николай прожигал меня предупредительным взглядом, а Мал уже шел к выходу. Мне пришлось поспешить вдогонку по голубому ковру.

Как только мы покинули тронный зал и двери за нами закрылись, я сказала:

– Мы обсудим это с Николаем. Заставим его изменить решение короля.

Мал даже не остановился.

– Нет смысла. Я знал, что так будет.

Несмотря на его слова, часть него, судя по поникшим плечам, все же питала надежды. Мне хотелось схватить его за руку, остановить, выразить сочувствие, сказать, что мы придумаем, как все исправить. Но вместо этого я пошла с ним вровень, с трудом поспевая и отмечая пристальные взгляды лакеев в каждом дверном проеме.

Мы прошли обратно по великолепным коридорам дворца и спустились по мраморной лестнице. Федор и его гриши ждали у места, где мы оставили своих лошадей. Они привели себя в порядок, насколько возможно, но их разноцветные кафтаны все равно смотрелись слегка потрепанно. Тамара и Толя стояли в сторонке, брошки с золотым солнцем, которые я им подарила, сверкали на грубых туниках. Я сделала глубокий вдох. Николай выполнил свою задачу. Теперь моя очередь.

ГЛАВА 13

Извилистая белая гравийная дорожка вела нас через территорию дворца, мимо газонов и высоких стен живой изгороди. Толя, обычно невозмутимый и молчаливый, ерзал в седле и недовольно поджимал губы.

– Что-то не так? – поинтересовалась я.

Думала, что ответа не последует, но он произнес:

– От этого места разит слабостью. И мягкотелыми людьми.

Я покосилась на великана.

– По сравнению с тобой мы все мягкотелые, Толя.

Обычно Тамара с легкостью могла развеселить брата, когда тот впадал в уныние, но на сей раз она удивила меня:

– Он прав. Такое впечатление, будто это место медленно умирает.

Их слова не добавили мне уверенности. Аудиенция в тронном зале меня взбудоражила, и я все еще испытывала гнев по отношению к королю, хотя, святые тому свидетели, он его заслужил. Мерзкий старикашка, которому нравилось зажимать в углу служанок, не говоря уже о том факте, что он никудышный правитель и угрожал повесить нас с Малом. При воспоминании об этом я снова ощутила укол неприязни.

Когда мы вошли в зеленый туннель, мое сердце забилося быстрее. Деревья окружали нас с обеих сторон, наверху их ветви сплетались в зеленый навес. Когда я была здесь в прошлый раз, они стояли голые.

Мы вышли под яркий солнечный свет. Внизу маячил Малый дворец.

«Я скучала по нему», – вдруг поняла я. Скучала по блестящим золотым куполам, по странным настенным рисункам с изображением разнообразных чудищ – как настоящих, так и выдуманных. Скучала по голубому озеру, мерцающему как кусочек неба, по крошечному островку в центре него, по белым пятнам павильонов заклинателей на берегу. Необыкновенное место. Удивительно, но возвращаться сюда было все равно, что возвращаться домой.

Но не все осталось прежним. По территории расставили вооруженных солдат Первой армии. Я сомневалась, что они смогут противостоять хорошо организованному войску из сердцебитов, шквальных и инфернов, но посыл очевидный: гришам не доверяли.

У лестницы ждала группа слуг в сером, чтобы забрать наших лошадей.

– Готова? – прошептал Мал, помогая мне спешиться.

– Когда меня уже перестанут об этом спрашивать? Я не выгляжу готовой?

– Ты выглядишь так же, как в тот раз, когда я подкинул головастика тебе в суп, и ты случайно его проглотила.

Я подавила смех, но почувствовала, как мое беспокойство отступает.

– Спасибо, что напомнил. По-моему, я так и не вернула тебе должок за тот случай.

Я остановилась, чтобы разгладить складки на кафтане и переждать, когда дрожь в ногах утихнет. Затем начала подниматься по ступенькам, и остальные пошли следом. Слуги раскрыли перед нами двери, и мы вошли внутрь. Мы миновали темную прохладную приемную и ступили в зал с золотым куполом.

По своим размерам шестиугольное помещение тянуло на собор. Резные стены были инкрустированы перламутром и венчались огромным золотым куполом, который словно парил над нами на невероятной высоте. В центре зала стояли квадратом четыре стола, здесь нас ждали гриши. Несмотря на то, что их количество значительно уменьшилось, они все равно разделились по орденам, сидя или стоя тесными красными, фиолетовыми или синими группками.

– Любят они свои пестрые цвета, – проворчал Толя.

– Не подавай мне идеи, – прошептала я. – А то я решу, что моя личная стража должна ходить в ярко-желтых панталонах.

Впервые за все время я увидела на его лице выражение, очень напоминавшее страх.

Мы двинулись вперед, и большинство гришей встали. Они были молоды, и с нахлынувшим беспокойством я осознала, что старшие и более опытные гриши решили присоединиться к Дарклингу. Или же им хватило ума просто сбежать.

Я предвидела, что корпориалов осталось мало. Они были самыми высокопоставленными гришами, самыми ценными бойцами и приближенными Дарклинга.

Все же я заметила несколько знакомых лиц. Сергея – одного из немногих сердцебитов, которые предпочли остаться. Мария и Надя стояли среди эфиреалов. Я с удивлением обнаружила Давида, сидевшего, сгорбившись, за столом субстанциалов. Мне было известно, что он не одобрял поступков Дарклинга, но это не остановило его, когда он запечатывал ошейник из рогов оленя на моей шее. Может, поэтому он избегал смотреть мне в глаза. Или же просто мечтал поскорее вернуться в свою мастерскую.

Кресло Дарклинга из черного дерева убрали. Его стол пустовал.

Сергей первым выступил вперед.

– Алина Старкова, – сухо произнес он. – Рад снова приветствовать тебя в Малом дворце.

Я отметила, что он не поклонился.

Напряжение усиливалось и пульсировало в зале, как живое существо. Часть меня хотела его уничтожить. Я могла улыбнуться, рассмеяться, обнять Марию и Надю. Хотя я всегда чувствовала себя здесь не к месту, но я достойно исполняла свою роль. Будет приятно вновь сделать вид, что я – одна из них. Но в голове всплыло предупреждение Николая, и я сдержалась. «Слабость – это маска».

– Спасибо, Сергей, – ответила я, подчеркнуто неформально. – Я рада быть здесь.

– До нас доходили слухи о твоём возвращении, – сказал он. – Но также поговаривали и о твоей смерти.

– Как видишь, я жива и здорова, насколько это возможно после недель путешествия по Ви.

– Говорят, ты прибыла в компании младшего сына короля.

Вот оно. Первый вызов.

– Верно, – произнесла я приветливым тоном. – Он помог мне в битве с Дарклингом.

Вздых пробежал по комнате.

– В Каньоне? – смутившись, уточнил Сергей.

– В Истиноморе, – исправила я. Собравшиеся зашептались. Я подняла руку, и, к моему облегчению, все умолкли. «Заставь их исполнять мелкие приказы, и они будут повиноваться крупным». У меня накопилось много историй и информации, которой я хотела бы поделиться. Но это может подождать. Я вернулась в Ос Альту с определенной целью.

– Люди поговаривают о свадьбе, – сказал Сергей.

Что ж, Николай будет в восторге.

– Я вернулась не для того, чтобы стать невестой. Есть лишь одна причина. – Не совсем правда, но мне не хотелось обсуждать третий усилитель в зале, набитом гришами, в преданности которых я сомневалась. Сделала глубокий вдох. Момент настал. – Я вернулась, чтобы возглавить Вторую армию.

Все заговорили одновременно. Кто-то вскрикнул радостно, кто-то сердито. Сергей переглянулся с Марией. Когда стало тише, он сказал:

– Мы ожидали чего-то подобного.

– Король дал согласие на то, чтобы я приняла командование.

«Временно», – подумала я, но опустила эту информацию. Поднялась новая волна восклицаний и разговоров.

Сергей прочистил горло.

– Алина, ты – заклинательница Солнца, и мы рады твоему возвращению в целостности и сохранности, но у тебя нет нужной подготовки, чтобы вести военную кампанию.

– С подготовкой или без, но у меня есть благословение короля.

– Тогда мы будем ходатайствовать перед королем. Корпорялы – самые высокопоставленные гриши, и именно мы должны возглавить Вторую армию.

– Говори за себя, кровопускатель.

Как только я услышала этот бархатный голос, то сразу же узнала, кому он принадлежит, но мое сердце все равно подскочило при виде копны волос цвета воронова крыла. Зоя вышла из толпы эфиреалов, ее гибкое тело обтягивал синий тонкий шелк, оттенявший ее сапфировые глаза с возмутительно длинными ресницами.

Мне потребовались все силы, чтобы не оглянуться посмотреть на реакцию Мала. Зоя – гриш, которая сделала все возможное, чтобы превратить мою жизнь в Малом дворце в ад. Она глумилась надо мной, распускала обо мне слухи и даже сломала два моих ребра. Но она также была девушкой, которая привлекла внимание Мала много месяцев назад в Крибирске. Я не знала, что между ними произошло, но сомневалась, что они просто мило поболтали.

– Я говорю от имени всех эфиреалов, – объявила Зоя. – И мы последуем за заклинательницей Солнца.

Я с трудом не выдала своего удивления. Зоя – последний человек, от которого я ожидала поддержки. Какую игру она вела?

– Не от имени всех, – слабо пропищала Мария. Я знала, что подобного стоило ожидать, но все равно почувствовала обиду.

Зоя презрительно рассмеялась.

– Да, Мария, мы знаем, что ты поддерживаешь Сергея во всех его начинаниях. Но это тебе не ночное свидание в бане. Мы говорим о будущем гришей и всей Равки.

Слова Зои были встречены хихиканьем, и Мария залилась яркой краской.

– Довольно, Зоя! – рявкнул Сергей.

Вперед вышел эфиреал, которого я не узнала. У него была темная кожа и светлый шрам на левой скуле. Его вышивка говорила о том, что он – инферн.

– Мария права. Ты не можешь говорить за нас всех, Зоя. Я бы предпочел увидеть во главе Второй армии эфиреала, но точно не ее. – Он ткнул в меня пальцем с обвиняющим видом. – Она даже не росла в Малом дворце!

– Верно! – поддакнул корпорял. – Она была гришом меньше года!

– Гришами рождаются, а не становятся, – прорычал Толя.

«Ну конечно, – подумала я, мысленно вздохнув. – Теперь он решил подать голос».

– А ты кто такой? – спросил Сергей, проявляя свойственное ему высокомерие.

Толя схватился за свой изогнутый меч.

– Я – Толя Юл-Батар. Я вырос вдали от этого трупного дворца и с радостью докажу, что могу остановить твое сердце.

– Ты – гриш? – недоверчиво поинтересовался Сергей.

– Такой же, как ты, – ответила Тамара, сверкнув золотистыми глазами.

– А ты? – спросил Сергей у Мала.

– Я просто солдат, – сказал тот, становясь рядом со мной. – Ее солдат.

– Как и мы, – вставил Федор. – Мы вернулись в Ос Альту, чтобы служить заклинательнице Солнца, а не какому-то позеру.

Еще один корпорял поднялся на ноги.

– Ты просто очередной трус, который сбежал, когда Дарклинг потерпел поражение. У тебя нет права приходить сюда и оскорблять нас.

– А что насчет нее? – подал голос шквальный. – Откуда нам знать, что она не работает с Дарклингом? Это ведь с ее помощью он уничтожил Новокрибирск!

– И она делила с ним постель! – выкрикнул кто-то еще.

«Никогда не отрицай», – отозвался голос Николая в моей голове.

– Что именно тебя связывает с Николаем Ланцовым? – требовательно спросил фабриктор.

– И что связывало с Дарклингом? – визгливо любопытствовал кто-то.

– Разве это имеет какое-то значение? – холодно ответила я, чувствуя, что начинаю терять терпение.

– Разумеется, – кивнул Сергей. – Как мы можем тебе доверять?

– Вы не имеете права сомневаться в ней! – крикнул один из заклинателей.

– Почему? – парировал целитель. – Потому что она живая святая?

– Так отправьте ее в церковь, где ей и место! – крикнул кто-то. – Пусть выметается со своим сбродом из Малого дворца!

Толя потянулся за мечом. Тамара и Сергей вскинули руки. Я увидела, как Мария достала кремьень, и почувствовала, как ветер заклинателей взметнул полы моего кафтана. Мне казалось, что я готова к встрече с ними, но поток гнева, охвативший меня, стал неожиданностью. Рана на плече запульсировала, и что-то внутри меня вырвалось на свободу.

Я посмотрела на скалящееся лицо Сергея, и моя сила откликнулась на зов с ясной и жестокой целью. Подняла руку. Раз им нужен урок, я его преподам. Могут и дальше спорить над ошметками тела Сергея. Моя рука взметнулась в воздухе дугой, направленной в его сторону. Свет стал клинком, отточенным моей яростью.

В последнюю секунду в клокочущей завесе ярости мелькнул проблеск здравомыслия. «*Нем!*» – в ужасе подумала я, осознав, что чуть не сделала. Я была не в себе от страха. Я взмахнула рукой и метнула разрез вверх.

Комнату сотряс громоподобный треск. Гриши закричали и попятнулись, прижимаясь к стенам.

Из зубчатой трещины над нами полился дневной свет. Я расколола золотой купол как гигантское яйцо.

Наступила глубокая тишина. Каждый гриш повернулся, чтобы посмотреть на меня с ужасом и недоверием. Я сглотнула, сама опешив от своих действий и испугавшись того, что чуть было не случилось. Вспомнила совет Николая и укутала свое сердце в сталь. Они не должны видеть мой страх.

– Думаете, Дарклинг могущественен? – спросила я, поразившись ледяной твердости своего голоса. – Вы понятия не имеете, на что он способен. Только я видела всю мощь его силы. И только я бросила ему вызов и выжила после этого.

Мой голос звучал незнакомо даже для моих собственных ушей, но я чувствовала вибрацию силы внутри себя и продолжила. Медленно повернулась, встречая каждый изумленный взгляд:

– Мне плевать, считаете ли вы меня святой, идиоткой или подстилкой Дарклинга. Хотите остаться в Малом дворце – следуйте за мной. А если вам это не по душе – убирайтесь этим же вечером, иначе я прикажу вас заковать. Я – солдат. Я – заклинательница Солнца. И я – ваша единственная надежда.

Я прошла через весь зал и распахнула двери в комнату Дарклинга, мысленно обрадовавшись, что они не оказались закрыты.

Вслепую прошла по коридору, не зная, куда иду, но спеша убраться подальше от купольного зала прежде, чем кто-то заметит, как меня трясет.

К счастью, коридор привел в комнату военного совета. Мал вошел следом за мной, и, пока он закрывал дверь, я увидела, как Толя и Тамара занимают свои посты. Федор и остальные,

должно быть, остались в зале. Оставалось надеяться, что они придумают способ, как помириться с остальными гришами. Или же они просто перебьют друг друга.

Я шагала взад-вперед перед древней картой Равки, развернутой вдоль всей стены.

Мал прочистил горло.

– Думаю, все прошло отлично.

С моих губ сорвался истеричный смешок.

– Если только, конечно, ты не планировала обрушить на наши головы потолок. Тогда, наверное, это лишь частичный успех.

Я начала кусать большой палец и продолжила мерять шагами комнату.

– Мне нужно было привлечь их внимание к себе.

– Значит, это вышло специально?

«Я чуть не убила человека. Мне хотелось его убить. Выбор был между куполом и Сергеем, а Сергея залатать было бы куда сложнее».

– Не совсем, – призналась я.

Внезапно меня покинули все силы. Я рухнула в кресло у длинного стола, схватилась за голову и застонала.

– Они все уйдут.

– Может быть, – ответил Мал, – но я в этом сомневаюсь.

Я закрыла лицо руками.

– Кого я обманываю? Мне не хватит умений. Все это кажется дурной шуткой.

– Я не слышал, чтобы кто-то смеялся. Для человека, который понятия не имеет, что делает, ты неплохо справляешься.

Я глянула на него. Парень прислонился к столу со скрещенными руками, и на его губах играла слабая улыбка.

– Мал, я проделала дыру в потолке!

– Очень драматичную дыру.

Я фыркнула, и это прозвучало как смесь всхлипа и смешка.

– И что мы будем делать, когда пойдет дождь?

– То же, что и всегда. Сохнуть.

Кто-то постучал в дверь, и внутрь заглянула Тамара.

– Одна из служанок хочет знать, будешь ли ты ночевать в покоях Дарклинга.

Придется, хотя мне этого и не хотелось. Я потерла лицо и с трудом поднялась с кресла. Я пробыла в Малом дворце меньше часа и уже выбилась из сил.

– Что ж, давайте их осмотрим.

Покои Дарклинга находились чуть дальше военной комнаты. Служанка в угольно-черной форме проводила нас в большую и довольно официальную гостиную, меблированную длинным столом и несколькими неудобными на вид креслами. В каждой стене виднелись распашные двери.

– Эти ведут к выходу из Малого дворца, моя правительница, – сказала служанка, указывая вправо. Затем показала на двери слева: – Эти – в покои стражей.

Что находилось за дверьми напротив, было и так понятно. Они тянулись от пола до потолка, и их черная древесина была украшена резным символом Дарклинга – солнцем в затмении.

Я не была готова войти туда, так что повернулась к покоям стражей и заглянула внутрь. Их гостиная выглядела гораздо уютнее. Там стоял круглый стол для игры в карты, и у маленькой плиточной печи, которая согревала зимой, было расставлено несколько мягких кресел. Через другую дверь я увидела ряды коек.

– Видимо, у Дарклинга было больше стражников, – заметила Тамара.

– Намного больше, – ответила я.

– Мы можем привести и других.

– Я думал об этом, – подал голос Мал. – Но не знаю, насколько это необходимо и кому мы можем доверять.

С этим не поспоришь. В какой-то мере я доверяла Толе и Тамаре, но Мал единственный, в ком я была полностью уверена.

– Может, стоит призвать кого-то из паломников, – предложила Тамара. – Некоторые из них бывшие военные. Среди них наверняка должны быть хорошие бойцы, и они определенно готовы отдать за тебя жизнь.

– Ни за что, – ответила я. – Если король услышит хоть шепот о Санта-Алине, мне на шею тут же наденут петлю. Кроме того, я не горю желанием вверять свою жизнь в руки людей, которые думают, что я могу восставать из мертвых.

– Справимся своими силами, – кивнул Мал.

– Хорошо. И еще... вы не могли бы попросить кого-то починить купол?

Лица близнецов расплылись в улыбках.

– Может, оставим его таким на пару дней?

– Нет, – рассмеялась я. – Не хочу, чтобы на нас рухнула крыша. Поговорите с фабриками. Они должны знать, что делать. – Я провела пальцем по бугристой линии, идущей вдоль моей ладони, и добавила: – Но проследите, чтобы они не перестарались.

Шрамы служили хорошим напоминанием.

Я вернулась в главную гостиную и обратилась к служанке, переминающейся у двери:

– Сегодня мы отужинаем здесь. Не могли бы вы распорядиться насчет подносов?

Девушка подняла брови, после чего откланялась и убежала. Я скривилась. Мне положено командовать, а не просить.

Я оставила Мала с близнецами, чтобы обсудить порядок смен, и подошла к черным дверям. Ручки были сделаны в виде двух серпов луны из чего-то, что напоминало кость. Когда я взялась за них и потянула вниз, петли не издали ни скрипа. Двери бесшумно открылись.

Служанка зажгла свечи в покоях Дарклинга. Я осмотрела комнату и выдохнула. А чего я ждала? Подземелья? Ямы? Подтверждения, что Дарклинг спал подвешенным на дереве?

Комната была шестиугольной, стены из темного дерева покрыты резьбой, изображающей лес, полный тонких деревьев. Над огромной кроватью с балдахином высился куполообразный потолок, сделанный из гладкого черного обсидиана и усыпанный перламутровыми вставками, которые формировали созвездия. Необычная спальня и определенно роскошная, но все же просто спальня.

Полки пустовали без книг. На столе и комоде ничего не было. Все его имущество вынесли – наверное, чтобы сжечь или измельчить на мелкие кусочки. Полагаю, стоит порадоваться, что король не снес весь Малый дворец.

Я подошла к кровати и провела рукой по прохладной ткани подушки. Приятно знать, что в нем все же было что-то человеческое – что по ночам он тоже отдыхал, как все остальные. Но могла ли я спать в его кровати, под его крышей?

Вздвигнув, я осознала, что в комнате пахнет им. Раньше я не замечала, что у него есть определенный запах. Закрывает глаза и глубоко вдохнула. Что это? Морозная свежесть зимнего ветра. Голые ветки. Аромат отсутствия, аромат ночи.

Рана на плече запульсировала, и я открыла глаза. Двери в комнату оказались заперты. Я не слышала, как их закрывали.

– Алина.

Резко обернулась. По другую сторону кровати стоял Дарклинг.

Я прикрыла рот рукой, чтобы сдержать крик.

«Это иллюзия, – мысленно убеждала себя. – Просто очередная галлюцинация. Как в Каньоне».

– Моя Алина, – ласково произнес он. Его лицо было прекрасным, не исполосованным шрамами. Идеальным.

«Я не стану кричать. Это все не по-настоящему, и когда ребята прибегут на мой крик, то ничего не увидят».

Он медленно обошел кровать. Его шаги не издавали ни звука.

Я закрыла глаза, прижала к ним ладони, сосчитала до трех. Но, открыв их, все равно увидела перед собой Дарклинга. *«Я не стану кричать».*

Сделала шаг назад и врезалась спиной в стену. Из горла вырвался сдавленный звук.

«Я не стану кричать».

Парень протянул руку. *«Он не может меня коснуться, – заверяла себя я. – Его рука просто пройдет через меня, как через привидение. Это все не взаправду».*

– Тебе не убежать от меня, – прошептал он.

Его пальцы задели мою щеку. Твердые. Настоящие. Я *ощутила* их.

Меня пронзил животный страх. Я вскинула руки, и свет залил комнату ослепительной волной, мерцающей от жара. Дарклинг исчез.

Из комнаты снаружи донеслись шаги. Двери резко распахнулись. Мал и близнецы ворвались внутрь, держа оружие наготове.

– Что случилось? – спросила Тамара, осматривая пустую комнату.

– Ничего, – с трудом выдавила я, надеясь, что мой голос звучал нормально. Затем спрятала руки в складки кафтана, чтобы скрыть дрожь. – А что?

– Мы увидели свет и...

– Просто тут мрачновато. Все такое черное...

Они смотрели на меня несколько мгновений. Затем Тамара огляделась.

– Действительно, мрачно. Подумай о небольшом ремонте.

– Это определено в списке моих планов.

Близнецы еще раз осмотрели комнату и направились к двери. Толя уже начал бормотать сестре что-то об ужине. Мал в ожидании замер в двери.

– Тебя трясет, – заметил он.

Я знала, что на сей раз он не потребует объяснений. Он и не должен. Я обязана рассказывать ему правду без всяких просьб. Но что тут скажешь? Что у меня видения? Что я схожу с ума? Что мы никогда не будем в безопасности, как бы далеко ни убежали? Что я такая же сломанная, как золотой купол, но только в меня вливается нечто похуже, чем солнечный свет?

Я промолчала.

Мал покачал головой и просто ушел.

Я замерла посреди пустой спальни Дарклинга.

«Позови его, – подумала в отчаянии. – Скажи что-нибудь. Расскажи ему все».

Мал стоял всего в паре шагов, по другую сторону стены. Я могла позвать его по имени, вернуть обратно и все рассказать – о том, что случилось в Каньоне, что я чуть не сотворила с Сергеем, что увидела пару минут назад. Я открыла рот, но в голову снова и снова приходили те же слова.

«Я не стану кричать. Я не стану кричать. Я не стану кричать».

ГЛАВА 14

На следующий день я проснулась от чьих-то сердитых голосов. На секунду растерялась, не понимая, где я. Царила почти крошечная тьма, нарушаемая лишь тонкой полосой света из-под двери.

Затем реальность вернулась. Я села и попыталась нащупать лампу на тумбочке. Зажгла огонь и изучила чернильный шелковый балдахин, аспидный пол, резные стены из черного дерева. Мне действительно не мешает внести изменения в декор. Эта комната слишком мрачная, чтобы в ней просыпаться. Было странно думать, что я провела ночь в покоях Дарклинга, в его кровати. Что я видела его в этой самой комнате.

«Хватит об этом». Я откинула одеяло и свесила ноги с кровати. Не знала, было ли видение плодом моего воображения или реальной попыткой Дарклинга мною манипулировать, но этому все равно должно быть объяснение. Возможно, укус нечистой силы чем-то заразил меня. Если дело в этом, тогда нужно просто найти способ вылечиться. Или же эффект сам пройдет со временем.

Ругань за моей дверью зазвучала громче. Я узнала голос Сергея и рычание Толи. Накинула расшитый пеньюар, оставленный у изножья кровати, проверила, прикрыта ли окова на моем запястье, и поспешила в гостиную.

Я чудом не врезалась в близнецов. Толя и Тамара стояли плечом к плечу, не давая группе сердитых гришей пройти в мою комнату. Толя скрестил руки, а Тамара мотала головой, пока Сергей и Федор громко приводили свои аргументы. Я огорчилась, увидев с ними Зою в компании темнокожего инферна, который бросил мне вчера вызов. Казалось, все говорили одновременно.

– Что происходит? – спросила я.

Как только Сергей увидел меня, он шагнул вперед, сжимая в руке листок бумаги. Тамара попыталась встать у него на пути, но я отстранила ее.

– Все нормально. В чем проблема? – поинтересовалась я, хоть и догадывалась об ответе. Узнала свой почерк и остатки печати с золотым солнцем, подаренной Николаем, на бумаге, которой Сергей тряс у меня перед носом.

– Это недопустимо! – фыркнул он.

Прошлым вечером я передала просьбу, что хочу созвать военный совет. Каждый Орден должен выбрать двух представителей. Я с удовольствием отметила, что они выбрали не только Сергея, но и Федора, хотя мое доброе расположение духа частично было испорчено, когда старший из гришей встрял в разговор.

– Он прав, – сказал Федор. – Корпоралы – первая линия обороны гришей. Мы самые опытные в военном деле и должны быть представлены соответствующе.

– Мы столь же ценны для военных действий, – объявила Зоя, порозовев в щеках. Даже в гневе она выглядела потрясающе. Я подозревала, что эфиреалы выберут ее в качестве своего представителя, но определенно не была этим довольна. – Если в совете будет три корпорала, то и заклинателей должно быть три.

Все снова закричали. Я заметила, что субстанциалы не явились пожаловаться. Будучи самым низким Орденом гришей, они, наверное, просто радовались, что о них не забыли. Или же слишком увлеклись своей работой, чтобы тратить на это время.

Я еще толком не проснулась. Мне хотелось завтракать, а не ссориться. Но я также понимала, что этот спор нельзя откладывать на потом. Я собиралась изменить порядок вещей, и им пора узнать, насколько кардинально, пока мои усилия не обернулись прахом, не успев возыметь действие.

Я подняла руку, и все мгновенно притихли. Мне определенно удалось добиться желаемого эффекта вчерашним трюком. Может, они боялись, что я испорчу еще один потолок.

– От каждого Ордена будет по два гриша. Не больше и не меньше.

– Но... – начал Сергей.

– Дарклинг изменился. Если мы надеемся одолеть его, то тоже должны измениться. Два гриша от каждого Ордена, – повторила я. – И мы больше не будем сидеть по отдельности. Вы будете сидеть вместе, есть вместе и сражаться вместе.

По крайней мере, мне удалось заткнуть их. Гриши просто устали на меня, широко разинув рты.

– И на этой неделе фабрикатеры начнут боевую подготовку, – закончила я.

Посмотрела на их искаженные ужасом лица. Все выглядели так, будто я заявила, что отправлюсь в бой голой. Субстанциалы не считались воинами, так что никто не учил их драться. Мне это казалось упущенной возможностью. «Используй кого или что угодно из доступных средств».

– Вижу, вы вне себя от счастья, – вздохнула я.

Отчаянно нуждаясь в глотке чая, я подошла к столику, на котором стоял поднос с сервированными блюдами. Подняла одну из крышек – ржаной хлеб и селедка. Не самое удачное начало дня.

– Но... так было *всегда*! – взвизгнул Сергей.

– Нельзя просто взять и откинуть сотни лет традиций, – возразил инферн.

– Вы всерьез собрались спорить и об этом? – раздраженно поинтересовалась я. – Мы воюем с древней, запредельной силой, а вы ругаетесь из-за того, кто с кем будет сидеть за обедом?

– Суть не в этом, – подала голос Зоя. – Существует определенный порядок вещей, которому мы следуем...

Они снова начали пререкаться – о традициях, о порядке вещей, о необходимости системы и чтобы люди знали свое место.

Я опустила крышку на блюдо с громким лязгом.

– Вот как будет дальше, – начала я, быстро теряя терпение. – Больше никакого снобизма корпоративов. Никаких группировок эфиралов. И никакой селедки.

Зоя открыла было рот, но вовремя образумилась.

– Теперь идите, – рявкнула я. – Дайте хоть позавтракать в тишине.

На секунду все просто замерли. Затем Тамара с Толей шагнули вперед, и, к моему нескончаемому изумлению, гриши повиновались. Зоя выглядела недовольной, а на лице Сергея играла буря эмоций, но они все покорно поплелись из комнаты.

Через секунду после их ухода в дверь протиснулся Николай, и я догадалась, что он подслушивал наш разговор в коридоре.

– Хорошая работа, – похвалил он. – Сегодняшний день навсегда запомнят как дату Великого запрета на селедку. – Вошел внутрь и закрыл за собой дверь. – Но вот говорить с ними могла бы и помягче.

– Я не обладаю твоим даром «довольного и надменного», – сказала я, садясь за стол и впиваясь в булочку. – А вот «ворчливая» – это моя фишка.

Ко мне кинулась служанка, чтобы налить чай из самовара. Он был блаженно горячим, и я добавила сахар. Николай бесцеремонно уселся на соседний стул.

– Ты и вправду не собираешься ее есть? – спросил он, накладывая сельдь себе в тарелку.

– Гадость, – лаконично ответила я.

Принц взял большой кусок.

– Нельзя выжить в море, если не перевариваешь рыбу.

– Не играй со мной в бедного матроса. Я ела на твоём корабле, помнишь? Повар Штурмхонда не подавал солёную треску и сухари.

Парень скорбно вздохнул.

– Жаль, что я не смог взять Бургоса с собой. Придворные повара, похоже, считают, что, если блюдо не плавает в масле, это не блюдо.

– Только принц может жаловаться на переизбыток масла.

– Гм, – задумался он, похлопывая себя по плоскому животу. – Может, королевское пузо прибавит мне важности?

Я рассмеялась и чуть не подпрыгнула, когда дверь внезапно отворилась и внутрь прошёл Мал. Увидев Николая, он резко остановился.

– Не знал, что вы трапезничаете в Малом дворце, *мой царевич*. – Он холодно поклонился Николаю, а затем и мне.

– Необязательно это делать, – сказала я.

– Обязательно, – возразил Николай.

– Ты слышала нашего Идеального принца, – Мал присоединился к нам за столом.

Тот просиял.

– У меня много кличек, но эта самая подходящая.

– Не знала, что ты уже проснулся, – обратилась я к Малу.

– Давно. Бродил по округе, искал, чем бы заняться.

– Отлично! – воскликнул Николай. – Я пришёл к вам с приглашением.

– На бал? – поинтересовался Мал, стащив остатки булочки с моей тарелки. – Надеюсь, что да.

– Уверен, ты превосходно танцуешь вальс, но нет. В лесу рядом с Балакиревым заметили вепря. Завтра наши люди отправляются на охоту, и я бы хотел, чтобы ты тоже поехал.

– Что, у его высочества туго с друзьями?

– И щедро с врагами, – ответил Николай. – Но я не поеду. Родители пока не готовы отпускать меня. Я говорил с одним из генералов, и он согласился пригласить тебя в качестве своего гостя.

Мал откинулся на спинку стула и скрестил руки.

– Понятно. Значит, я буду шляться по лесу несколько дней, в то время как ты останешься здесь, – сказал он, многозначительно взглянув на меня.

Я заерзала на стуле. Мне не нравился его намек, но следует признать, что это казалось очевидной уловкой. Даже слишком, как для Николая.

– Знаете, для влюблённой парочки, которая планирует умереть в один день, вы чересчур неуверены в себе. На охоту поедут некоторые из самых высокопоставленных чинов Первой армии, включая моего брата. Он заядлый охотник, но я лично убедился, что ты лучший следопыт в Равке.

– Я думал, в мои обязанности входит охранять Алину, а не бегать по округе с кучкой напыщенных придворных.

– Толя и Тамара справятся сами, пока тебя не будет. И это отличная возможность сделать что-то полезное.

«Просто замечательно, – подумала я, увидев, как прищурился Мал. – *Лучшие некуда*».

– А что *полезного* делаете вы, ваше высочество?

– Я – принц. Делать что-то полезное не входит в мои обязанности. Но, – добавил он, – когда я не бездельничаю и не пишу оды своей красоте, то пытаюсь лучше снарядить Первую армию, а также собрать сведения о местоположении Дарклинга. До меня дошли слухи, что он в Сикурзое.

Мы с Малом наострили уши. Сикурзой – это горная местность, идущая вдоль большей части границы между Равкой и Шуханом.

– Думаешь, он на юге? – спросила я.

Николай закинул еще один кусочек сельди себе в рот.

– Это возможно. Я считал более вероятным, что он заключит союз с фьерданцами. Северная граница уязвима. Но в Сикурзое легче спрятаться. Если отчеты достоверны, нам нужно как можно быстрее вступить в союз с шуханцами, чтобы напасть на него с двух фронтов.

– Ты хочешь пойти на него войной? – удивилась я.

– Лучше так, чем ждать, пока он наберется сил и пойдет войной на нас.

– Мне нравится, – признал Мал с восхищением, хоть и неохотно. – Дарклинг такого не ожидает.

Это напомнило мне, что, хоть у Мала и Николая были разногласия, Мал и Штурмхонд почти стали друзьями.

Николай глотнул чаю и сказал:

– До нас также дошли тревожные вести о Первой армии. Похоже, многие солдаты уверовали и дезертировали.

Я нахмурилась.

– Ты же не хочешь сказать...

Принц кивнул.

– Они укрылись в монастырях и присоединились к культу заклинательницы Солнца, который проповедует Апат. Священник утверждает, что ты попала в плен развращенной монархии.

– Глупость какая! – воскликнула я.

– Вообще-то это звучит вполне правдоподобно и складывается в очень приятную историю. Само собой разумеется, отец недоволен. Вчера, в припадке ярости, он удвоил цену за голову Апата.

Я застонала.

– Это плохо.

– Именно, – признал Николай. – Теперь ты понимаешь, почему капитану твоей личной стражи стоило бы наладить связи в Большом дворце. – Он обратил свой пристальный взгляд на Мала. – И так, Оретцев, ты можешь принести пользу. Насколько я помню, ты быстро очаровал мою команду, так что бери свой лук и сыграй роль дипломата вместо ревнивого любовника.

– Я подумаю об этом.

– Хороший мальчик, – похвалил Николай.

«*О, ради всех святых!*» Похоже, принц не знал, как вовремя остановиться.

– Осторожнее, Николай, – тихо произнес Мал. – Принцы истекают кровью так же, как и другие люди.

Николай смахнул невидимую пылинку с рукава.

– Верно. Только делают они это в одежде получше.

– Мал...

Тот встал, и его стул громко царапнул по полу.

– Мне нужно подышать свежим воздухом.

Парень вышел за дверь, позабыв о своих притворных поклонах и соблюдении приличий.

Я швырнула на стол салфетку.

– Ну и зачем ты это сделал?! – сердито поинтересовалась у Николая. – Зачем его провоцировал?

– О чем ты? – поднял он брови, потянувшись за очередной булочкой. Я подумывала проткнуть его ладонь вилкой.

– Перестань давить на него, Николай. Потеряешь Мала – потеряешь и меня.

– Ему пора выучить местные правила. Если он не сможет этого сделать, то станет обузой. Ставки слишком высоки для полумер.

Я вздрогнула и потерла руки.

– Ненавижу, когда ты так делаешь. Говоришь точно, как Дарклинг.

– Если когда-нибудь не сможешь нас различить, ищи человека, который не пытается тебя и не пытается убить Мала. Это буду я.

– Ты так уверен? – огрызнулась я. – Если бы это приблизило тебя к желаемой цели, к трону и шансу спасти Равку, уверен, что сам бы не повел меня по ступенькам на виселицу?

Я ожидала очередного саркастичного ответа, но Николай выглядел так, словно получил удар в живот. Он начал говорить, но затем умолк и покачал головой.

– Святые, – его тон выражал одновременно смущение и отвращение. – Я правда не знаю.

Я сползла по спинке стула. Его признание должно было разъярить меня, но вместо этого я почувствовала, как мой гнев испаряется. Возможно, дело в его откровенности. Или же в том, что я сама боялась того, на что готова пойти.

Некоторое время мы сидели в тишине. Принц почесал затылок и медленно встал. Потом замер у двери.

– Я амбициозен, Алина. Импульсивен. Но я надеюсь... надеюсь, что до сих пор знаю разницу между правильным и неправильным. – Николай помолчал. – Я предложил тебе свободу и не отказываюсь от своих слов. Если завтра ты решишь сбежать в Новый Зем с Малом, я посажу вас на корабль и позволю отплыть в море. – Он задержал мой взгляд, его ореховые глаза выражали уверенность. – Но мне будет очень жаль, если ты уедешь.

Он скрылся в коридоре, его шаги эхом отдавались по каменному полу.

Я сидела некоторое время, размазывая завтрак по тарелке и обдумывая последние слова Николая. Затем встряхнулась. У меня не было времени разгадывать его мотивы. Всего через пару часов начнется собрание военного совета, на котором мы обсудим стратегию и методы защиты против Дарклинга. Мне нужно было серьезно подготовиться, но сперва я хотела нанести визит.

* * *

Застегнув пуговицы в форме солнца на своем сине-золотом кафтане, я в унынии покачала головой. Багра наверняка посмеется над моими новыми притязаниями. Я расчесала волосы, затем выскользнула из Малого дворца через черный ход Дарклинга и направилась через лужайку к озеру.

Служанка, с которой я разговаривала, сказала, что Багра заболела сразу после зимнего праздника и с тех пор перестала брать учеников. Разумеется, я знала правду. В ночь вечеринки Багра поведала мне о планах Дарклинга и помогла сбежать из Малого дворца. Затем она планировала дать мне фору, скрывая мое отсутствие. Мысль о гневе Дарклинга, когда он узнал об обмане, налиwała мой живот свинцом.

Когда я попыталась выудить больше информации из нервной служанки, она присела в неловком реверансе и спешно вылетела из комнаты. Тем не менее, Багра была жива и находилась во дворце. Дарклинг мог уничтожить целый город, но даже он не решился на убийство собственной матери.

Тропа к хижине Багры заросла ежевикой, молодые деревья переплелись, и едко пахло листьями и влажной землей. Я ускорила шаг, удивившись своему нетерпению. Багра была строгим учителем и неприятной женщиной, – и это в лучшие дни – но она пыталась помочь мне, когда другие отказались, и я знала, что она – моя надежда на решение загадки третьего усилителя Морозова.

Я поднялась по трем ступенькам и постучала в дверь хижины. Никто не ответил. Постучала снова и толкнула дверь, кривясь от знакомой волны жара. Багра всегда мерзла, но войти в ее хижину было все равно, что влезть в духовку.

Полутемная комнатка осталась такой же, какой я ее помнила: скудно обставлена только самыми необходимыми предметами, в изразцовой печи горит огонь, и Багра сидит подле нее в своем потускневшем кафтане. Я с удивлением заметила, что она не одна. Рядом сидел слуга – юноша в серой форме. Когда я вошла, он вскочил на ноги, пытаясь рассмотреть меня в полумраке.

– Мы не принимаем посетителей, – сказал он.

– И чей это приказ?

При звуке моего голоса Багра резко подняла голову.

Затем стукнула тростью по полу и скомандовала:

– Уйди, мальчик.

– Но...

– Иди же! – прорычала женщина.

«Как всегда, само обаяние», – настороженно подумала я.

Мальчишка быстро пересек комнату и молча вышел из хижины.

Дверь едва успела закрыться, как Багра сказала:

– А я все гадала, когда же ты вернешься, маленькая святая.

Кто еще, как не она, мог угадать мою самую нелюбимую кличку?

Я уже вспотела и не желала приближаться к огню, но все равно подошла и села в кресло, которое освободил слуга.

При моем приближении женщина повернулась спиной, уставившись в очаг. Сегодня она в поистине скверном настроении. Я проигнорировала ее оскорбительный жест.

Я сидела молча какое-то время, не зная, с чего начать.

– Мне сказали, что вы заболели после моего отъезда.

– Хм.

Мне не хотелось знать, но я все равно спросила:

– Что он с вами сделал?

Багра издала сухой смешок.

– Меньше, чем мог бы. Больше, чем стоило.

– Багра...

– Ты должна была отправиться в Новый Зем и исчезнуть!

– Я пыталась.

– Нет, ты пошла на охоту! – прошипела она, стукнув палкой по полу. – И что нашла? Симпатичное ожерелье, которое будешь носить всю жизнь? Подойди. Хочу увидеть, чем ты нажилась на моих бедах.

Я услужливо наклонилась. Когда она повернулась, я ахнула.

С нашей последней встречи Багра сильно постарела. Ее черные волосы поседели прилично поредели. Острые черты лица размылись. Тонкая линия рта выглядела впалой и обмякшей.

Но я вздрогнула не из-за этого. У Багры больше не было глаз. На их месте зияли две черные дыры, в бездонных глубинах которых мелькали тени.

– Багра, – выдавила я. Протянула ей руку, но женщина отпрянула.

– Избавь меня от своей жалости, девочка.

– Что... что он с вами сделал? – Мой вопрос прозвучал не громче шепота.

Она снова грубо хохотнула.

– Бросил меня во тьме.

Ее голос оставался сильным, но, сидя у огня, я поняла, что это единственное, что в ней осталось неизменным. Багра была стройной и жилистой, с осанкой акробатки. Теперь ее древние руки слегка дрожали, а некогда выносливое тело стало изможденным и хрупким.

– Покажи мне, – приказала она, протянув руки.

Я замерла и позволила ей потрогать мое лицо. Скрюченные пальцы двигались как два белых паука, равнодушно скользнули по влажным следам моих слез и спустились по подбородку к горлу, где и остановились на ошейнике.

– Ах, – выдохнула женщина, обводя грубые кусочки рогов на моей шее, говоря чуть ли не нежностью, с тоской. – Я бы хотела посмотреть на его оленя.

Мне хотелось отвернуться, отвести взгляд от бездонных черных колодцев ее пустых глазниц. Вместо этого я закатала рукав и схватила Багру за руку. Она попыталась вырваться, но я усилила хватку и прижала ее пальцы к оковке на моем запястье. Багра замерла.

– Нет. Не может быть.

Она пощупала края чешуек морского хлыста и прошептала:

– Русалье... Что ты натворила, девчонка?

Ее слова подарили мне надежду.

– Вы знаете о других усилителях.

Я скривилась, когда ее пальцы впились мне в кожу.

– Это правда? – резко спросила она. – Что теперь он может оживлять тени?

– Да, – призналась я.

Ее сутулые плечи поникли еще больше. Она оттолкнула мою руку, как нечто грязное.

– Убирайся.

– Багра, мне нужна ваша помощь.

– Я сказала, убирайся!

– Пожалуйста. Мне нужно знать, где искать жар-птицу.

Ее впалые губы слегка задрожали.

– Однажды я уже предала сына, маленькая святая. С чего ты взяла, что я сделаю это снова?

– Вы хотели остановить его, – неуверенно начала я. – Вы...

Багра заколотила тростью по полу.

– Я хотела, чтобы он не стал чудовищем! Но теперь уже слишком поздно, не так ли? Благодаря тебе в нем осталось меньше от человека, чем когда-либо раньше. Ни о каком искуплении и речи быть не может.

– Скорее всего, – не отрицала я. – Но Равку еще можно спасти.

– Какая мне разница, что случится с этой жалкой страной? Неужели мир так прекрасен, что заслуживает спасения?

– Да. И вы тоже так считаете.

– Ты ничего не знаешь, девочка.

– Ладно! – отчаяние перебороло во мне чувство вины. – Я идиотка. Безнадежная дура. Именно поэтому мне и нужна ваша помощь.

– Тебе уже не помочь. Твоей единственной надеждой было пуститься в бега.

– Расскажите, что вам известно о Морозове, – взмолилась я. – Помогите мне найти третий усилитель.

– Я понятия не имею, где искать жар-птицу, а даже если бы знала, все равно бы не сказала. Все, чего я хочу, это теплый угол, и чтобы меня оставили спокойно умирать в одиночестве.

– Я могу отобрать у вас эту хижину, – сердито прорычала я. – Ваш огонь, послушного слугу. Может, тогда вы заговорите.

Как только эти слова слетели с моих уст, я тут же о них пожалела. Меня накрыла волна стыда. Неужели я только что угрожала слепой старухе?

Багра издала свой злобный хриплый смешок.

– Вижу, ты быстро привыкаешь к власти. Чем больше она растет, тем голоднее становится. Подобное притягивает подобное, девочка.

От ее слов меня пронзил страх.

– Я говорила не всерьез, – слабо выдавила я.

– Нельзя нарушить правила этого мира и не заплатить за это. Этих усилителей не должно было существовать. Ни один гриш не может управлять такой силой. Ты уже меняешься. Найди третий, используй его, и потеряешь себя навсегда – капля за каплей. Хочешь моей помощи? Хочешь знать, что делать? Забудь о жар-птице. Забудь о Морозове и его безумствах.

Я покачала головой.

– Не могу. И не стану.

Багра повернулась обратно к огню.

– Тогда делай, что хочешь. Мне надоела эта жизнь и надоела ты.

Чего я ожидала? Что она поприветствует меня как дочь? Как друга? Багра потеряла любовь сына и пожертвовала своим зрением, а я ее подвела. Мне хотелось затопать ногами и потребовать ее помощи. Хотелось угрожать, уговаривать, рухнуть на колени и молить о прощении за все, что она потеряла, за каждую мою ошибку. Но в итоге я сделала то, чего Багра от меня хотела. Развернулась и убежала.

Вылетев из хижины, я чуть не скатилась по ступенькам, но внизу ждал юный слуга. Он подхватил меня, прежде чем я успела упасть.

Я благодарно хватала воздух, чувствуя, как пот высыхает на коже.

– Это правда? – спросил мальчишка. – Вы действительно заклинательница Солнца?

Я взглянула на его полное надежды лицо, и горло обжег комок слез. Кивнула и попыталась выдавить улыбку.

– Мама говорит, что вы – святая.

«В какие еще сказки она верит?» – горько подумалось мне.

Чтобы не опозорить себя, разразившись слезами на его тощем плече, я поспешила мимо слуги и быстро зашагала по узкой тропинке.

Дойдя до берега озера, я свернула к одному из белых каменных павильонов заклинателей. Их трудно было назвать зданиями – просто купольные оболочки, в которых юные заклинатели могли практиковаться в своих способностях, не боясь сорвать крышу школы или поджечь Малый дворец. Я села в тени лестницы павильона и зарылась лицом в ладони, пытаясь проглотить слезы и перевести дыхание. Я была так уверена, что Багре известно о жар-птице и что она захочет мне помочь... Я не осознавала, сколько надежд я на нее возлагала, пока они не рухнули.

Я расправила мерцающие складки кафтана на коленях и подавила всхлип. Я думала, что Багра посмеется надо мной, начнет издеваться над маленькой святой, разодетой в свой лучший наряд. С чего я взяла, что Дарклинг проявит милосердие к своей матери?

И почему я так отвратительно себя вела? Как можно было грозить лишить ее уюта? От безобразности моего поступка меня затошнило. Можно винить во всем свое отчаяние, но это не облегчало чувство стыда. И не отменяло того, что мне хотелось вернуться в хижину и привести свою угрозу в исполнение – вытащить Багру на солнечный свет и вырвать ответы из ее ворчливого, впалого рта. Что со мной не так?

Я достала «Историю святых» из кармана и провела руками по потрепанной красной кожаной обложке. Я так часто ее просматривала, что книга открылась прямо на иллюстрации с Санкт-Ильей, правда, страницы набухли после крушения «Колибри».

Святой гриш? Или очередной алчный глупец, который не устоял перед искушением власти? Алчный глупец, как я. «Забудь о Морозове и его безумствах». Я провела пальцем по изгибу арки. Возможно, она ничего не значит. Просто некая отсылка к прошлому Ильи, которая никак не относится к усилителям, или же домысел художника. Даже если мы правы и это какой-то указатель, она может находиться где угодно. Николай объездил почти всю Равку и никогда не видел эту арку. Вполне вероятно, что она превратилась в щебень сотни лет назад.

В школе через озеро прозвенел звонок, и из дверей донесся гогот маленьких гришей – кричащих, смеющихся, спешащих оказаться на улице под летним солнцем. Школа продолжала работать, несмотря на катастрофы последних месяцев. Но если Дарклинг нападет, ее придется эвакуировать. Мне не хотелось, чтобы дети оказались на пути у ничего.

«Вол чувствует груз ярма на шее, но чувствует ли птица вес своих крыльев?»

Действительно ли Багра сказала мне эти слова? Или я услышала их во сне?

Я встала и стряхнула пыль с кафтана. Не знала, что потрясло меня больше – отказ Багры помочь или ее сломленный вид. Она не просто старуха. Это женщина, которая потеряла надежду, и я помогла ее отобрать.

ГЛАВА 15

Я любила комнату военного совета, несмотря на ее мрачное название. Картограф во мне не мог устоять перед старыми картами, нарисованными на шкурах животных и украшенными причудливыми деталями: позолоченным маяком в Ос Керво, горными храмами Шухана, русалками, плавающими в водах морей.

Я взглянула в сторону стола и рассмотрела собравшихся за ним гришей – некоторые лица были мне знакомы, другие нет. Любой из них мог оказаться шпионом Дарклинга, короля или Апрата. Любой из них мог искать возможности, чтобы убрать меня с дороги и захватить власть.

Толя и Тамара стояли за дверью на случай беды, но именно присутствие Мала успокаивало мои нервы. Он сидел справа от меня в своей крестьянской одежде и с солнечной брошью, приколотой повыше сердца. Мне претила мысль о том, что скоро он уедет на охоту, но стоило признать, что подобная попытка отвлечься могла пойти ему на пользу. Мал гордился тем, что он солдат. И хоть он пытался этого не показывать, я знала, что указ короля сильно его задел. То, что он догадывался, что я что-то скрываю, тоже не облегчало положение.

Сергей занял место справа от Мала, с выражением недовольства скрестив руки на груди. Его не радовало соседство стража-отказника, а еще больше раздражало то, что слева от себя я посадила фабрикатршу, – это место считалось почетным, – сулийку по имени Паж, которую видела в первый раз. У нее были темные волосы и черные глаза, а красная вышивка на рукавах фиолетового кафтана означала, что она одна из алкемов-гришей, которые специализировались на таких химических веществах, как взрывной порошок и яды.

Давид сидел чуть дальше, его рукава были вышиты серым. Он работал со стеклом, сталью, деревом, камнем – всеми твердыми материями. Давид – прочник, и один из лучших, раз Дарклинг выбрал его, чтобы закрепить мой ошейник. Дальше сидел Федор и за ним Зоя – как всегда прекрасная в синем цвете эфиреалов.

Напротив Зои расположился Павел – темнокожий инферн, который так гневно выступал против меня. У него были тонкие черты лица и сколотый зуб, из-за которого его речь сопровождалась тихим присвистом.

Первую часть собрания мы потратили на то, что обсуждали количество гришей на разных аванпостах вокруг Равки и тех, кто может скрываться. Зоя предложила отправить послов, чтобы распространить новость о моем возвращении и предложить помилование тем, кто присягнет на верность заклинательнице Солнца. Битый час мы спорили об условиях и формулировке помилования. Я знала, что мне понадобится помощь Николая, чтобы получить одобрение короля, так что отнеслась к тексту с особым вниманием. Наконец мы сошлись на «преданности равкианскому престолу и Второй армии». Все остались недовольны, так что, полагая, формулировка вышла правильной.

Потом Федор поднял вопрос об Апрате.

– Плохо, что его так долго не удастся поймать.

– Он не пытался с тобой связаться? – спросил меня Павел.

– Нет, – ответила я и увидела недоверие на его лице.

– Его видели в Керске и Раевости, – сказал Федор. – Он появляется из ниоткуда, проповедует и исчезает раньше, чем солдаты короля успевают приблизиться к нему.

– Нужно подумать о заказном убийстве, – отозвался Сергей. – Он становится слишком могущественным и, возможно, до сих пор сотрудничает с Дарклингом.

– Сперва нужно его найти, – подметила Паж.

Зоя грациозно взмахнула рукой.

– И какой в этом смысл? Он активно распространяет слухи о том, что наша заклинательница Солнца – святая. Пришло время, чтобы люди наконец оценили гришей по достоинству.

– Не гришей, – возразил Павел, дерзко кивая на меня подбородком. – А ее.

Зоя пожала элегантным плечом.

– Лучше уж так, чем когда они называют нас ведьмами и предателями.

– Оставим грязную работу королю, – подал голос Федор. – Позволим ему найти Апрата, повесить его и испытать на собственной шкуре гнев народа.

Я не могла поверить, что они так спокойно обсуждали убийство человека. И колебалась, не зная, желала ли я Апрату смерти. Священнику нужно было за многое ответить, но я не верила, что он продолжал работать с Дарклингом. Кроме того, он подарил мне «Историю святых», а это значило, что, возможно, он кое-что знает. Я надеялась, что, если его поймают, король оставит его в живых на какое-то время, чтобы я успела устроить допрос.

– Как думаешь, он сам-то в это верит? – спросила Зоя, окидывая меня изучающим взглядом. – Что ты святая, восставшая из мертвых?

– Вряд ли это имеет значение.

– Это помогло бы понять, насколько он безумен.

– Я бы предпочел сражаться с изменником, чем с фанатиком, – тихо подал голос Мал впервые за всю встречу. – У меня остались некоторые связи в Первой армии, которые могли бы оказаться полезны. Ходят слухи о солдатах, которые дезертировали, чтобы присоединиться к Апрату. Если это правда, им должно быть известно, где он скрывается.

Я покосилась на Зою. Она рассматривала Мала своими невероятно синими глазами. Казалось, большую часть встречи она только и делала, что строила ему глазки. Или же у меня разыгралось воображение. Она – могущественная шквальная, а в перспективе и сильная союзница. Но Зоя также была одной из любимиц Дарклинга, и это определенно не внушало доверия.

Я подавила смешок. Кого я обманывала? Мне было противно даже находиться с ней в одном помещении. Она походила на святую. Хрупкая фигура, блестящие черные волосы, идеальная кожа. Не хватало только нимба. Мал не обращал на нее внимания, но гадкое внутреннее ощущение мне подсказывало, что он игнорировал ее намеренно. Я знала, что у меня были более важные проблемы, чем Зоя. Например, управление армией и наличие врагов со всех сторон. Но я не могла совладать с собой.

Сделав глубокий вдох, я попыталась сосредоточиться. Самая тяжелая тема ждала нас впереди. Как бы мне ни хотелось свернуться калачиком где-то в тишине и темноте, некоторые вопросы нельзя было оставлять без внимания.

Я окинула взглядом всех сидящих за столом и сказала:

– Вы должны знать, чему мы противостоям.

В комнате воцарилась тишина. Будто прозвенел звонок, и все, что говорилось прежде, было лишь вступлением, а теперь началось настоящее обсуждение.

Постепенно я изложила, что знала о ничегоях, об их силе и размере, неуязвимости к пулям и лезвиям и, что самое важное, о том, что они не боятся солнечного света.

– Но вы выжили, – осторожно начала Пажа, – значит, они не бессмертные.

– Моя сила может их уничтожить. Это единственное, после чего они не смогли восстановиться. Но все не так просто. Для их уничтожения требуется разрез, а я не знаю, сколько могу их создать одновременно. – Я не упоминала о втором усилителе. Даже с ним мне вряд ли удастся противостоять натиску полностью сформированной теневой армии, а окова была секретом, которым я пока что не хотела делиться. – Нам удалось сбежать только потому, что принц Николай вывел нас из зоны досягаемости Дарклинга. Похоже, ничегои должны держаться поблизости от своего господина.

– Насколько близко? – спросил Павел.

Я посмотрела на Мала.

– Трудно сказать. Миля. Может, две.

– Значит, у его сил все же есть границы, – с облегчением вздохнул Федор.

– Несомненно. – Хоть одна новость оказалась хорошей. – Чтобы добраться до нас, ему придется вернуться в Равку со своей армией. Это значит, что мы будем предупреждены, а он – уязвим. Он не может заклинать их, как тьму. Эти усилия дорогого стоят.

– Потому что это не сила гриша, – сказал Давид. – Это *скверна*.

На равкианском слово для магии и мерзости было одно. В теоретических основах гришей говорилось, что материю нельзя создавать из ничего. Но это было принципом Малой науки. «Скверна» была совершенно другой – разложением творения в сердце мира.

Давид потерял край рукава.

– Эта энергия, эта сущность должна идти откуда-то. Скорее всего, от него.

– Но как он это делает? – поинтересовалась Зоя. – Разве бывали гриши с подобной силой?

– Главный вопрос в том, как с ней бороться, – отрезал Федор.

Дальше разговор зашел об обороне Малого дворца и возможных преимуществах сражения с Дарклингом на открытой местности. Но я наблюдала за Давидом. Когда Зоя спросила о других гришах, он впервые с момента моего прибытия во дворец посмотрел на меня. Ну, не совсем на *меня* – на мой ошейник. Потом он сразу же устался в стол, но мне показалось, что ему еще более неловко, чем раньше. Интересно, что он знал о Морозове? Я тоже хотела получить ответ на вопрос Зои. Я не знала, хватит ли мне опыта или храбрости, чтобы осмелиться на такое, но вдруг существовал способ призвать солдат света, чтобы бороться с теневой армией Дарклинга? Могли ли три усилителя дать мне такое могущество?

Я хотела поговорить с Давидом наедине после встречи, но как только я распустила собрание, парень вылетел за дверь. Мысль о том, чтобы потревожить его в мастерской субстанциалов днем, тут же оказалась погребена под горой бумаг, ожидающих меня в покоях. Я провела долгие часы, подготавливая помилования для гришей, и подписала бесчисленное количество документов, гарантирующих финансирование и обеспечение провизией аванпостов, которые Вторая армия надеялась восстановить на границах Равки. Сергей пытался разобраться с некоторыми обязанностями Дарклинга, но большая часть работы просто осталась без внимания.

Все документы были составлены самым непонятным образом. Мне приходилось читать и перечитывать то, что должно было быть обычными запросами. К тому времени, как стопка немного уменьшилась, уже заканчивался ужин – моя первая трапеза в купольном зале. Я бы предпочла, чтобы поднос отнесли в мою комнату, но было важно заявить о своем присутствии в Малом дворце. Мне также хотелось удостовериться, что гриши следуют моим приказам и сидят не по Орденам.

Я села за стол Дарклинга. Желая познакомиться с новыми гришами и не дать им возможности собрать новую элиту, я решила каждый день ужинать с новыми людьми. Идея хорошая, но я не обладала ни общительностью Мала, ни обаянием Николая. Беседа выходила затянутой и прерывалась неловкими минутами молчания.

Другие столы тоже не особенно справлялись. Гриши сидели бок о бок в беспорядочном, красно-фиолетово-синем хаосе, но почти не разговаривали. От расколотого купола эхом отдавался звон серебряных вилок о тарелки – фабрикатеры еще не начали ремонт.

Я уже и не знала, смеяться мне или плакать. Такое впечатление, будто я попросила их отужинать с волькрами. Но как минимум Сергей и Мария остались довольны. Правда, Надя выглядела так, будто хотела раствориться в тарелке с маслом, пока они обжимались и ворковали рядом с ней. Я искренне радовалась за пару. И, наверное, немного им завидовала.

Мысленно пересчитала людей – сорок гришей, может, пятьдесят, большинство только окончили школу. «*Та еще армия*», – вздохнула я. Мое славное правление начиналось с жалкого старта.

* * *

Мал согласился поехать на охоту, и следующим утром я встала пораньше, чтобы проводить его. Довольно скоро стало ясно, что в Малом дворце нам светит куда меньше уединения, чем было в путешествии. Учитывая Толю, Тамару и вечно околачивающихся рядом слуг, было трудно поверить, что мы когда-нибудь останемся вдвоем.

Прошлой ночью я лежала в кровати Дарклинга и вспоминала, как Мал поцеловал меня на даче, а также гадала, постучит ли он в дверь. Подумывала даже выйти в гостиную и пробраться в покои стражей, но не знала, чья сегодня смена. Если меня застукнет Толя или Тамара, я умру от стыда. В конце концов усталость после трудного дня, должно быть, приняла решение за меня, поскольку в следующую секунду я открыла глаза и обнаружила, что уже утро.

К тому времени как я дошла до фонтана с двуглавым орлом, дорога к дворцовым воротам кишела людьми и лошадьми: там были Василий с его благородными друзьями в вычурных верховых костюмах, офицеры Первой армии в строгой форме и позади них легион слуг в белом и золотом.

Я обнаружила Мала подтягивающим седло неподалеку от группы придворных следопытов. Его крестьянская грубая одежда выделялась в толпе. За спиной блеснул новый лук и колчан стрел с перьями, окраенными в голубой и золотой цвета короля. По правилам равкианской охоты запрещалось использовать огнестрельное оружие, но я заметила, что несколько слуг закинули ружья на спины – просто на случай, если звери окажутся слишком дикими для их знатных господ.

– Прямо целый парад, – сказала я, подходя ближе. – Сколько же нужно людей, чтобы завалить парочку вепрей?

Мал фыркнул.

– Это еще цветочки. Перед рассветом в лес отправилась группа слуг, чтобы построить лагерь. Упаси святые, чтобы принцу Равки пришлось ждать чашку горячего чая.

Прозвучал рог, и наездники поспешили оседлать своих лошадей. Слышалось громкое бряцанье стремян и цокот копыт. Мал покачал головой, потянул за подпругу и проворчал:

– Повезет, если эти вепри окажутся глухими.

Я оглянулась, отметив красивые наряды и отполированные сапоги.

– Может, стоило снабдить тебя чем-то более... роскошным.

– Павлины – птицы не хищные, – ухмыльнулся он. Улыбка была доброй, открытой, и я вдруг поняла, как давно ее не видела.

«Он рад этой поездке, – осенило меня. – Мал может ворчать сколько влезет, но он счастлив». Я попыталась не принимать это близко к сердцу.

– А ты, значит, большой пегий ястреб? – поинтересовалась я.

– Именно.

– Или очень крупный голубь?

– Давай остановимся на ястребе.

Остальные уже седлали коней и присоединялись к группе, направлявшейся по гравийной дорожке.

– Поехали, Оретцев! – крикнул следопыт с рыжеватыми волосами.

Внезапно мне стало неловко – люди вокруг буравили нас своими любопытными взглядами. Судя по всему, я нарушила какой-то протокол, явившись попрощаться.

– Ну, – начала я, похлопав его коня по крупу, – повеселись там. Попытайся никого не застрелить.

– Понял. Стоп, никого *не* застрелить?

Я улыбнулась, но выглядело это натянуто.

Мы постояли еще с пару секунд в неловком молчании. Мне хотелось обнять парня, уткнуться лицом в его шею и взять с него обещание, что он будет осторожен. Но я воздержалась.

Его губ коснулась грустная улыбка, и Мал поклонился.

– *Моя правительница.*

Сердце сжалось в груди.

Он запрыгнул в седло и послал коня вперед, исчезнув в море всадников, текущем к золотым воротам.

В Малый дворец я вернулась в подавленном состоянии.

Было рано, но снаружи уже потеплело. Выйдя из лесного туннеля, я увидела поджидающую меня Тамару.

– Он скоро вернется, – сказала она. – К чему это уныние?

– Знаю, знаю, – ответила я, чувствуя себя глупо. Мне удалось выдавить смешок, пока мы шли по газону к конюшне. – В Керамзине у меня была кукла, которую я сделала из старого носка, и всякий раз, как Мал уезжал на охоту, я говорила с ней. Может, она бы подняла мне настроение.

– Да-а, странной ты была девочкой.

– Ты себе даже не представляешь. А с чем вы с Толей играли в детстве?

– С черепами наших врагов.

Я увидела блеск в ее глазах, и мы обе разразились хохотом.

В тренировочном зале мы быстро переговорили с Боткином – инструктором, которому поручили готовить гришей к рукопашным схваткам. Тамара сразу же очаровала старого наемника, и они целых десять минут общались на шуханском, прежде чем мне удалось поднять вопрос о тренировках с фабрикатрами.

– Боткин любого научит драться, – сказал он с сильным акцентом. Тусклый свет придавал рваному шраму на его шее жемчужный блеск. – Маленькую девочку ведь научил, не так ли?

– Да, – согласилась я, кривясь при воспоминании об изнурительных упражнениях и боях.

– Но девочка уже не такая и маленькая, – кивнул он на золото на моем кафтане. – Возвращайся на тренировку с Боткином. Я быю больших девочек не хуже маленьких.

– Очень демократично с твоей стороны, – сказала я и поспешно вывела Тамару из конюшни, пока Боткин не решил показать мне, насколько он беспристрастен.

Оттуда я пошла напрямик на новое собрание военного совета, а затем мне хватило времени лишь на то, чтобы привести волосы и кафтан в порядок, прежде чем направиться в Большой дворец. Там я присоединилась к Николаю, пока королевские советники быстро вводили его в курс дела, рассказывая об обороне Ос Альты.

По какой-то причине я чувствовала себя так, словно мы дети, которые влезли в дела взрослых. Советники всем своим видом давали понять, что мы попусту тратим их время. Но Николая это ничуть не смущало. Он осторожно задавал вопросы о вооружении, количестве войск, расположенных вокруг городских стен, о системе предупреждения на случай атаки. Довольно скоро советники перестали смотреть на него со снисхождением и заговорили всерьез, интересуясь оружием, которое он перевез через Каньон, и как его лучше всего использовать.

Принц попросил меня дать краткое описание ничегой, чтобы помочь убедить советников дать новое оружие и гришам. Ко Второй армии все еще относились с глубоким подозрением, но по пути в Малый дворец Николай не выражал беспокойства по этому поводу.

– Со временем они оттают, – сказал он. – Именно поэтому ты тоже должна присутствовать на встречах – чтобы успокоить их и дать понять, что Дарклинг не такой, как другие наши враги.

– Думаешь, они этого не знают? – недоверчиво спросила я.

– Не хотят знать. Если они будут продолжать верить, что Дарклинга можно подкупить или прижать к ногтю, то не придется смотреть в глаза реальности.

– Я их не виню, – мрачно вздохнула я. Войска, стены и предупреждения – это все хорошо, но я сомневалась, что они помогут против теневых солдат Дарклинга.

Когда мы вышли из туннеля, принц спросил:

– Прогуляешься со мной к озеру?

Я замялась.

– Клянусь, что не стану падать на колени и сочинять баллады о твоей красоте. Я просто хочу кое-что показать.

Мои щеки залились краской, и Николай улыбнулся.

– Попроси корпорялов что-то сделать с твоим румянцем, – сказал он и двинулся вокруг Малого дворца, направляясь к озеру.

Я испытывала искушение пойти за ним лишь для того, чтобы столкнуть его в воду. Но с другой стороны... а вдруг корпорялы действительно могли убрать румянец? Я выкинула эту глупую мысль из головы. День, когда я попрошу корпоряла сделать так, чтобы я не краснела, будет днем, когда меня высмеет весь Малый дворец.

Николай остановился на гравийной дорожке на полпути, и я быстро его догнала. Парень указал на песчаную линию на дальнем берегу, неподалеку от школы.

– Хочу установить там причал.

– Зачем?

– Чтобы воссоздать «Колибри».

– Ты и вправду не умеешь сидеть без дела. Разве тебе не хватает забот?

Он, прищурившись, посмотрел на сверкающую гладь воды.

– Алина, я очень надеюсь, что мы придумаем, как одержать победу над Дарклингом. Но если нет, нам нужно каким-то способом вывезти тебя.

Я уставилась на него.

– А как же остальные гриши?

– Им я ничем не могу помочь.

Я не верила собственным ушам.

– Я никуда не поплыву!

– Так и знал, что ты это скажешь, – вздохнул принц.

– А сам-то? – сердито спросила я. – Ты просто улетишь и бросишь нас на растерзание Дарклингу?

– Перестань. Ты же знаешь, я всегда мечтал, чтобы меня похоронили как героя. – Он снова посмотрел на озеро. – Я с радостью умру в бою, но не хочу оставлять родителей на милость Дарклинга. Дашь мне двух шквальных для подготовки?

– Они не сувениры, Николай, – строго сказала я, вспомнив, как Дарклинг подарил Женю королеве. – Но я наберу добровольцев. Только не говори им, что ты задумал. Не хочу, чтобы другие пали духом. – Или начали драться за места на корабле. – И еще... Я хочу, чтобы ты увез Багру. Она не заслуживает еще одной встречи с Дарклингом. На ее долю и так выпало слишком много.

– Конечно, – кивнул он, а затем добавил: – Я все равно верю, что мы можем выиграть, Алина.

«Хоть кто-то», – уныло подумала я и повернулась, чтобы пойти во дворец.

ГЛАВА 16

После собрания совета Давиду вновь удалось улизнуть, и только поздним вечером следующего дня я наконец улучила момент, чтобы застать его в мастерской фабрикаторов. Парень сгорбился над горой чертежей, его пальцы были испачканы чернилами.

Я устроилась на соседнем табурете и прочистила горло. Он поднял голову и сонно заморгал. Давид был таким бледным, что я видела голубоватые узоры вен под его кожей. Кто-то сделал ему ужасную стрижку.

«*Наверное, он сам*», – подумала я, мысленно покачав головой. Трудно поверить, что этот парень – возлюбленный Жени.

Он опустил взгляд на мой ошейник. Затем начал возиться с предметами на рабочем столе, перекладывая их с места на место и выстраивая в аккуратные линии – компас, карандаши, ручки и чернильницы разных цветов, осколки обычного и зеркального стекла, вареное яйцо (наверное, его ужин) и куча бумаг с чертежами и схемами, в которых я ничего не смыслила.

– Над чем работаешь?

Он снова моргнул.

– Над посудой.

– А-а...

– Отражающими тарелками. На основе параболы.

– Как... любопытно, – выдавила я.

Давид почесал нос, оставив большое синее пятно на переносице.

– Возможно, это увеличит твою силу.

– Как перчатки с зеркалами?

Я попросила прочников изготовить их еще раз. С могуществом двух усилителей они вряд ли мне понадобятся. Но зеркала позволяли сосредоточить и направить свет, и было что-то утешающее в том, что они давали мне контроль.

– Вроде того. Если я сделаю все правильно, они расширят возможности твоего разреза.

– А если нет?

– Либо ничего не произойдет, либо того, кто их использовал, разнесет на кусочки.

– Звучит многообещающе.

– Я тоже так подумал, – сказал он без намека на юмор и вернулся к работе.

– Давид, – настойчиво произнесла я. Он удивленно поднял взгляд, словно совершенно забыл о моем присутствии. – Я хочу тебя кое о чем спросить.

Он снова посмотрел на ошейник, потом на рабочий стол.

– Что ты можешь рассказать мне об Илье Морозове?

Парень вздрогнул и окинул взглядом почти пустое помещение. Большинство фабрикаторов еще ужинали. Он явно нервничал, а, может, даже был напуган.

Давид снова взглянул на стол, взял компас, затем вернул его на место.

И в конце концов прошептал:

– Его звали Костяным Кузнецом.

По спине прошла дрожь. Вспомнились пальцы и позвонки, лежавшие на лотках торговцев в Крибирске.

– Почему? Из-за усилителей, которые он нашел?

Давид удивленно взглянул на меня.

– Он их не нашел. Он их *создал*.

Я не хотела ему верить.

– *Скверну?*

Парень кивнул. Вот почему он посмотрел на ошейник Морозова, когда Зоя спросила, бывали ли гриши с такими же способностями. Морозов играл с теми же силами, что и Дарклинг. Магия. Мерзость.

– Как? – спросила я.

– Никто не знает, – Давид снова оглянулся через плечо. – После того, как Черный Еретик умер из-за несчастного случая, сотворившего Каньон, его сын явился из укрытия, чтобы возглавить Вторую армию. Он уничтожил все записи Морозова.

Его сын? И снова я подумала, как мало людей знали тайну Дарклинга. Черный Еретик никогда не умирал – был лишь один Дарклинг, единственный могущественный гриш, который руководил Второй армией на протяжении многих поколений, скрывая свою истинную личность. Насколько мне известно, у него никогда не было сына. И я ни за что не поверю, что он уничтожил нечто столь ценное, как записи Морозова. На борту китобоя он сказал, что не все книги запрещают совмещать усилители. Возможно, он ссылался на тексты самого Морозова.

– Почему его сын скрывался? – любопытствовала я, гадая, как Дарклингу удалось сфабриковать эту историю.

На этот раз Давид нахмурился, словно ответ был очевиден.

– Дарклинг и его наследник никогда не жили в Малом дворце вместе. Слишком велик риск, что их попытаются убить.

– Ясно, – кивнула я. Вполне правдоподобная история, да и спустя сотни лет вряд ли кто-то начнет к ней придирааться. Гриши любили свои традиции, и Женя не могла быть первой портнихой на службе Дарклинга. – Но зачем ему уничтожать записи?

– В них были отчеты об экспериментах Морозова с усилителями. Черный Еретик пытался их воспроизвести, но что-то пошло не так.

Волоски на моих руках встали дыбом.

– И в результате появился Каньон.

Давид кивнул.

– Его сын сжег все документы и записи Морозова. Сказал, что они слишком опасны и представляют большое искушение для любого гриша. Поэтому я ничего не сказал на собрании. Я даже не должен знать об их существовании.

– Так откуда ты знаешь?

Давид в очередной раз осмотрел почти пустую мастерскую.

– Морозов был фабрикаторм – возможно, самым первым и, безусловно, самым могущественным. Он творил вещи, о которых другие и мечтать не могли. – Парень робко пожал плечами. – Для нас он как герой.

– Тебе известно что-нибудь еще об усилителях, которые он сотворил?

Давид покачал головой.

– Ходили слухи, что есть и другие, но я слышал только об олене.

Вероятно, Давид никогда не читал «Историю святых». Апат утверждал, что когда-то эту книгу дарили всем детям-гришам, прибывающим в Малый дворец. Но это было давно. Гриши верили в Малую науку, а не в религию. «Суеверия, – так высказался о книге Дарклинг. – Пропаганда для крестьян». Давид определенно не видел связи между святым Ильей и Ильей Морозовым. Или же просто это скрывал.

– Давид, – обратилась к нему я, – что ты тут делаешь? Ты закрепил ошейник. Наверняка ты знал, для чего он нужен.

Парень сглотнул.

– Я знал, что Дарклинг сможет тебя контролировать и что ошейник позволит ему использовать твои способности. Но я и не подозревал, отказывался верить... все те люди... – Он с трудом подбирал слова. В конце концов Давид протянул ко мне испачканные чернилами руки и сказал чуть ли не с мольбой в голосе: – Я создаю, а не разрушаю.

Мне хотелось верить, что он недооценил беспощадность Дарклинга. Я и сама совершила ту же ошибку. Но, возможно, он лгал или просто проявил слабость. *«Что хуже?»* – горько спросила я себя. – *Если он однажды поменял сторону, то может сделать это снова*. Неужели это во мне говорит голос Николая? Или Дарклинга? Или той части меня, которая научилась никому не доверять?

– Удачи тебе с тарелками, – сказала я и встала, чтобы уйти.

Давид склонился над бумагами.

– Я не верю в удачу.

«Очень жаль, – подумала я. – Она нам понадобится».

* * *

Из мастерской фабрикаторов я направилась напрямик в библиотеку и провела там большую часть ночи. Принесло это одно лишь разочарование. В истории гришей содержались только самые основные сведения об Илье Морозове, несмотря на то, что он считался величайшим фабрикатором, который когда-либо существовал. Он изобрел сталь гришей, метод изготовления небьющегося стекла и смесь для жидкого огня, которая оказалась настолько опасной, что формулу уничтожили через двенадцать часов после создания. Но любые упоминания об усилителях или Костяном Кузнеце отсутствовали.

Это не помешало мне вернуться следующим вечером, чтобы закопаться в религиозные тексты и искать любые отсылки к Санкт-Илье. Как и большинство сказок о святых, история его мученичества оказалось удручающе жестокой: однажды в поле за его домом перевернулся плуг. Услышав крики, Илья побежал на помощь, для того лишь, чтобы обнаружить мужчину, рыдающего над телом мертвого сына – лезвия изуродовали его, а земля пропиталась его кровью. Илья вернул мальчика к жизни, а жители деревни отблагодарили его тем, что заковали в цепи и бросили в реку, чтобы он утонул под весом кандалов.

Подробности были безнадежно противоречивы. Иногда Илья выступал в качестве фермера, иногда каменщика или плотника. То у него было две дочери, то сын, то вообще не было детей. Сотни разных деревень претендовали называться местом его мученичества. Проблема также заключалась в той разновидности чудес, которыми он славился. Вполне возможно, что Санкт-Илья – целитель-корпориал, но Илья Морозов был фабрикатором. Что, если это совершенно разные люди?

Ночью комната со стеклянным куполом освещалась масляными лампами и в ней царила такая тишина, что я слышала собственное дыхание. Одна-одинешенька в этом мраке, окруженная книгами, я с трудом держалась, чтобы не поддаться унынию. Но библиотека оставалась моей единственной надеждой, так что я не бросала начатое. Как-то вечером Толя обнаружил меня, свернувшейся клубком в любимом кресле, пытающейся разобраться в тексте на древне-равкианском.

– Не стоит тебе сидеть тут одной по ночам, – проворчал он.

Я зевнула и потянулась. Наверняка самую большую опасность здесь представляла полка, которая могла упасть на меня, но я слишком устала, чтобы спорить.

– Обещаю, больше этого не повторится.

– Что читаешь? – спросил Толя, присев, чтобы рассмотреть книгу у меня на коленях. Парень был так огромен, что казалось, будто какой-то медведь внезапно решил позаниматься с мной.

– Сама не знаю. Я увидела имя Ильи, но не могу прочесть текст.

– Это список титулов.

– Ты понимаешь слова? – удивилась я.

– Нас вырастили в церкви, – ответил он, листая страницы.

Я присмотрелась к Толе. Многие дети воспитывались в религиозных домах, но это не значило, что они могли читать на древнеравкианском языке богослужений.

– И что там сказано?

Он провел пальцем по словам под именем Ильи. Его крупные руки были покрыты шрамами. Под грубым рукавом виднелась часть татуировки.

– Ничего особенного. Возлюбленный Санкт-Илья, Бесценный Санкт-Илья. Но еще тут перечислены несколько городов, где, как сказано, он творил чудеса.

Я выпрямилась.

– Возможно, с них мы и начнем.

– Советую заглянуть в часовню. Думаю, в ризнице сохранилась пара книг.

Я сотни раз проходила мимо королевской часовни, но никогда не заходила внутрь. Для меня она всегда была владением Апрата, и хоть его больше здесь нет, мне все равно не хотелось туда идти.

– На что она похожа?

Толя пожал широкими плечами.

– На любую другую часовню.

– Толя, – начала я с внезапным любопытством, – ты никогда не думал присоединиться ко Второй армии?

Казалось, я его оскорбила.

– Я родился не для того, чтобы служить Дарклингу. – Мне захотелось уточнить, для чего же тогда он родился, но парень ткнул в страницу. – Если хочешь, я могу перевести текст. – Улыбнулся. – Или просто попрошу Тамару.

– Буду очень благодарна.

Великан склонил голову. Обычный поклон, но он все еще стоял на коленях, и что-то в его позе было такое, что у меня поползли мурашки по коже.

Мне показалось, он чего-то ждал. Я осторожно опустила руку ему на плечо. Как только мои пальцы коснулись его, парень выдохнул.

Несколько секунд мы сидели молча в сиянии ламп. Затем он встал и снова поклонился.

– Я буду за дверью, – сказал Толя и скользнул в темноту.

* * *

На следующее утро Мал вернулся с охоты, и мне не терпелось все ему рассказать – о том, что я разузнала от Давида, о постройке новой «Колибри», о странном разговоре с Толей.

– Он чудной, – согласился Мал. – Но заглянуть в часовню все равно не помешает.

Мы решили пойти туда вместе, и по дороге я попросила поделиться со мной впечатлениями от охоты.

– Большую часть времени мы играли в карты, пили квас и бездельничали. А еще какой-то князь так напился, что заснул в реке. Чуть не утонул! Слуги вытянули его за сапоги, но он постоянно рвался обратно и бормотал, что именно так нужно ловить форель.

– Все было так ужасно? – со смехом спросила я.

– Да нет, нормально. – Он пнул камешек на тропинке. – Тобой многие интересуются.

– Почему я уверена, что мне это не понравится?

– Один из придворных следопытов считает, что твои способности – фарс.

– И как же я это провернула?

– Насколько я понял, в деле была задействована сложная система зеркал, шкивы и, возможно, гипноз. Я уже запутался.

Меня начало распирать от смеха.

– Все не так забавно, Алина. Когда они принимали на грудь, некоторые из дворян начинали откровенничать и давали понять, что, по их убеждению, всех гришей нужно схватить и казнить.

– Святые, – выдохнула я.

– Они напуганы.

– Это не оправдание. – Во мне закипал гнев. – Мы тоже равкианцы. Такое впечатление, будто они забыли, сколько всего для них сделала Вторая армия.

Мал поднял руки.

– Я не говорил, что разделяю их мнение.

Я вздохнула и отмахнулась от ни в чем не повинной ветки дерева.

– Знаю.

– Как бы там ни было, кажется, я добился прогресса.

– И как же?

– Ну, им понравилось, что ты служила в Первой армии и спасла жизнь их принцу.

– После того, как он рисковал, спасая нас?

– Я опустил некоторые детали.

– О-о, Николаю это понравится. Что-нибудь еще?

– Я сказал им, что ты ненавидишь селедку.

– Зачем?

– И любишь сливовый пирог. И что Ана Куя била тебя кнутом, когда ты испортила свои весенние тапочки, прыгая по лужам.

Я скривилась.

– Зачем ты рассказал им об этом?

– Хотел очеловечить тебя. Все, что они видят, глядя на тебя, это заклинательницу Солнца. Угрозу, очередного могущественного гриша, подобному Дарклингу. Я хотел, чтобы они увидели в тебе дочь, сестру или подругу. Чтобы они увидели Алину.

Я почувствовала комок в горле.

– Ты специально тренируешься, чтобы быть таким прекрасным?

– Да, ежедневно, – ухмыльнулся он и подмигнул. – Но я предпочитаю быть полезным.

Часовня была единственным сохранившимся зданием монастыря, который когда-то возвышался над Ос Альтой, и по легенде там короновали первого монарха Равки. В сравнении с другими сооружениями на территории дворца она была скромным зданием с побеленными стенами и одиноким ярко-синим куполом.

Внутри оказалось пусто и все выглядело так, словно помещению не помешала бы уборка. Лавки покрылись пылью, а на карнизах сидели голуби. Когда мы зашагали по проходу, Мал взял меня за руку, и мое сердце радостно подскочило.

Много времени на ризницу мы не потратили. Редкие книги на полках стали для нас полным разочарованием – просто пара старых псалтырей с крошащимися желтыми страницами. Единственное, что представляло реальный интерес в часовне – это огромный триптих на алтаре. Его три гигантские панели, изрисованные яркими красками, изображали тринадцать святых с благостными лицами. Некоторых я узнала по «Истории святых»: Елизавету с кровавыми розами, Петра с горящими стрелами. А еще там был Санкт-Илья с ошейником, оковами и сломанными цепями.

– Животных нет, – подметил Мал.

– Из того, что я видела, могу заключить, что его никогда не рисовали с усилителями – только с цепями. Ну, не считая «Истории святых». Кто его знает, почему.

Большая часть триптиха сохранилась в хорошем состоянии, но панель с Ильей серьезно пострадала от влаги. Лица святых едва виднелись под плесенью, и противный запах гнили ударил в лицо. Я зажала нос рукавом.

– Где-то протекает, – сказал Мал. – Полный бардак.

Мой взгляд прошелся по очертаниям лица Ильи, замазанном грязью. Очередной тупик. Не хотелось этого признавать, но я питала надежды. И снова почувствовала этот зов, пустоту на запястье. Где же может прятаться жар-птица?

– Можем простоять здесь хоть весь день, – начал Мал, – но он не заговорит.

Я знала, что он дразнит меня, но все равно почувствовала досаду – вот только непонятно, на него я злилась или на себя.

Мы развернулись, чтобы снова пойти по проходу, и тут я резко замерла. В сумраке у выхода ждал Дарклинг, усевшись на скамье.

– Что такое? – спросил Мал, проследив за моим взглядом.

Я не смела пошевелиться. «*Увидь его*, – мысленно взмолилась. – *Пожалуйста, увидь*».

– Алина? Что-то не так?

Я впиалась ногтями в ладони.

– Нет. Как думаешь, может, стоит еще раз осмотреть ризницу?

– Вряд ли там появилось что-то новое.

Я заставила себя улыбнуться и пойти дальше.

– Да, наверное, ты прав. Пустые надежды.

Когда мы проходили мимо Дарклинга, он повернулся, следя за нами взглядом. Затем прижал палец к губам и склонил голову в насмешливом подражании молитве.

На свежем воздухе, где заплесневелый запах часовни больше не чувствовался, я ощутила облегчение, но голова все равно шла кругом. Это случилось снова.

На лице Дарклинга не было шрамов. Мал его не видел. Значит, он ненастоящий, просто иллюзия.

Но он коснулся меня в тот вечер в своей комнате. Я почувствовала его пальцы на своей щеке. Что же это за галлюцинация такая?

Я вздрогнула, когда мы зашли в лес. Может, это проявление новых способностей Дарклинга? Перспектива того, что он каким-то образом мог проникнуть в мои мысли, ужасала, но другие объяснения были еще хуже.

«Нельзя нарушить правила этого мира и не заплатить за это». Я обхватила себя руками, чувствуя, как чешуйки морского хлыста трутся о кожу. «Забудь о Морозове и его безумствах». Может, Дарклинг был и ни при чем. Может, я просто сходила с ума.

– Мал, – начала я, толком не зная, что сказать, – третий усил...

Он прижал палец к моим губам, и этот жест так напомнил мне Дарклинга, что я едва не оступилась, но в следующую секунду услышала шорох, и из-за деревьев вышел Василий.

Я не привыкла видеть принца за пределами Большого дворца и на мгновение просто замерла как истукан. Затем опомнилась и поклонилась.

Василий кивнул мне, а Мала и вовсе проигнорировал.

– *Мой царевич*, – поприветствовала я.

– Алина Старкова, – улыбнулся он. – Надеюсь, ты уделишь мне минутку внимания?

– Разумеется.

– Я подожду ниже по тропе, – сказал Мал, взглянув на Василия с подозрением.

Принц наблюдал, как он уходит.

– Похоже, дезертир забыл свое место.

Я подавила гнев.

– Чем я могу вам помочь, *мой царевич*?

– Прошу, называй меня Василий. По крайней мере, когда мы наедине.

Я часто заморгала. Мне никогда не доводилось быть с этим принцем наедине и начинать не хотелось.

– Как ты осваиваешься в Малом дворце? – спросил он.

- Очень хорошо, благодарю, *мой царевич*.
- Василий.
- Не уверена, что могу позволить себе столь неформальное обращение к вам, – чопорно ответила я.
- Моего брата ты зовешь по имени.
- Мы познакомились... при своеобразных обстоятельствах.
- Понимаю, он кажется очень обаятельным, – сказал Василий. – Но тебе стоит знать, что еще он очень умен и хитер.
- «*Это точно*», – подумала я, но вслух сказала:
- У него незаурядный ум.
- Василий хмыкнул.
- Только погляди, какой дипломатичной ты стала! Уверен, со временем, несмотря на твою скромную родословную, ты научишься сдержанности и элегантности настоящей дворянки.
- Хотите сказать, научусь держать рот на замке?
- Василий неодобрительно поджал губы. Нужно было заканчивать этот разговор, пока я не оскорбила его по-настоящему. Василий, может, и казался дураком, но он все равно принц.
- Вовсе нет, – он напыщенно хохотнул. – Я восхищаюсь твоей прямоотой.
- Спасибо, – пробормотала я. – А теперь, ваше высочество, прошу меня простить, но...
- Василий встал у меня на пути.
- Не знаю, какой договор вы заключили с моим братом, но ты должна понимать, что он младший сын. Какими бы ни были его амбиции, большее ему не светит. Только я могу сделать тебя королевой.
- Вот оно что. Я мысленно вздохнула.
- Только король может сделать меня королевой, – напомнила я.
- Василий лишь махнул рукой.
- Мой отец долго не проживет. Можно сказать, что я уже правлю Равкой.
- «*Вот как ты это называешь?*» – подумала я с раздражением. Вряд ли Василий вернулся бы в Ос Альту, если бы Николай не представлял угрозу его месту на троне, но на сей раз я придержала язык.
- Ты высоко поднялась для сиротки из Керамзина, – продолжал он, – но можно подняться выше.
- Заверяю вас, *мой царевич*, – искренне произнесла я, – я не обладаю подобными амбициями.
- Тогда чего ты хочешь, заклинательница Солнца?
- Прямо сейчас? Я не прочь пообедать.
- Он недовольно выпятил губу и на секунду сильно напомнил мне своего отца. Затем улыбнулся.
- Ты умная девушка. И думаю, можешь принести немало пользы нашей стране. С нетерпением жду, когда мы познакомимся поближе.
- Большого и желать нельзя, – соврала я.
- Василий взял меня за руку и прижал влажные губы к моим костяшкам.
- До встречи, Алина Старкова.
- Я подавила накотившую тошноту. Когда принц ушел, незаметно вытерла руку о кафтан. Мал ждал меня у опушки леса.
- И что это было? – спросил он с обеспокоенным лицом.
- О, ну знаешь... Очередной принц, очередное предложение руки и сердца.
- Да ты шутишь! – недоверчиво хохотнул Мал. – А он не тратит времени попусту.
- Власть обязывает, – сказала я, подражая Николаю.

– Должен ли я принести свои поздравления? – спросил он, но в его голосе не слышалось напряжения, только смех. Судя по всему, наследник трона Равки не казался ему такой угрозой, как самоуверенный корсар.

– Как думаешь, Дарклингу тоже приходилось иметь дело с нежелательными притязаниями слюнявых придворных?

Мал захихикал.

– Что смешного?

– Я просто представил, как Дарклинга загоняет в угол взмокшая княгиня, желающая добиться его расположения.

Я фыркнула, а затем согнулась пополам от смеха. Николай и Василий были такими разными – даже не верилось, что в них течет одна кровь. Тут я невольно вспомнила поцелуй Николая, грубое прикосновение губ, когда он прижал меня к себе. Встряхнула головой.

«Может, они и разные, – напомнила я себе, пока мы шли ко дворцу, – но использовать тебя хотят одинаково».

ГЛАВА 17

Наступило лето, принеся в Ос Альту волны приятного жара. Единственным спасением служили озеро или бассейны с холодной водой в бане, расположенной в тени березовой рощи у Малого дворца. Неприязнь равкианских придворных к гришам не мешала им вызывать шквальных и проливных в Большой дворец, чтобы те устраивали сквозняки и расставляли повсюду глыбы льда для охлаждения душных комнат. Едва ли это можно было назвать достойным применением талантов гришей, но я стремилась сделать все возможное, чтобы король и королева были счастливы, поскольку и так лишила их нескольких весьма ценных фабрикатов, которые работали в поте лица над таинственными зеркальными тарелками Давида.

Каждое утро начиналось с собрания совета гришей, – иногда оно длилось несколько минут, иногда часами, – где мы обсуждали отчеты разведки, перемещение войск и новости с северной и южной границ.

Николай все еще надеялся дать бой Дарклингу прежде, чем тот соберет всю мощь своей теневой армии, но пока что равкианская сеть шпионов и информаторов не смогла обнаружить его местоположение. Шансы, что нам придется сражаться с ним в Ос Альте, с каждым днем возрастали. Нашим единственным преимуществом было то, что Дарклинг не мог просто насладиться на нас ничеггой. Ему нужно держаться поблизости от своих питомцев, а значит, придется пробраться в столицу вместе с ними. Главный вопрос состоял в том, где именно он пересечет границу Равки – со стороны Фьерды или Шухана.

Стоя в центре комнаты перед советом гришей, Николай указал на одну из огромных карт на стене.

– В прошлую кампанию мы вернули большую часть этой территории, – сказал он, указывая на северную границу с Фьердой. – Это лесная чаща, которую практически невозможно пересечь, когда ее реки не скованы льдом, а все подъездные пути к ней заблокированы.

– Там дислоцированы гриши? – поинтересовалась Зоя.

– Нет, – ответил Николай. – Но в Уленске много разведчиков. Если он выберет этот путь, нас сразу же предупредят.

– И ему придется идти через Петразой, – сказала Паж. – Независимо от того, решит он пойти через него или в обход, это даст нам больше времени. – За последние пару недель она наконец освоилась и начала принимать активное участие в обсуждениях. Хотя Давид оставался таким же молчаливым и неусидчивым, девушка, казалось, была рада провести время вне мастерской.

– Меня больше беспокоит Вечный Мороз, – сказал Николай, проводя рукой вдоль участка границы над Цибеей. – Он хорошо укреплен. Но территория слишком большая, чтобы охватить ее всю.

Я кивнула. Однажды мы с Малом ходили по этим диким землям, и я помнила, какими они казались бескрайними. Я поймала себя на том, что осматриваю комнату, ища его взглядом, хотя и знала, что он уехал на охоту – на сей раз с группой керчийских стрелков и равкианских дипломатов.

– А если он зайдет с юга? – спросила Зоя.

Николай подал сигнал Федору, тот встал и начал рассказывать гришам о слабых местах южной границы. Поскольку он служил в Сикурске, то хорошо знал эту местность.

– Контролировать все горные перевалы, начиная с Сикурзоя, практически невозможно, – хмуро объявил он. – Шуханские отряды годами пользовались этим преимуществом. Дарклинг с легкостью сможет проскользнуть в Равку незамеченным.

– И тогда он пойдет по маршруту, который ведет напрямую в Ос Альту, – вздохнул Сергей.

– Мимо военной базы в Полизной, – заметил Николай. – Это может сыграть нам на руку. В любом случае, мы будем готовы, когда он явится.

– Готовы? – фыркнул Павел. – К армии неуязвимых монстров?

– Они уязвимые, – Николай кивнул на меня. – И Дарклинг тоже. Уж я-то знаю. Я лично его подстрелил.

Глаза Зои округлились.

– Подстрелил?!

– Да. К сожалению, выстрел был так себе, но уверен, что практика помогает мне совершенствоваться. – Он окинул взглядом гришей, всмотревшись в каждое встревоженное лицо, прежде чем продолжить: – Дарклинг могущественен, но и мы не слабы. Он никогда не сталкивался с мощностью Первой и Второй армий, работающих в тандеме, или с оружием, которое я вам предоставлю. Мы сразимся с ним. Обойдем с флангов. И посмотрим, чьей пуле повезет.

Когда теневая орда Дарклинга сосредоточится на Малом дворце, он станет уязвимым. Вокруг столицы, на расстоянии в две мили друг от друга, расставят небольшие, но хорошо вооруженные отряды гришей и солдат. Едва начнется бой, они замкнут Дарклинга в кольцо и выпустят всю огневую мощь, которую соберет Николай.

В каком-то смысле случится то, чего Дарклинг всегда боялся. И вновь мне вспомнилось, как он описывал новое оружие, производимое за пределами Равки, и что он однажды сказал, прячась под дырявой крышей сарая: «Эпоха гришей подходит к концу».

Пажа прочистила горло.

– Нам известно, что будет с теневыми солдатами, когда мы убьем Дарклинга?

Мне захотелось обнять ее. Я не знала, что произойдет с ничегоями, если нам удастся одолеть Дарклинга. Они могут превратиться в ничто или впасть в безумие, а может, и еще что похуже, но девушка произнесла заветные слова: «Когда мы убьем Дарклинга». Осторожные, неуверенные, но все равно звучащие обнадеживающе.

* * *

Основную часть наших сил мы сосредоточили на защите Ос Альты. В городе была древняя система тревожного оповещения с помощью колоколов, которые возвещали дворец о приближении врага. Получив разрешение отца, Николай установил над городом и дворцовыми стенами мощные пушки, как на борту «Колибри». Несмотря на ворчание гришей, я распорядилась, чтобы их установили и на крыше Малого дворца. Может, пушки и не остановят ничегой, но хотя бы замедлят их.

Постепенно другие гриши начали понимать истинную ценность фабрикаторов. С помощью инфернов субстанциалы пытались создать гранаты, которые вспыхнут достаточно яркой световой вспышкой, чтобы сбить с толку теневых солдат. Проблема заключалась в том, чтобы сделать их без взрывчатых веществ, которые снесут все и всех вокруг. Порой я волновалась, что они подорвут весь Малый дворец и избавят Дарклинга от грязной работы. Регулярно я встречала в обеденном зале гришей с обгорелыми рукавами или опаленными бровями. Пришлось убедить их перенести испытания более опасных изобретений к озеру и расставить проливных поблизости на всякий случай.

Николай так заинтересовался этими изобретениями, что настоял на своем участии в работе над чертежами и расчетами. Сначала фабрикатеры пытались игнорировать его, потом сделали вид, что прислушиваются к нему, но вскоре поняли, что Николай не просто скукающий принц, которому нравится совать нос в чужие дела. Он работал с гришами-отшельниками достаточно долго, чтобы не только понять, в чем состоят идеи Давида, но и с легкостью заговорить на языке Малой науки. Довольно скоро все забыли о его титуле и статусе отказника,

и теперь его часто можно было застать склонившимся над рабочим столом в мастерской субстанциалов.

Меня немало тревожили эксперименты, происходящие за лакированными красными дверями анатомических кабинетов корпоралиов, где они работали вместе с фабрикаторами, пытаясь сплавить сталь гришей с человеческими костями. Суть идеи заключалась в том, чтобы солдат мог выдержать нападение ничегой. Однако процесс шел медленно и болезненно, и в большинстве случаев тело испытуемого просто отторгало металл. Целители делали все возможное, но порой отчаянные крики волонтеров Первой армии эхом разносились по коридорам Малого дворца.

Вторая половина дня отводилась бесконечным встречам в Большом дворце. Сила заклинательницы Солнца являлась ценным рычагом давления равкианских дипломатов, пытавшихся заключить союзы с другими странами, и меня часто просили прийти на их собрания, чтобы продемонстрировать свои способности и доказать, что я действительно жива. Королева устраивала чаепития и званые ужины, на которых я устраивала целое представление. Николай часто к нам присоединялся, чтобы осыпать меня комплиментами, бесстыдно флиртовать или маячить за моим стулом, изображая преданного поклонника.

Но ничто так не утомляло, как «заседания по стратегическим вопросам» с королевскими советниками и командирами. Король редко на них появлялся. Он предпочитал проводить дни, приставая к служанкам и греясь в полудреме на солнце, как старый кот. В его отсутствие болтовне советников не было конца-края. Они спорили о том, стоит ли нам заключить мир с Дарклингом или объявить ему войну. О том, стоит ли вступить в союз с шуханцами или фьерданцами. Спорили о каждой строчке каждой сметы, начиная с количества боеприпасов и заканчивая вопросом о том, чем войска будут завтракать. Крайне редко им удавалось прийти к общему мнению или сделать что-то полезное.

Когда Василий узнал, что мы с Николаем посещаем заседания, он отказался от своей многолетней привычки игнорировать обязанности наследника Ланцовых и настоял на своем присутствии. К моему удивлению, Николай приветствовал его с большим энтузиазмом.

– Какое облегчение! Умоляю, скажи, что можешь в этом разобраться. – Николай подтолкнул к брату огромную стопку бухгалтерских отчетов.

– Что это? – спросил Василий.

– Предложения по ремонту акведука за Чернициным.

– И все это по акведуку?

– Не волнуйся. Я распоряжусь, чтобы остальное доставили тебе в комнату.

– Есть еще? Может, пусть один из министров...

– Ты видел, что случилось, когда отец позволил другим взять на себя правление Равкой. Нужно быть бдительными.

Василий настороженно поднял со стопки верхнюю бумагу, так, словно брал в руки грязную тряпку. Я едва сдерживала смех.

– Василий думает, что сможет править, как наш отец, – поделился со мной Николай позже в тот день, – устраивать банкеты, то и дело произносить речи. Я хочу убедиться, что он понял, каково заниматься делами без Дарклинга или Апрата, готовых сделать работу вместо него.

Мне это показалось хорошим планом, но не прошло и недели, как я бормотала себе под нос проклятия в адрес обоих принцев. Присутствие Василия привело к тому, что заседания длились вдвое дольше. Он пыжился и распускал хвост, словно павлин, выступая по каждому вопросу, толкая длинные и пафосные речи о патриотизме, стратегии и тонкостях дипломатии.

– Никогда не встречала человека, который мог бы так много болтать, и вечно не по делу, – бесилась я, пока Николай вел меня обратно в Малый дворец после особенно тяжелого заседания. – Ты обязан что-нибудь с этим сделать.

– Например?

- Заставь одну из его призовых лошадок лягнуть его в голову.
 - Уверен, они часто испытывают такой соблазн. Василий ленив и тщеславен, и любит искать короткие пути, но нет легкого способа руководить страной. Поверь мне, скоро он устанет от этого.
 - Возможно. Но к тому времени я, скорее всего, умру от скуки.
- Николай рассмеялся.
- Бери флягу на следующее собрание. Каждый раз, как он будет менять свое мнение, делай глоток.
- Я застонала.
- Не пройдет и часа, как я отключусь прямо на полу.

* * *

При помощи Николая я привезла во дворец специалистов по вооружению из Полизной, чтобы познакомить гришей с современным оружием и обучить их стрельбе. И хотя сначала наши собрания проходили в напряжении, со временем положение изменилось. Мы надеялись, что скоро Первая и Вторая армии оттают и подружатся друг с другом. Быстрее всего осваивались отряды гришей и солдат, которым поручили задачу выследить Дарклинга, когда тот подойдет к Ос Альте. Они возвращались с тренировок, воодушевленные чувством товарищества, и обменивались шутками, понятными только им. Ребята даже начали называть себя «нулевыми», поскольку уже не разделялись на Первую и Вторую армии.

Меня беспокоило, как отреагирует на все эти перемены Боткин. Но мужчина, похоже, был прирожденным ассасином и фанатом убийств независимо от выбранных методов и радовался любому поводу поболтать с Толей и Тамарой об оружии.

Поскольку у шуханцев была дурная привычка резать своих гришей скальпелем, мало кто из них присоединился ко Второй армии. Боткин наслаждался общением на родном языке и восхищался свирепостью близнецов. Они не полагались на одни лишь способности корпорялов, как часто делали гриши, выросшие в Малом дворце. Нет, сила сердецита – просто еще одно оружие в их внушительном арсенале.

– Опасный мальчик. Опасная девочка, – прокомментировал наемник, наблюдая однажды утром, как близнецы дерутся с группой корпорялов, пока несколько взволнованных заклинателей ждали своей очереди. Мария и Сергей тоже пришли, Надя, как обычно, плелась сзади.

– Она хуже него, – пожаловался Сергей. Тамара разбила ему губу, и теперь у него возникли трудности с произношением. – Сосюствую ее музу.

– Брак не для нее, – отрезал Боткин в тот миг, когда Тамара швырнула несчастного инферна на пол.

– Почему? – недоуменно спросила я.

– Не для нее. И не для брата, – покачал головой наемник. – Они как Боткин. Рожденные для сражений. Рожденные для войны.

Три корпоряла накинулись на Толю. Через пару секунд все трое стонали, распластавшись на полу. Мне вспомнились слова Толи в библиотеке – что он родился не для того, чтобы служить Дарклингу. Как и многие шуханцы, он избрал путь наемного солдата, путешествуя по миру с теми, кто платит. Но это все равно привело его в Малый дворец. Как долго они с сестрой здесь задержатся?

– Мне она нравится, – сказала Надя, мечтательно поглядывая на Тамару. – Бесстрашная. Боткин рассмеялся.

– «Бесстрашный» – синоним «глупого».

– Я бы не стал говорить ей это ф лисо, – проворчал Сергей, пока Мария вытирала его губу влажной салфеткой.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь, и отвернулась. Я еще не забыла, как эти трое встретили меня в Малом дворце. И хоть они не называли меня подстилкой и не пытались выставить за дверь, они и не вставали на мою защиту, и было бы преувеличением сказать, что мы стали друзьями. Кроме того, я пока не знала, как вести себя в их присутствии. Мы никогда не были близки, и теперь наша разница в статусе казалась непреодолимой пропастью.

«Жене было бы плевать», – внезапно подумалось мне. Она меня знала. Женя смеялась вместе со мной и была уверена во мне, и никакой сверкающий кафтан не помешал бы ей высказать мне ровно то, что она думает, или взять меня под руку, чтобы поделиться свежими сплетнями. Несмотря на всю ее ложь, я сучала по подруге.

Словно в ответ на мои мысли, кто-то дернул меня за рукав и произнес дрожащим голосом:

– *Моя повелительница?*

Надя переминалась рядом со мной с ноги на ногу.

– Я надеялась...

– В чем дело?

Она повернулась к темному углу конюшни и указала на незнакомого юношу в синем кафтане эфиреалов. После того как мы разослали помилования, во дворец потихоньку начали стекаться гриши, но мальчик выглядел слишком молодым, чтобы служить в армии. Он подошел к нам, нервно теребя пальцами рукава кафтана.

– Это Адрик, – представила Надя, обнимая его одной рукой. – Мой брат. – Если присмотреться, между ними можно было найти сходство. – Мы слышали, ты хочешь эвакуировать школу.

– Верно.

Я собиралась отослать учеников в единственное место, где было достаточно пространства для коек и занятий, в место, достаточно просторное, чтобы вместить их всех, в место, находившееся далеко от предстоящей битвы: в Керамзин. Боткин поедет с ними. Мне не хотелось терять столь опытного бойца, но зато младшие гриши смогут продолжить обучение, а он будет приглядывать за ними. Поскольку Багра отказывалась от встреч со мной, я послала к ней слугу с тем же предложением. Она не ответила. Хотя я и пыталась не обращать внимания на ее небрежение, многократные отказы все равно меня ранили.

– Ты ученик? – спросила я Адрика, выкидывая мысли о Багре из головы. Он кивнул, и я заметила, как мальчонка решительно выпятил подбородок.

– Адрик хотел спросить... *мы* хотели спросить...

– Я хочу остаться, – яростно выпалил он.

Мои брови взметнулись вверх.

– Сколько тебе лет?

– Достаточно, чтобы сражаться.

– Он должен был окончить школу в этом году, – вставила Надя.

Я нахмурилась. Этот мальчик всего на пару лет младше меня, но, глядя на него, я видела лишь костлявые ручонки и взъерошенные волосы.

– Поезжай с остальными в Керамзин, – ответила я. – Если захочешь, сможешь присоединиться к нам через год.

«Если будет к кому присоединяться».

– Я хороший шквальный, – не отступал он. – Такой же сильный, как Надя, даже без усилителя.

– Это слишком опасно...

– Это мой дом. Я никуда не уеду.

– Адрик! – упрекнула Надя.

– Все нормально, – заверила я. Адрик выглядел очень возбужденным. Его руки сжались в кулаки. Я посмотрела на Надю. – Уверена, что хочешь, чтобы он остался?

– Я... – начал мальчик.

– Я говорю с твоей сестрой. Если при нападении армии Дарклинга ты погибнешь, именно ей придется тебя оплакивать. – Тут Надя слегка побледнела, но Адрик и глазом не моргнул. Надо отдать ему должное, в нем был стержень.

Надя закусила губу, переводя взгляд с меня на брата.

– Если боишься разочаровать его, подумай, каково будет его хоронить.

Я знала, что это жестоко, но хотела, чтобы они оба поняли, о чем просят.

Девушка замялась, но затем выпрямила плечи.

– Позволь ему принять участие в сражении. Я за то, чтобы он остался. Если отошлешь его, уже через неделю он опять окажется у ворот.

Я вздохнула и перевела взгляд на Адрика. Его лицо сияло улыбкой.

– Другим ученикам ни слова. Не хочу, чтобы они брали дурное в голову. – Ткнула пальцем в Надю. – Под твою ответственность.

– Благодарю, *моя правительница*. – Адрик поклонился так низко, что чуть не упал.

Я уже жалела об этом решении.

– Отведи его обратно на занятия.

Я наблюдала, как они идут через холм к озеру, а потом привела себя в порядок и направилась в маленькую тренировочную комнату, где и обнаружила Мала, дерущегося с Павлом. В последнее время он все реже и реже появлялся в Малом дворце. После его возвращения из Балакирева приглашения так и сыпались – на охоту, пирушки, рыбалки, вечера за картами. Казалось, все дворяне и офицеры хотели видеть его на своих мероприятиях.

Иногда его не было всего лишь день, иногда несколько. Это напоминало мне жизнь в Керамзине – как я смотрела ему вслед, а затем ежедневно ждала его возвращения у кухонного окна. Но, если быть откровенной, в те дни, когда Мала не было, мне становилось чуть ли не легче. Когда он заглядывал в Малый дворец, я чувствовала себя виноватой, что не могу провести с ним больше времени, и злилась, что гриши игнорировали его или разговаривали как со слугой. Как бы я ни скучала, я поощряла его отъезды.

«*Так будет лучше*», – уверяла я себя. Пока он не дезертировал, чтобы помочь мне, Мал был следопытом со светлым будущим, окружен друзьями и поклонниками. Ему не подходит быть стражем у дверей или наблюдателем в углу комнаты, играть роль моей покорной тени, пока я хожу с одного собрания на другое.

– Я могла бы смотреть на него весь день, – произнес голос позади меня. Я напряглась. Рядом встала Зоя. Даже в душевной комнате на ней не выступило ни капельки пота.

– Ты не считаешь, что от него воняет Керамзином? – поинтересовалась я, вспомнив злобные слова, которые она однажды мне бросила.

– Я считаю, что представители низших классов обладают неким грубым шармом. Дай мне знать, когда закончишь с ним, договорились?

– Что, прости?

– О, я что-то неправильно поняла? Вы двое, кажется, так... близки. Хотя, уверена, теперь твоя планка значительно поднялась.

Я резко повернулась к ней.

– Зоя, что ты тут делаешь?

– Пришла на тренировку.

– Ты знаешь, что я имею в виду. Что ты делаешь в Малом дворце?

– Я – солдат Второй армии. Мое место здесь.

Я скрестила руки на груди. Пришло время решить наш вопрос.

– Я тебе не нравлюсь, и ты никогда не упускала возможности это показать. С чего вдруг ты переметнулась на мою сторону?

– А какой у меня выбор?

– Уверена, Дарклинг с радостью примет тебя обратно.

– Ты приказываешь мне уйти? – К ней вернулся привычный надменный тон, но я видела, что девушка боялась. Я ощутила маленькую, виноватую, но очень радостную волну ликования.

– Я хочу знать, почему ты так настроена остаться.

– Потому что я не хочу жить во тьме. Потому что ты – наша последняя надежда.

Я помотала головой.

– Слишком просто.

Зоя вспыхнула:

– Я что, должна умолять?

А что, так можно? Лично я была бы не против.

– Ты тщеславна. Амбициозна. Ты была готова на все, чтобы добиться внимания Дарклинга. Так что изменилось?

– Что изменилось? – запнулась она. Ее губы сжались в тонкую линию, руки по бокам бессильно опустились. – Моя тетя жила в Новокрибирске. И племянница. Дарклинг мог рассказать мне, что задумал. Если бы я могла их предупредить... – Ее голос сорвался, и мне тут же стало стыдно за свою радость от ее замешательства.

В ушах прозвучали слова Багры: «Вижу, ты быстро привыкаешь к власти. Чем больше она растет, тем голоднее становится». И все же, можно ли доверять Зое? Был ли настоящим блеск в ее глазах или это всего лишь притворство? Девушка сглотнула слезы и сердито посмотрела на меня.

– Ты все еще мне не нравишься, Старкова. И это вряд ли изменится. Ты неуклюжая и простая, как валенок, и у меня в голове не укладывается, как такая сила могла достаться тебе. Но ты – заклинательница Солнца, и если свобода Равки зависит от тебя, я готова сражаться под твоим знаменем.

Я окинула ее задумчивым взглядом, отметив два ярко горящих пятна на щеках и подрагивающие губы.

– Ну? – поторопила Зоя, и я видела, что этот вопрос дался ей нелегко. – Ты выгонишь меня?

Я выждала еще пару секунд.

– Можешь остаться. Пока что.

– У вас все в порядке? – поинтересовался Мал. Мы даже не заметили, что бой окончился.

В ту же секунду неуверенность Зои вдруг испарилась. Она одарила парня ослепительной улыбкой.

– Я слышала, ты творишь чудеса с луком и стрелами. Может, преподашь мне урок?

Мал перевел взгляд с Зои на меня.

– Возможно, позже.

– Буду ждать. – С этими словами девушка развернулась и ушла, тихо шурша шелковой мантией.

– И что это было? – спросил Мал, когда мы начали подниматься по холму в Малый дворец.

– Я ей не доверяю.

Он минуту помолчал, а затем смущенно начал:

– Алина... то, что случилось в Крибирске...

Я тут же оборвала его речь. Не хотела знать, чем они там занимались с Зоей в лагере гришей. Да и вообще, дело совсем не в этом!

– Она была одной из любимиц Дарклинга и всегда меня ненавидела.

– Наверное, она просто тебе завидовала.

– Зоя сломала мне два ребра.

– Что?!

– Случайность. Вроде бы. – Я так и не рассказала Малу о том, каково мне было, пока я не научилась использовать свою силу; о тех бесконечных, одиноких днях, полных неудач. – Я просто не знаю, кому она верна на самом деле. – Я потерла шею – казалось, все мои мускулы напряжены. – Я ни в ком не уверена. Ни в гришах. Ни в слугах. Любой из них может работать на Дарклинга.

Мал осмотрелся. В кои веки за нами, похоже, никто не наблюдал. Поддавшись порыву, он взял меня за руку.

– Через два дня Грицкий устраивает вечер с предсказаниями в верхнем городе. Поехали со мной?

– Грицкий?

– Его отец – Степан Грицкий, огуречный король. Новые деньги, – сказал Мал, успешно пародируя самодовольного дворянина. – И у его семьи свой дворец у канала.

– Не могу, – покачала я головой, помня о собраниях, зеркальных тарелках Давида, эвакуации школы. Казалось неправильным идти на вечеринку, когда всего через несколько дней или недель начнется война.

– Можешь, – возразил Мал. – Всего на пару часов.

Это было так заманчиво – провести с Малом немного времени вдали от забот Малого дворца.

Должно быть, он почувствовал мою нерешительность.

– Мы переоденем тебя в одну из актрис. Никто и не узнает, что с нами заклинательница Солнца.

Вечер начнется поздно, к тому времени мы закончим работать. Я пропущу одну ночь бесплодных поисков в библиотеке. Что плохого может случиться?

– Ладно. Пойдем.

Его лицо расплылось в такой широкой улыбке, что у меня перехватило дыхание. Вряд ли я когда-нибудь привыкну, что кто-то мог вот так улыбаться *мне*.

– Толе и Тамаре это не понравится, – предупредил Мал.

– Они – моя стража и следуют моим приказам.

Мал встал по стойке смирно и элегантно поклонился.

– Да, *моя правительница*, – произнес он серьезным голосом. – Мы живем, чтобы служить вам.

Я закатила глаза, но пока мы шли в мастерскую субстанциалов, мне первые за много недель стало легко на душе.

ГЛАВА 18

Усадьба Грицких находилась в районе канала, который считался наименее престижной частью верхнего города из-за близости к мосту и к кварталам простого люда на противоположном его конце. Роскошный небольшой дом соседствовал с военным мемориалом с одной стороны и садами монастыря Санкты-Елизаветы с другой.

Мал добыл нам карету на вечер, и мы втиснулись в нее вместе с очень недовольной Тамарой. Они с Толей долго и шумно ругались из-за предстоящего вечера, но я дала ясно понять, что не передумаю. Я также взяла с них обещание молчать; не хотела, чтобы слух о моей маленькой экскурсии за дворцовые ворота дошел до Николая.

Мы все переоделись в сулийских предсказателей – на нас были ярко-оранжевые шелковые плащи и красные лакированные маски, напоминавшие шакалов. Толя остался во дворце. Даже в маскарадном костюме его гигантские размеры привлекли бы слишком много внимания.

Мал сжал мою руку, и я почувствовала прилив радостного нетерпения. В плаще было невыносимо жарко, и лицо чесалось под маской, но мне было плевать. Казалось, будто мы вернулись в Керамзин и, позабыв о домашних обязанностях и не боясь наказания поркой, сбежали на наш луг. Там мы бы валялись в прохладной траве, прислушивались к жужжанию насекомых и наблюдали за пролетающими в небе облаками. Теперь эта умиротворенность была в далеком прошлом.

Улица, ведущая к усадьбе огуречного короля, была заполнена экипажами. Мы свернули в проулок рядом с монастырем, чтобы смешаться с группой артистов у черного хода.

Когда мы вышли из кареты, Тамара аккуратно расправила свой плащ. Они с Малом спрятали оружие под оранжевыми шелками, и я знала, что к каждой ноге девушки были прикреплены ее любимые топоры.

– А вдруг кто-то захочет, чтобы я предсказала его будущее? – спросила я, затягивая шнурки маски и надевая капюшон.

– Навешай им той же лапши, что и все, – ответил Мал. – Встреча с прекрасной незнакомкой, неожиданное богатство. Остерегайтесь числа восемь.

Черный ход вел мимо наполненной паром кухни в задние комнатки усадьбы. Но как только мы вошли внутрь, меня схватил за руку мужчина в ливрее дома Грицких.

– И что, по-твоему, ты делаешь? – встряхнул он меня. Рука Тамары потянулась к бедру.

– Я...

– Вы трое давно должны обходить комнаты! – Он подтолкнул нас ко входу в главные комнаты. – Не задерживайтесь слишком долго у одного гостя. И не дай святые, я поймаю вас за распиванием алкоголя!

Я кивнула, пытаясь уговорить колотящееся сердце, и мы поспешили в бальный зал. Огуречный король не пожалел расходов. Усадьбу украсили так, что она напоминала настоящий сулийский лагерь, самый декадентский, какой только можно представить. С потолка свисали тысячи лампочек в форме звезд. По бокам зала стояли укрытые шелком фургоны расписного каравана, и липовые костры сияли пляшущими разноцветными огоньками. Двери на террасу были распахнуты, и ночной воздух гудел от ритмичных звуков цимбал и протяжной мелодии скрипок.

Я увидела в толпе настоящих сулийских гадалок и вдруг осознала, как жутко мы выглядим в масках шакалов, но гости не выказывали недовольства. Большинство из них уже хорошо приняли на грудь и разделились на шумные группы: смеялись, перекрикивали друг друга и с восторгом наблюдали за акробатами под потолком, кружащимися на шелковых качелях. Некоторые, покачиваясь, сидели на стульях и слушали, что говорит об их судьбе кофейная гуща на дне позолоченных кофейников. Другие трапезничали за длинным столом, установлен-

ным на террасе, поглощая фаршированный инжир и гранатовые зерна мисками и хлопая в такт музыке.

Мал протянул мне стаканчик кваса, и мы нашли лавочку в темном углу террасы, а Тамара заняла пост неподалеку от нас. Я положила голову на плечо Малу, наслаждаясь нашей близостью и слушая звонкие удары и бренчание музыки. Воздух был насыщен ароматом какого-то ночного цветка и лимонными нотками. Я глубоко вдохнула, ощущая, как усталость и страхи последних недель начинают отступать. Затем скинула тапочки и уперлась ногами в холодный гравий.

Мал поправил капюшон, чтобы спрятать лицо, и приподнял маску, после чего потянулся к моей и сделал то же самое. Парень наклонился ко мне. Наши шакальи морды стукнулись друг об друга.

Я рассмеялась.

– В следующий раз надо подобрать костюмы получше, – проворчал он.

– С большими шляпами?

– Может, просто наденем на головы корзинки?

К нам, покачивая бедрами, подошли две девушки. Тамара мгновенно оказалась рядом. Мы опустили маски на лицо.

– Предскажите нам будущее! – потребовала высокая гостья, чуть не упав на подругу.

Тамара покачала головой, но Мал указал на маленький столик с голубыми эмалевыми чашками, расставленными вокруг позолоченного кофейника.

Девушки взвизгнули и налили себе немного кофе с осадком. Сулийцы читали по кофейной гуще на дне чашки. Девушка выпила кофе и скривилась.

Я ткнула Мала в бок. И что теперь?

Он встал и подошел к столику.

– Хм-м-м, – промычал парень, глядя в чашку. – Хм-м-м.

Девушка схватила его за руку.

– Что там?

Он подозвал меня. Я сжала зубы и тоже склонилась над чашкой.

– Неужели все так плохо? – застонала девушка.

– Все-е-е... хорошо-о-о, – произнес Мал с самым отвратительным сулийским акцентом, который я когда-либо слышала.

Гостья вздохнула с облегчением.

– Вы-ы-ы встретить краси-и-ивого незнакомца.

Девушки захихикали и всплеснули руками. Я не смогла удержаться и вмешалась:

– Он будет о-о-очень злым. – Мое произношение звучало даже хуже, чем у Мала. Если бы меня услышала настоящая сулийка, то наверняка поставила бы фингал. – Вы должны бежать от этот мужчина.

– О... – девушки разочарованно вздохнули.

– Вы должны выйти замуж за уро-о-одца! Очень толстый. – Я вытянула перед собой руки, показывая огромный живот. – О-о-он сделать вас счастливым.

Мал фыркнул под маской.

Гостья шмыгнула носом.

– Не нравится мне это предсказание. Пошли, попытаем счастья с кем-нибудь другим.

Когда они ушли, их место заняли два сильно подвыпивших дворянина.

У одного был крючковатый нос и двойной подбородок. Второй опустошил чашку с кофе с такой быстротой, словно в ней был квас, и стукнул ею об стол.

– Итак, – промямлил он, подергивая щетинистыми рыжими усами. – Что мне уготовано? Вам же лучше, если что-то хорошее.

Мал сделал вид, что изучает гушу.

– Вы станете о-о-очень бога-а-атым.

– Я уже богат. Что еще?

– Э-э... – запнулся Мал. – Ваша жена родить три красивых мальчика.

Его товарищ с крючковатым носом разразился хохотом.

– Тогда они *точно* не от тебя! – протянул он.

Я думала, что дворянин оскорбится, но тот заржал, и его без того красное лицо заалело еще больше.

– Нужно поздравить лакея! – взревел он.

– Я слышал, во всех знатных семьях есть бастарды, – хихикнул его друг.

– У нас есть и собаки, но мы не приглашаем их за стол!

Я скривилась под маской. Что-то мне подсказывало, что они намекали на Николая.

– Ой, матушки, – сказала я, выхватывая чашку из руки Мала. – Ой, матушки, как же грустно.

– Что такое? – спросил дворянин, не прекращая смеяться.

– Вы полысеть. Очень полысеть.

Мужчина умолк, и его мясистая рука невольно поднялась к уже редющим волосам.

– А вы, – ткнула я в его друга. Мал предупредительно наступил мне на ногу, но я проигнорировала его. – Вы подхватите *корпу*!

– Чего?

– Корпу! – мрачно объявила я. – Ваш маленький друг съжится до размера горошинки!

Мужчина побледнел. Сглотнул.

– Но...

В эту секунду из бального зала раздались крики и грохот, вызванный перевернувшимся столом. Я увидела двух дерущихся мужчин.

– Думаю, пора уходить, – сказала Тамара, уводя нас подальше от толпы.

Только я собралась было возразить, как драка разошлась вовсю. Люди начали пихаться, толпясь в дверях на террасу. Музыка остановилась, и, похоже, некоторые предсказатели тоже вступили в бой. Взглянув поверх голов, я увидела, как один из шелковых фургонов рухнул на пол. Кто-то помчался в нашу сторону и врезался в дворянина. Кофейник свалился со стола, и следом полетели голубые чашечки.

– Уходим, – рявкнул Мал, потянувшись за пистолетом. – Обойдем дом сзади!

Тамара возглавила путь, держа в руках топоры. Я пошла за ней по ступенькам, но когда мы спустились с террасы, послышался очередной ужасный грохот и женский крик. Одну девушку придавило банкетным столом.

Мал спрятал пистолет в кобуру и крикнул Тамаре:

– Отведи ее к карете. Я догоню!

– Мал...

– Идите! Я сразу за вами. – Парень ворвался в толпу и направился к придавленной девушке.

Тамара потянула меня к лестнице в сад и повела по тропинке, идущей вокруг усадьбы к выходу на улицу. Тут, вдали от света праздничных ламп, царила тьма. Я позволила небольшому огоньку разгореться на ладони, чтобы было видно, куда идти.

– Перестань, – одернула меня Тамара. – Возможно, это диверсия. Так ты выдашь наше местоположение.

Я потушила свет и через секунду услышала звуки потасовки, громкий «ох!», а затем... тишину.

– Тамара?

Оглянулась в сторону дома, надеясь увидеть Мала на подходе.

Сердце заколотилось. Я подняла руки. Плевать, если это выдаст нас. Я не собиралась просто стоять в темноте. Но тут раздался скрип ворот, меня быстро схватили чьи-то сильные руки и потащили сквозь изгородь.

Свет озарил мои ладони жаркой вспышкой. Я оказалась в мощеном дворе, примыкавшем к главному саду и окаймленному со всех сторон тисовой изгородью. И я была не одна.

Я учуяла его раньше, чем увидела – взрыленная земля, ладан, плесень. Запах могилы. Я подняла руки, и Апрат вышел из тени. Священник выглядел так же, каким я его помнила – та же черная спутанная борода и беспокойный взгляд. На нем была коричневая роба, намекающая на его положение, но двуглавый королевский орел исчез с груди, сменившись солнечными лучами, вышитыми золотыми нитями.

– Не двигайтесь, – предупредила я.

Мужчина низко поклонился.

– Алина Старкова, Солнечная королева. Я не причиню тебе вреда.

– Где Тамара? Если ее ранили...

– Твою стражу не тронут, но, умоляю, выслушай меня.

– Чего вы хотите? Как вы узнали, что я буду здесь?

– Верующие повсюду, Солнечная королева.

– Не называйте меня так!

– С каждым днем твоя священная армия растет, ведомая лучами твоего света. Они ждут, когда ты их возглавишь.

– Моя армия? Я видела пилигримов, разбивших лагерь за городскими стенами: нищие, слабые, голодные – все они жаждут тех огрызков надежды, которыми вы их кормите.

– Есть и другие. Солдаты.

– Люди, которые считают меня святой, потому что вы пичкаете их ложью?

– Это не ложь, Алина Старкова. Ты – дочь Керамзина, переродившаяся в Каньоне.

– Я не умирала! – яростно выпалила я. – Я выжила, потому что сбежала от Дарклинга, и для этого мне пришлось убить целый скиф солдат и гришей. Об этом вы не рассказывали своим последователям?

– Твой народ страдает. Только ты способна подарить ему зарю новой эры – эры, благословленной священным огнем.

Его глаза сверкали такой глубокой чернотой, что я не видела зрачков. Но реально ли его безумие, или это часть какого-то хитроумного плана?

– И кто же будет править в этой новой эре?

– Ты, конечно. Солнечная королева, Санта-Алина.

– А вы будете моей правой рукой? Я прочитала вашу книгу. Святые долго не живут.

– Пойдем со мной, Алина Старкова.

– Я никуда с вами не пойду.

– Ты пока недостаточно сильная, чтобы сразиться с Дарклингом. Я могу это изменить. Я замерла.

– Расскажите, что вам известно.

– Присоединяйся ко мне и все узнаешь.

Я накинулась на него, удивившись приступу жадной ярости, охватившему меня.

– Где жар-птица?! – Я думала, что он изобразит притворную растерянность, недоумение. Вместо этого Апрат улыбнулся, обнажив черные десны и кривые зубы. – Скажи мне, священник, – приказала я, – или я разрежу тебя на месте. Пусть твои последователи попробуют собрать тебя воедино своими молитвами.

Вздрогнув, я осознала, что говорю всерьез. Впервые Апрат выглядел так, будто занервничал. Вот и славно. А он что думал, я буду ручной святой?

Мужчина поднял руки в успокаивающем жесте.

– Я не знаю, клянусь. Но когда Дарклинг покидал Малый дворец, то не думал, что это будет в последний раз. Он оставил много ценных вещей, которые, как все думали, давно уничтожены.

Во мне всколыхнулась новая волна голода.

– Записи Морозова? Они у вас?

– Пойдем со мной, Алина Старкова. Многие секреты зарыты глубоко.

Может ли быть, что он говорит правду? Или просто хочет сдать меня Дарклингу?

– Алина! – раздался где-то с другой стороны изгороди голос Мала.

– Я тут!

Парень ворвался в сад, держа в руке пистолет. Тамара примчалась вслед за ним. Она потеряла один из топоров, и ее плащ испачкался кровью.

Роба Апрата взметнулась затхлым вихрем, и мужчина скрылся в кустах.

– Стойте! – крикнула я, рванув за ним. Тамара пробежала мимо меня, издав свирепый рев, и нырнула в кусты.

– Он нужен мне живым! – проорала я ей в спину.

– Ты цела? – выдохнул Мал, встав рядом со мной.

Я схватила его за рукав.

– Мал, по-моему, у него есть записи Морозова.

– Он не ранил тебя?

– Я могу справиться с дряхлым священником, – нетерпеливо ответила я. – Ты слышал, что я сказала?

Парень отстранился.

– Да, вполне отчетливо. Я думал, ты в опасности.

– Нет. Я...

Но к нам уже возвращалась Тамара, ее лицо было искажено от ярости.

– Ничего не понимаю, – покачала она головой. – Он просто исчез!

– Святые! – с досадой воскликнула я.

Девушка опустила голову.

– Прости меня.

Никогда не видела ее такой расстроенной.

– Все нормально.

Мой мозг кипел от ярости. Часть меня хотела пойти по той тропе и позвать Апрата, потребовать, чтобы он явился перед нами, кинуться за ним в погоню по улицам города и преследовать его до тех пор, пока я не вырву правду из его лживого рта. Я оглядела ряд живой изгороди. Позади все еще слышались крики с вечеринки, а где-то во мраке начали звонить монастырские колокола. Я вздохнула.

– Давайте пойдем отсюда.

Мы нашли нашу карету в узком переулке, где ее и оставили. По дороге во дворец все напряженно молчали.

– Эта драка была не случайной, – наконец сказал Мал.

– Ага, – согласилась Тамара, прижимая платок к глубокому порезу на подбородке. – Он знал, что мы там будем.

– Но откуда? – спросил Мал. – Никто не знал, что мы туда поедем. Ты говорила Николаю?

– Он не имеет к этому никакого отношения, – заявила я.

– Как ты можешь быть так уверена?

– Потому что ему от этого никакой пользы, – я прижала пальцы к вискам. – Может, кто-то видел, как мы покидали дворец.

– Как Апат смог незаметно проникнуть в Ос Альту? Откуда он вообще знал, что мы будем на этом вечере?

– Понятия не имею, – устало ответила я. – Он сказал, что верующие повсюду. Может, нас подслушала одна из служанок.

– Сегодня нам повезло, – сказала Тамара. – Все могло закончиться куда хуже.

– Он не представлял никакой опасности, – возразила я. – Просто хотел поговорить.

– И что он сказал?

Я вкратце передала ей наш диалог, но не упомянула о записях Морозова. Я ни с кем не говорила о них, кроме Мала, а Тамара и так слишком много знала об усилителях.

– Он набирает что-то вроде армии, – закончила я. – Из людей, которые верят, что я восстала из мертвых. Которые считают, что я обладаю какой-то священной силой.

– И сколько их? – полюбопытствовал Мал.

– Не знаю. И не представляю, что он намеревается с ними делать. Организует поход на короля? Отправит на битву с ордой Дарклинга? На мне и так лежит ответственность за гришей. Мне не нужен груз в виде армии беспомощных отказников.

– Мы не такие уж и беспомощные, – глухо пробормотал Мал.

– Я не... Я просто хотела сказать, что он использует этих людей. Подпитывает их надежды.

– И чем это отличается от того, как Николай выставляет тебя напоказ в каждой деревне?

– Николай не рассказывает басни о том, что я бессмертная и могу творить чудеса.

– Нет. Он просто позволяет им самим в это поверить.

– Почему ты постоянно на него нападаешь?

– Почему ты так яростно его защищаешь?

Я отвернулась. Я чувствовала себя усталой, раздраженной, и не в силах была разобраться в хаосе, царящем в моей голове. Освещенные улицы верхнего города мелькали в окне кареты. Всю оставшуюся часть дороги мы провели в молчании.

* * *

Вернувшись в Малый дворец, я переоделась, пока Мал и Тамара описывали Толе все случившееся.

Я сидела на кровати, когда Мал постучал в дверь. Он запер ее за собой и прислонился к ней спиной, окидывая комнату взглядом.

– До чего же тут мрачно. Мне казалось, ты подумывала о ремонте.

Я пожала плечами. У меня было так много других забот, что я почти привыкла к злобной и тихой комнате.

– Ты веришь, что записи действительно у него? – спросил Мал.

– Меня удивило, что он вообще знает об их существовании.

Мал подошел к кровати, и я подобрала ноги, чтобы освободить ему место.

– Тамара права. Все могло закончиться куда хуже.

Я вздохнула.

– Да уж, посмотрела на город, называется.

– Не стоило мне просить тебя поехать.

– Мне не стоило соглашаться.

Мал кивнул и шаркнул носком ботинка по полу. Затем тихо сказал:

– Я скучаю по тебе.

Ласковые слова, но от них по моему телу прошла мучительная, долгожданная дрожь. Неужели часть меня в нем сомневалась? Мал так часто отсутствовал...

Я коснулась его руки.

– И я по тебе.
– Пошли со мной завтра на озеро стрелять по мишеням.
– Не могу. Мы с Николаем встречаемся с делегацией керчийских банкиров. Они хотят посмотреть на заклинательницу Солнца, прежде чем пообещать короне кредит.
– Скажи, что заболела.
– Гриши не болеют.
– Ну, тогда скажи, что у тебя другие планы.
– Не могу.
– У других гришей есть время...
– Я не такая, как *другие* гриши! – выпалила я грубее, чем хотела бы.
– Знаю, – устало сказал он. Потом шумно выдохнул. – Святые, как же я ненавижу это место.

Я часто заморгала, удивившись ярости в его голосе.

– Правда?

– Ненавижу пирушки. Ненавижу людей. Ненавижу всю его сущность.

– Мне казалось... ты выглядел... не то чтобы счастливым, но...

– Мне здесь не место, Алина. И не говори, что ты не заметила этого.

Я в это не верила. Мал везде приживался.

– Николай говорит, что все тебя обожают.

– Я кажусь им забавным. Это не одно и то же. – Он перевернул мою ладонь и провел пальцем вдоль шрама. – Знаешь, я даже скучаю по тем временам, когда мы были в бегах. Даже по тому грязному пансиону в Кофтоне и по работе на складе. По крайней мере, тогда я чувствовал, что делаю что-то важное, а не прохлаждаюсь и собираю сплетни.

Я беспокойно заерзала, чувствуя необходимость занять оборонительную позицию.

– Ты хватаешься за любую возможность уехать отсюда. Необязательно принимать каждое приглашение.

Он уставился на меня.

– Я уезжаю, чтобы защитить тебя, Алина.

– От чего? – недоуменно спросила я.

Парень встал и начал нервно расхаживать по комнате.

– О чем, по-твоему, меня спрашивают на охоте? Первым делом? Люди хотят узнать о нас с тобой. – Он повернулся ко мне и заговорил грубым насмешливым голосом: – «Это правда, что ты спишь с заклинательницей Солнца? И как оно, со святой? А она падкая только на следопытов или в ее постели побывала вся прислуга?» – Он скрестил руки. – Я уезжаю, чтобы держать дистанцию между нами и пресечь эти слухи. Мне, наверное, даже не стоит сейчас быть здесь!

Я обхватила руками колени и прижала их к груди. Щеки горели от стыда.

– Почему ты ничего не сказал?

– А что тут скажешь? Да и когда? Мы почти не видимся.

– Я думала, что тебе нравилось уезжать.

– Я хотел, чтобы ты попросила меня остаться.

В горле запершило. Я открыла рот, чтобы сказать, что он несправедлив, ведь я не могла догадаться о его желаниях. Но правда ли это? Может, я действительно верила, что Мал чувствует себя счастливее вдали от Малого дворца. Или же просто убедила себя в этом, потому что так легче – одним человеком, который наблюдает и чего-то хочет от меня, меньше.

– Прости, – прохрипела я.

Он поднял руки, словно хотел добавить что-то еще, но затем беспомощно опустил их.

– Я вижу, как ты ускользаешь от меня, и не знаю, как это предотвратить.

Глаза защипало от слез.

– Мы что-нибудь придумаем. Выделим друг другу больше времени...

– Дело не только в этом. С тех пор, как ты надела второй усилитель, ты изменилась. – Моя рука невольно потянулась к окову. – Ты расколола купол, и эти твои разговоры о жар-птице... Я слышал твою беседу с Зоей на днях. Она была напугана, Алина. И ты этим наслаждалась.

– Может, и так, – сказала я, чувствуя прилив гнева. Лучше ощущать злость, чем вину или стыд. – И что? Ты понятия не имеешь, какая она и каково мне приходилось в этом месте. Страх, ответственность...

– Я знаю. Знаю. И вижу, как это на тебе сказывается. Но ты сама приняла решение. У тебя есть цель. Я же не понимаю, что вообще тут делаю.

– Не говори так, – я свесила ноги с кровати и встала. – У нас есть цель. Мы пришли сюда ради Равки. Мы...

– Нет, Алина. *Ты* пришла ради Равки. Ради жар-птицы. Чтобы возглавить Вторую армию. – Мал постучал пальцем по солнцу над своим сердцем. – Я же пришел ради тебя. *Ты* – мой флаг. *Ты* – моя нация. Но похоже, это больше не имеет значения. Ты хоть понимаешь, что это первый раз за много недель, когда нам удалось побыть вдвоем?

Осознание этого заставило нас обоих замолчать. В комнате стало неестественно тихо. Мал сделал осторожный шаг в мою сторону. Затем пересек расстояние между нами двумя широкими шагами. Одной рукой взял меня за талию, а другую поднял к щеке. Ласково заставил меня поднять голову.

– Вернись ко мне, – прошептал он. Мал привлек меня к себе, но когда наши губы соприкоснулись, я что-то заметила краем глаза.

За Малом стоял Дарклинг. Я окаменела.

Мал отстранился.

– Что такое?

– Ничего. Просто... – Я замолкла. Не знала, что сказать.

Дарклинг не исчезал.

– Скажи ему, что видишь меня, когда стоишь в его объятиях, – прошептал он.

Я зажмурилась.

Мал опустил руки и отошел от меня, сжимая кулаки.

– Ну, наверное, это все, что мне следовало знать.

– Мал...

– Зря ты меня не остановила. Все это время я стоял здесь и распинался, как дурак. Если ты меня не хочешь, нужно было сразу так и сказать.

– Не расстраивайся, следопыт, – произнес Дарклинг. – Любого мужчину можно оставить в дураках.

– Дело не в этом... – возразила я.

– В Николае?

– Что? Нет!

– Еще один отказник, Алина? – усмехнулся Дарклинг.

Мал с отвращением покачал головой.

– Я позволил ему вытеснить меня. Встречи, собрания совета, званые ужины. Я дал ему убрать себя с дороги. Просто ждал и надеялся, что ты достаточно по мне соскучишься, чтобы послать их всех к чертям собачьим.

Я слотнула, пытаясь не смотреть на ехидную улыбку Дарклинга.

– Мал, Дарклинг...

– Не хочу о нем больше слышать! И о Равке, и об усилителях – обо всем! – Он резко рассек рукой воздух. – С меня хватит. – Мал крутанулся на каблуках и решительно пошел к двери.

– Стой! – Я побежала за ним и потянулась к его руке.

Парень так быстро развернулся, что я едва в него не врезалась.

- Не надо, Алина.
- Ты не понимаешь...
- Тебя *передернуло*. И попробуй скажи, что нет.
- Да, но не из-за тебя!

Парень грубо рассмеялся.

– Я знаю, что твой опыт небогат. Но я целовал достаточно девушек, чтобы знать, что это значит. Не беспокойся. Больше этого не произойдет.

Слова ударили меня, словно пощечина. Мал захлопнул за собой дверь.

Я замерла, глядя на нее. Потянулась и дотронулась до костяной ручки.

«*Ты можешь все исправить*, – сказала я себе. – *Сделать все правильно*». Но я продолжала стоять, как статуя. Слова Мала звенели в ушах. Я закусила губу, чтобы сдержать всхлип, от которого сотрясалась грудь. «*Вот так*, – подумала я, и по щекам потекли слезы. – *Чтобы прислуга не услышала*». Между моих ребер зародилось неприятное чувство – твердый, яркий осколок боли, пронзивший меня под грудину и давивший на сердце.

Я не слышала, как приблизился Дарклинг, только ощутила его присутствие. Его длинные пальцы убрали волосы с моей шеи и замерли на ошейнике. Когда он поцеловал меня в щеку, его губы были холодными.

ГЛАВА 19

Рано утром я застала Давида на крыше Малого дворца, где начали устанавливать его гигантские зеркальные тарелки. Он создал временное рабочее пространство в тени одного из куполов, и оно уже сплошь покрылось блестящими осколками и листками черновиков. Легкий ветерок шелестел их краями. На полях одного из них я узнала каракули Николая.

– Как идут дела? – спросила я.

– Лучше, – ответил парень, изучая гладкую поверхность ближайшей тарелки. – Думаю, я правильно рассчитал кривизну. Скоро мы сможем их опробовать.

– Как скоро? – Нам продолжали приходиться противоречивые доклады о местоположении Дарклинга, но если он пока и не закончил создавать свою армию, то времени явно осталось мало.

– Через пару недель, – ответил Давид.

– Так долго?

– Мы работаем не на скорость, а на качество, – проворчал он.

– Давид, мне нужно знать...

– Я уже рассказал тебе все, что знал о Морозове.

– Дело не в нем. Не совсем. Если... если я захочу снять ошейник... Как мне это сделать?

– Никак.

– Не сейчас. Но потом, когда мы...

– Нет, – перебил Давид, не глядя на меня. – Он не такой, как другие усилители. Его нельзя просто снять. Тебе придется сломать его, нарушить структуру. Результат будет катастрофическим.

– Насколько?

– Точно сказать не могу. Но, уверен, Каньон в сравнении с ним покажется незначительной помехой.

– О... – тихо произнесла я.

Значит, такой же результат ждет с оковой. Кем бы я ни становилась, обратного пути нет. Я надеялась, что видения – последствия укуса ничегои, и его действие каким-то образом прекратится, когда рана заживет. Но, похоже, этого не произойдет. А даже если и заживет, я все равно буду навсегда связана с Дарклингом через силу ошейника. И вновь в моей голове возник вопрос: почему он не захотел лично убить морского хлыста и связать нас еще более крепкими узами?

Давид взял пузырек с чернилами и начал крутить его между пальцами. Вид у него был несчастный. *«Не просто несчастный, – подумала я. – Виноватый»*. Это он скрепил нашу связь и навечно обмотал мою шею цепями.

Я ласково забрала у него пузырек.

– Если бы ты отказался, Дарклинг просто нашел бы кого-то другого.

Парень дернулся, изобразив что-то среднее между кивком и пожатием плечами. Я поставила чернила на дальний край стола, куда не могли дотянуться его дрожащие пальцы, и развернулась, чтобы уйти.

– Алина...?

Я остановилась и оглянулась. Щеки парня залились яркой краской. Теплый ветерок взъерошил его косматую копну волос. Слава святым, его ужасная стрижка начала отрастать.

– Я слышал... слышал, что на корабле была Женя. С Дарклингом.

Мне стало немного грустно за подругу. Значит, Давид не был безразличен к ней.

– Да.

– С ней все хорошо? – спросил он с надеждой в голосе.

– Не знаю, – не стала я кривить душой. – Было, когда мы сбежали. – Но если Дарклинг знал, что она нас отпустила, то мог и наказать девушку. Я замешкала. – Я молила ее уйти с нами.

Давид поник.

– Но она осталась?

– Не думаю, что у нее был выбор. – Самой не верилось, что я оправдывала Женю, но мне не хотелось, чтобы мнение Давида о ней изменилось в худшую сторону.

– Я должен был... – Похоже, парень и сам не знал, как закончить это предложение.

Мне хотелось сказать ему что-то утешительное, обнадеживающее. Но в моем прошлом накопилось так много ошибок, что в голову не приходило ничего, что не отдавало бы фальшью.

– Каждый делает то, что в его силах, – пробормотала я.

Тогда Давид посмотрел на меня, и на его лице читалось сожаление. Что бы я ни говорила, мы оба знали жестокую правду. Мы стараемся изо всех сил. Делаем все возможное. Но, как правило, от этого ничего не меняется.

* * *

Мое мрачное настроение продержалось аж до следующей встречи в Большом дворце. План Николая, похоже, работал. Хотя Василий все еще приходил на собрания совета министров, с каждым разом он являлся все позже и позже, и частенько засыпал на них. Однажды, когда он не пришел, Николай вытащил его из кровати, радостно настаивая на том, чтобы брат быстрее одевался, так как без него мы не справимся. Василий, который явно страдал от похмелья, вытерпел половину собрания, покачиваясь во главе стола, прежде чем выбежать в коридор и шумно осквернить лакированную вазу.

Сегодня даже я с трудом держала глаза открытыми. На улице не было ни намека на ветер, и в переполненном зале для собраний стало невыносимо душно. Встреча шла вяло, пока один из генералов не сообщил о сокращении численности войск Первой армии. Их ряды редели от смертей, дезертирства и многих лет жестокой войны, а поскольку вскоре Равка снова вступит в бой как минимум на одном из фронтов, ситуация становилась удручающей.

Василий лишь лениво отмахнулся:

– К чему такой переполох? Просто снизьте призывной возраст.

Я выпрямилась.

– И насколько?

– Четырнадцать? Пятнадцать? – предложил Василий. – Какой он сейчас?

Я подумала обо всех деревнях, через которые проезжали мы с Николаем, о кладбищах, тянувшихся на мили.

– Ой, почему бы тогда не понизить сразу до двенадцати? – огрызнулась я.

– Служить своей стране никогда не рано, – объявил принц.

Не знаю, было ли дело в усталости или злости, но слова сорвались с моих уст прежде, чем я успела их обдумать:

– В таком случае, зачем останавливаться на двенадцати? Я слышала, что из младенцев получается отличное пушечное мясо.

Со стороны королевских советников раздался неодобрительный ропот. Николай потянулся под столом и сжал мою руку в знак предупреждения.

– Брат, новый призыв не удержит их от дезертирства, – обратился он к Василию.

– Значит, нужно найти дезертиров и наказать их в назидание другим.

Николай вздернул бровь.

– Ты уверен, что смерть от расстрельной команды страшнее, чем перспектива быть разорванным на кусочки ничегоями?

– Если они вообще существуют, – фыркнул принц.

Я не верила собственным ушам.

Но Николай просто мило улыбнулся.

– Я лично видел их на борту «Волка волн». Ты же не станешь подозревать меня во лжи?

– Ты же не станешь заявлять, что измена предпочтительней честной службе в королевской армии?

– Я просто предполагаю, что эти люди любят жизнь так же сильно, как и ты. У них почти нет экипировки, ресурсов и надежды. Если ты читал доклады, то знаешь, что офицерам с трудом удается поддерживать порядок в полках.

– Тогда им нужно ужесточить наказания. Только такой язык крестьяне и понимают.

Однажды я уже ударила принца. Одним больше, одним меньше. Я привстала с места, но Николай дернул меня обратно.

– Они понимают язык полного желудка и четких указаний. Если ты позволишь мне внести некоторые изменения, я бы предложил открыть казну для...

– Жизнь не пляшет под твою дудку, *младший братец*.

Комната затрещала от напряжения.

– Мир меняется, – ответил Николай со стальными нотками в голосе. – И мы меняемся вместе с ним, иначе в память о нас не останется ничего, кроме пыли.

Василий рассмеялся.

– Не могу понять – ты подстрекатель или трус?

– Не могу понять – ты идиот или идиот?

Лицо Василия покраснело. Он вскочил на ноги и стукнул кулаками по столу.

– Дарклинг – всего лишь человек. Если ты боишься сражаться с ним...

– Я *сражался* с ним. А если ты не боишься – если *кто-либо* из вас не боится – значит, вам не хватает здравого смысла, чтобы понять, кому мы противостоям.

Некоторые генералы закивали. Но советники короля, дворяне и бюрократы Ос Альты выглядели недовольными. Для них война – все равно что парад, военная теория, маленькие фигурки, переставляемые по карте. Когда дойдет до дела, эти люди встанут на сторону Василия.

Николай расправил плечи, его лицо в который раз преобразилось в актерскую маску.

– Не будем ссориться, брат, – сказал он. – Мы оба желаем лучшего для Равки.

Но Василий не хотел успокаиваться.

– Лучшее для Равки – это Ланцов на ее троне.

Я резко втянула воздух. В комнате воцарилась гробовая тишина. С тем же успехом Василий мог назвать Николая бастардом.

Но тот собрал волю в кулак – ничто не могло выбить его из колеи.

– Так помолимся же за здоровье полноправного короля Равки, – сказал Николай. – Итак, может, закончим с делами?

Собрание растянулось еще на несколько минут, а затем наступил долгожданный конец. По пути в Малый дворец Николай был непривычно молчаливым.

Когда мы дошли до садов у беседки с колоннами, принц остановился, чтобы оторвать листочек от изгороди, и сказал:

– Не стоило мне терять самообладание. Это только заденет его гордость и заставит упрямиться как барана.

– Так зачем ты это сделал? – искренне полюбопытствовала я. Редко когда эмоции Николая брали над ним верх.

– Не знаю, – он начал рвать листочек на мелкие куски. – Ты разозлилась. Я разозлился. В комнате было чертовски жарко.

– Сомневаюсь, что дело в этом.

– Может, у меня просто несварение желудка? – предположил он.

Но я не собиралась закрывать тему шуткой. Несмотря на возражения Василия и неохоту советников делать что-либо полезное, с помощью некой волшебной комбинации терпения и принуждения Николаю все же удалось продвинуть несколько своих планов. Он заставил их согласиться на условия помощи беженцам, которые покинули граничащие с Каньоном города, и запросил прочную ткань субстанцииалов для оснащения ключевых полков Первой армии. Он также уговорил их выделить средства на план по модернизации сельскохозяйственного инвентаря, чтобы облегчить существование крестьянам. Мелочи, но со временем эти улучшения могут сыграть большую роль.

– Нет, просто тебя действительно волнует судьба этой страны, – сказала я. – Для Василия трон – просто трофей, как любимая игрушка, которой он не хочет делиться. Ты не такой. Из тебя выйдет хороший король.

Николай замер.

– Я... – В кои веки он, похоже, не мог найти слов. Затем лицо принца расплылось в кривоватой, смущенной улыбке – совсем не похоже на его привычную самоуверенную ухмылку. – Спасибо.

Мы продолжили путь и я вздохнула:

– Теперь ты станешь просто невыносимым, не так ли?

Николай рассмеялся.

– Я уже невыносим.

* * *

Дни становились все длиннее и длиннее. Солнце все дольше висело над горизонтом, и в Ос Альте начался праздник Белых ночей. Даже в полночь небо оставалось светлым, и несмотря на страх войны и нависшую угрозу Каньона, люди праздновали бесконечные часы сумерек. В верхнем городе вечера были отмечены операми, маскарадами и шикарными балетами. По другую сторону моста улицы нижнего города сотрясались от шумных конных скачек и танцев. Под догорающим закатом по каналу тянулась бесконечная вереница прогулочных судов, и медленно текущие воды окружали столицу как драгоценный браслет, мерцающая светильниками, украшающими тысячи лодок.

Жара слегка отступила. Люди за дворцовыми стенами ходили в приподнятом настроении. Я продолжала настаивать, чтобы гриши не рассаживались по Орденам, и в какой-то момент – сама точно не знаю, какой – неловкое молчание сменилось смехом и громкими разговорами. Они все равно делились на группки и конфликтовали, но в зале воцарилась почти уютная и оживленная атмосфера, которой не было раньше.

Я обрадовалась – и даже немного возгордилась, – увидев, как фабрикатеры и эфиреалы попивают чай вокруг одного самовара; как Федор спорит о чем-то с Павлом за завтраком; как младший брат Нади пытается разговаривать взрослую и совершенно не заинтересованную Пажу. Но при этом я ощущала себя так, будто смотрю на все издалека.

С тех пор, как мы поссорились, я предприняла несколько попыток поговорить с Малом, но он всегда находил предлог, чтобы уйти. Если он был не на охоте, то играл в карты в Большом дворце или сидел в одной из таверн нижнего города со своими новыми друзьями. Я заметила, что парень стал больше пить. По утрам его глаза часто выглядели припухшими, а на лице значились синяки и порезы, словно он ввязался в драку. Но Мал оставался неизменно пунктуальным и непреклонно вежливым. Он придерживался своих обязанностей и молча стоял у двери или же сопровождал меня на почтительном расстоянии, пока я бродила по дворцовой территории.

Малый дворец стал обителью моего одиночества. Меня постоянно окружали люди, но казалось, что они меня совсем не видят, а только и делают, что что-то требуют. Я боялась проявлять сомнения или нерешительность и чувствовала себя так, будто истощаюсь до основания под вечным грузом ответственности и ожиданий.

Я ходила на собрания. Тренировалась с Боткином. Проводила долгие часы у озера, оттачивая мастерство разреза. Даже проглотила свою гордыню и снова попыталась навестить Багру, надеясь, что она хотя бы поможет развить мою силу. Но женщина не хотела меня видеть.

Всего этого было недостаточно. Корабль, который строил Николай, служил напоминанием, что все, что мы делаем, скорее всего, бесполезно. Где-то там Дарклинг собирал свою армию, и когда они явятся – ни один пистолет, бомба или солдат-гриш не сможет их остановить. Даже я. Если бой пройдет неудачно, мы спрячемся в купольном зале в ожидании подкрепления из Полизной. Двери укрепили сталью гришей, и фабрикатеры уже начали запечатывать трещины и дыры, чтобы не позволить ничегоям просочиться внутрь.

Я сомневалась, что до этого дойдет. Поиски жар-птицы зашли в тупик. Если тарелки Давида не заработают, когда Дарклинг наконец придет в Равку, у нас не останется иного выбора, кроме как эвакуироваться. Бежать сломя голову.

Использование силы больше не приносило мне утешения. Каждый раз, когда я призывала свет в мастерской субстанциалов или на берегу озера, то чувствовала пустоту на правом запястье, словно клеймо. При всем том, что я знала об усилителях и разрухе, которую они могут устроить, а также то, как они навеки могут меня изменить, голод по жар-птице оставался неутолимым.

Мал был прав. Я стала одержимой. По ночам я лежала в кровати, представляя, что Дарклинг уже нашел последний кусочек головоломки Морозова. Может, он пленил жар-птицу и запер ее в золотой клетки. Будет ли она ему петь? Я даже не знала, певчая ли она птица. В некоторых легендах говорилось, что да. В одной утверждалось, что песнь жар-птицы могла усыпить целую армию. Когда солдаты слышали ее, то прекращали огонь, отбрасывали оружие и мирно сдавались во вражеские руки.

К этому времени я знала все мифы. Жар-птица плакала бриллиантовыми слезами, ее перья исцеляли смертельные раны, во взмахе ее крыльев можно увидеть будущее. Я прошерстила все книги с фольклором, эпосами и коллекциями крестьянских сказок в поисках хотя бы намек на подсказку. Легенды о морском хлысте сосредотачивались на ледяных водах Костяной тропы, но сказки о жар-птице поступали со всех уголков Равки, и ни одна из них не связывала существо со святым.

Что еще хуже, видения становились все четче и появлялись чаще. Дарклинг предстал передо мной почти каждый день, как правило, в своих покоях или между рядов библиотеки, а иногда даже в командном пункте во время собраний или когда я возвращалась на закате из Большого дворца.

– Почему ты не оставишь меня в покое? – прошептала я однажды ночью, когда он появился у меня за спиной, в то время как я пыталась работать за столом.

Прошли долгие минуты. Я уже думала, что он не ответит. Даже понадеялась, что он исчез, пока не почувствовала его руку у себя на плече.

– Тогда я тоже останусь один, – ответил Дарклинг и задержался на всю ночь, пока не догорела последняя лампа.

Я уже привыкла видеть его в конце коридоров или сидящим на краю моей кровати, пока я пыталась заснуть. Когда он не появлялся, я ловила себя на том, что ищу его взглядом и гадаю, почему он не пришел. И это пугало меня больше всего.

Единственной хорошей новостью было решение Василия уехать из Ос Альты на аукцион в Карьев, где выставлялись жеребята. Я чуть не взвыла от восторга, когда Николай рассказал об этом во время одной из наших прогулок.

– Уехал прямо посреди ночи, – поведал принц. – Сказал, что вернется к моему дню рождения, но я не удивлюсь, если Вася найдет повод задержаться.

– Ты бы хоть попытался не выглядеть таким довольным. Это так не по-царски!

– Могу я хоть немного позлорадствовать? – усмехнулся он. Пока мы шли, Николай начал фальшиво насвистывать мелодию, которую я знала со времени, проведенного на борту «Волка волн». Затем прочистил горло. – Алина, не то чтобы ты не выглядишь как само очарование, но... ты хоть спишь?

– Не особо, – призналась я.

– Ночные кошмары?

Мне все еще снился разрушенный скиф, люди, бегущие от тьмы Каньона, но не это мешало мне спать по ночам.

– Не совсем.

– Ах... – Николай завел руки за спину. – Я заметил, что в последнее время твой дружок с головой окунулся в работу. Он очень востребован.

– Ну, – попыталась я придать голосу легкости, – это же Мал.

– Где он научился отслеживать дичь? Мы никак не решим, дело в простой удаче или в необычайном мастерстве?

– Он не учился. У него врожденный талант.

– Как ему повезло, – сказал Николай. – У меня вот нет врожденных талантов.

– Ты потрясающий актер, – сухо пробурчала я.

– Ты так считаешь? – парень наклонился и прошептал: – Сейчас я изображаю скромность.

Я раздраженно покачала головой, но обрадовалась благодушной болтовне Николая и даже почувствовала признательность, когда он позволил теме замяться.

* * *

У Давида ушло почти две недели, чтобы довести тарелки до ума, но когда они наконец были готовы, я собрала гришей на крыше Малого дворца для демонстрации. Толя и Тамара были, как всегда, настороже и осматривали толпу. Мала нигде не было видно. Прошлой ночью я осталась в гостиной, надеясь поймать его и лично попросить прийти. На дворе было далеко за полночь, когда я сдалась и пошла спать.

Две огромные тарелки установили на противоположных сторонах крыши – на плоском выступе, тянущемся между куполами восточного и западного крыла. Они вращались с помощью системы шкивов и управлялись субстанциалом и шквальным в очках, защищавших от ослепительного света. Я увидела, что Зоя встала в пару с Пажей, а у второй тарелки работали Надя и прочник Эраст.

«Даже если это обернется полным провалом, – взволнованно подумала я, – по крайней мере, они начали работать вместе. Ничто так не сближает, как огненный взрыв».

Я заняла свое место по центру крыши, прямо между тарелок.

С тревогой подметила, что Николай пригласил на демонстрацию капитана дворцовой стражи, а также двух генералов и нескольких королевских советников. Оставалось надеяться, что они не ждали ничего из ряда вон выходящего. Моя сила проявляла себя лучше всего в темноте, а длинные белые ночи ставили на ней крест. Я попросила Давида перенести демонстрацию на поздний вечер, но он просто покачал головой.

– Если они сработают, то всем хватит зрелищности. А если нет, что ж, взрыв – сам по себе зрелище.

– Давид, по-моему, ты только что пошутил.

Парень недоуменно нахмурился.

– Разве?

По совету Николая Давид применил его метод с «Волка волн» и использовал в качестве сигнала свисток. Он выдал звонкую трель, и зрители попятись к куполам, освобождая нам пространство. Я подняла руки. Когда Давид снова свистнул, призвала свет.

Он вошел в меня золотым потоком и вспыхнул из ладоней двумя яркими лучами. Те попали в тарелки, отражаясь ослепительным блеском. Красиво, но не эффектно.

Затем Давид опять подул в свисток, и тарелки слегка повернулись. Свет отскочил от зеркальных поверхностей, умножившись во много раз и собравшись в два горящих белых столба, пронзивших сумеречное небо.

Из толпы раздались «ахи» и «охи», и люди прищурили глаза. Надеюсь, это зрелище их впечатлило.

Лучи рассекли воздух, источая волны каскадного сияния и мерцающего жара, словно прожигали сам небесный купол. Давид в очередной раз издал короткий свист, и лучи слились в один сплавленный клинок света. На него было невозможно смотреть. Если разрез можно сравнить с ножом в моей руке, то это – меч.

Тарелки наклонились, и луч опустил ниже. Толпа вскрикнула в изумлении, когда свет полоснул по опушке леса, выравнивая верхушки деревьев.

Тарелки наклонились сильнее. Луч прошелся по берегу озера и остановился на воде. В воздух с громким шипением поднялось облако пара, и на секунду вся поверхность озера закипела.

Давид испуганно подул в свисток. Я поспешно опустила руки, и свет исчез.

Мы подбежали к краю крыши и уставились на представшую перед нами картину.

Казалось, будто кто-то взял бритву и срезал верхнюю часть леса ровно по диагонали – от верхушек деревьев к берегу. Там, где луч коснулся земли, осталась зияющая траншея, идущая к самой линии воды.

– Сработало, – ошеломленно произнес Давид. – Это действительно сработало.

Последовала пауза, а затем Зоя разразилась смехом. К ней присоединился Сергей, а потом и Мария с Надей. Внезапно все начали хохотать и радостно кричать – даже угрюмый Толя, который закинул ошарашенного Давида на свои широкие плечи. Солдаты обнимали гришей, королевские советники – генералов, а Николай закружил Пажу по крыше, в то время как капитан стражи кинулся радостно обнимать меня.

Мы вопили, свистели и прыгали на месте, отчего казалось, что весь дворец ходил ходуном. Когда Дарклинг решит напасть, ничегой будет ждать большой сюрприз.

– Побежали смотреть! – крикнул кто-то, и мы слетели вниз по ступенькам, как дети при звуке звонка на перемену, хихикая и врезаясь в стены.

Мы промчались по купольному залу и распахнули двери, вываливаясь всей гурьбой на улицу. Когда все побежали к озеру, я резко остановилась.

По тропинке из лесного туннеля шел Мал.

– Иди, – сказала я Николаю. – Я догоню.

Мал наблюдал за нашим приближением, но избегал моего взгляда. Я заметила, что его глаза налиты кровью, а на скуле выступил отвратительный синяк.

– Что произошло? – спросила я, поднимая руку к его лицу. Парень отшатнулся, быстро кидая взгляд на слуг, стоящих у дверей Малого дворца.

– Споткнулся о бутылку кваса. Ты что-то хотела?

– Ты пропустил демонстрацию.

– Сегодня не моя смена.

Я проигнорировала болезненный укол в груди и продолжила:

– Мы идем к озеру. Хочешь с нами?

На секунду он будто замешкался, но потом покачал головой.

– Я ненадолго, только деньги заберу. В Большом дворце начинается карточная игра.

Осколок над моим сердцем вошел глубже.

– Тебе не помешало бы переодеться. Такое впечатление, будто ты спал в этой одежде. – Я тут же пожалела об этих словах, но Мала они, похоже, не задели.

– Наверное, потому что так и есть. Что-нибудь еще?

– Нет.

– *Моя правительница.* – Он резко поклонился и одним прыжком преодолел ступеньки, словно желал побыстрее от меня убраться.

Я не спеша двинулась к озеру, надеясь, что боль в сердце ослабнет. Радость от успешной демонстрации испарилась, оставив вместо себя пустоту, будто я стала колодцем, в который можно кричать и услышать в ответ только эхо.

Гриши обходили траншею вдоль берега, выкрикивая измерения с растущими триумфом и восторгом. Она была чуть больше полуметра в ширину и столько же в глубину – борозда обугленной почвы, тянувшаяся до края воды. Срубленные верхушки деревьев лежали в лесу кучкой веток и коры. Я провела рукой по одному из упавших стволов. Дерево было гладким, ровно срезанным и все еще теплым на ощупь. Вспыхнуло два небольших пожара, но проливные быстро все погасили.

Николай приказал слугам принести еду и шампанское, и весь оставшийся вечер мы провели на берегу. Генералы и советники ушли пораньше, но капитан и его стражи остались. Они сняли кители и обувь и зашли в воду. Вскоре все решили, что им плевать на мокрую одежду, и начали плескаться, брызгаясь и топя друг друга, а затем устраивая заплывы на скорость до небольшого островка. Никого не удивило, что побеждали всегда проливные, выплывая с помощью «внезапно возникших» волн.

Николай и его шквальные предложили покатать нас на недавно построенном судне, которое он окрестил «Зимородком». Поначалу все отнеслись к этому настороженно, но после того, как первая группа храбрецов вернулась, размахивая руками и лепеча о настоящем полете, люди выстроились в очередь. Я поклялась, что мои ноги больше никогда не оторвутся от земли, но в конце концов сдалась и присоединилась к остальным.

Может, дело в шампанском, или же я просто знала, чего ожидать, но «Зимородок» казался легче и грациознее, чем «Колибри». Хотя я все равно вцепилась в кубрик обеими руками, мое настроение начало подниматься вместе с воспарившим кораблем.

Я набралась смелости и посмотрела вниз. Там простиралась территория Большого дворца, расчерченная белыми гравийными дорожками. Я увидела крышу теплицы гришей, идеальный круг фонтана с двуглавым орлом, блеск золотых дворцовых ворот. Затем мы пролетели над особняками и длинными прямыми бульварами верхнего города. Улицы наполнились людьми, празднующими белые ночи. Я заметила жонглеров и актеров на ходулях на Герском проспекте, танцоров, кружащихся на яркой сцене в одном из парков. Из судов на канале доносилась музыка.

Мне хотелось остаться здесь навсегда, окруженной потоком ветра, наблюдая за крошечным идеальным миром под нами. Но в конце концов Николай развернул корабль и вернул нас на озеро медленной, нисходящей дугой.

Сумерки углубились до роскошного фиолетового оттенка. Инферны зажгли костры на берегу и где-то в темноте заиграла балалайка. Из города слышался свист и грохотание фейерверков.

Мы с Николаем сели в конце пирса, закатали штаны и свесили ноги с края. «Зимородок» покачивался неподалеку на волнах, его белые паруса были собраны.

Николай провел ногой по воде, вызвав небольшой всплеск.

– Тарелки все меняют, – сказал он. – Если ты отвлечешь ничегой, нам хватит времени обнаружить и пристрелить Дарклинга.

Я легла на причал, вытянув руки над головой и наслаждаясь видом фиолетового ночного неба. Повернув голову, рассмотрела очертания опустевшей школы с темными окнами. Жаль, что ученики не видели демонстрацию – это дало бы им надежду. Перспектива сражения пугала, особенно при мысли о том, сколько людей могут погибнуть. Но, по крайней мере, мы не сидели без дела в ожидании смерти.

– Неужели у нас действительно появился шанс противостоять ему? – изумленно прошептала я.

– Боюсь, осчастливить тебя еще больше не получится, но у меня есть хорошие новости. Я застонала. Этот тон был мне знаком.

– Не произноси этого.

– Василий вернулся из Карьева.

– Сделай одолжение и утопи меня.

– И страдать потом в одиночку? Вот уж нет.

– Может, закажешь на день рождения королевский намордник, чтобы он надел его на себя? – предложила я.

– Но тогда мы пропустим все увлекательные истории о летних аукционах. Тебе же наверняка интересно послушать о превосходстве разведения равкианских скаковых лошадей, верно?

Я всхлипнула. Завтра смена Мала. Он должен присутствовать на ужине в честь дня рождения Николая. Может, попросить Толю или Тамару поменяться с ним? Сейчас у меня не было сил, чтобы смотреть, как он весь вечер стоит с каменным лицом, особенно под болтовню Василия.

– Не падай духом, – сказал Николай. – Может, он снова сделает тебе предложение.

Я резко села.

– Как ты узнал?

– Если ты не забыла, я сделал то же самое. Меня удивило лишь то, что он не попытал счастья во второй раз.

– По всей видимости, меня трудно застать в одиночку.

– Знаю, – кивнул Николай. – Почему, по-твоему, я провожаю тебя с каждого собрания в Большом дворце?

– Из-за моей яркой личности? – сухо поинтересовалась я, разозлившись из-за чувства разочарования, охватившего меня при его словах.

– И поэтому тоже, – парень вытащил ногу из воды и зашевелил пальцами, не отрывая от них взгляда. – В конце концов он совершит еще одну попытку.

Я преувеличенно скорбно вздохнула.

– И как же мне отказать принцу?

– Ты уже делала это прежде, – ответил Николай, все еще изучая свою ногу. – Уверена, что хочешь этого?

– Ты что, шутишь?

Принц смущенно заерзал.

– Ну, он первый в очереди на трон, чистокровный принц и все такое.

– Я бы не вышла за Василия, даже будь у него жар-птица по имени Людмила. И мне плевать на его чистокровность, – я покосилась на Николая. – Ты говорил, что тебя не тревожат слухи о твоей родословной.

– Возможно, я был не до конца честен.

– Ты? Не до конца честен? Да не может быть! Я потрясена и оскорблена, Николай!

Принц рассмеялся.

– Наверное, мне проще делать вид, что это не имеет значения, когда я вдали от дворца. Но мне не дают об этом забыть, особенно брат, – пожал плечами. – Так было всегда. Слухи

о моем происхождении ходили еще до моего рождения. Поэтому мама никогда не зовет меня «щенком». Говорит, что это звучит так, будто я какая-то дворняжка.

Мое сердце подскочило при этих словах. В детстве у меня тоже было много кличек.

– Мне нравятся дворняги, – сказала я. – У них прелестные висячие ушки.

– У меня очень достойные уши.

Я провела пальцем по одной из гладких досок пирса.

– Поэтому ты так долго не возвращался? И стал Штурмхондом?

– Наверное, причин много. Я никогда не чувствовал себя здесь как дома, поэтому начал искать свое место в мире.

– Я тоже всегда чувствовала, что никуда не вписываюсь, – призналась я. *«Кроме как с Малам»*. Отмахнулась от этой мысли. Затем нахмурилась. – Знаешь, что я в тебе ненавижу?

Принц удивленно заморгал.

– Нет.

– Ты всегда знаешь, что сказать.

– И тебе это не нравится?

– Я видела, как ты меняешь личности, Николай. Ты всегда примеряешь на себя ту роль, какую хотят увидеть другие. Может, ты действительно не нашел свое место в мире, а может, просто говоришь так, чтобы бедная, одинокая сиротка прониклась к тебе еще большей симпатией.

– Еще большей? Значит, я тебе нравлюсь?

Я закатила глаза.

– Да, в те моменты, когда мне не хочется заколоть тебя ножом.

– Ну, это уже что-то.

– Вовсе нет.

Парень повернулся ко мне. В тусклом свете его ореховые глаза напоминали кусочки янтаря.

– Я корсар, Алина, – тихо произнес он. – Я согласен на все, что дают.

Внезапно я заметила, что наши плечи соприкасаются, а его бедро прижато к моему. В теплом воздухе сладко пахло летом и костром.

– Я хочу поцеловать тебя, – сказал Николай.

– Ты уже целовал меня, – нервно хохотнула я.

Его губы растянулись в улыбке.

– Я хочу поцеловать тебя снова.

– О... – выдохнула я.

Его губы замерли в нескольких сантиметрах от моих. Сердце пустилось в перепуганный галоп. *«Это же Николай!»* – напомнила я себе. – *Он просчитывает каждый свой шаг*. Не то чтобы мне сильно хотелось поцеловаться с ним. Но моя гордость все еще страдала из-за холодности Мала. Разве он не говорил, что перецеловал кучу девчонок?

– Я хочу поцеловать тебя, – повторил Николай. – Но не стану этого делать. По крайней мере, до тех пор, пока ты не начнешь думать обо мне, вместо того чтобы пытаться забыть его.

Я отпрянула и неуклюже вскочила на ноги, заливаясь румянцем и сгорая от стыда.

– Алина...

– Зато теперь я знаю, что ты не всегда подбираешь нужные слова, – пробормотала я.

Затем подхватила обувь и ретировалась с пирса.

ГЛАВА 20

Я бродила вокруг озера, пытаюсь держаться подальше от костров гришей. Не хотела никого видеть и ни с кем говорить.

Чего я ожидала от Николая? Отвлечься? Пофлиртовать? Чего-то, что освободило бы меня от сердечной боли? Может, я просто хотела таким жалким способом отомстить Малу. Или уже так отчаялась ощутить с кем-то связь, что была согласна на неискренний поцелуй с ненадежным принцем.

Мысль о завтрашнем праздничном ужине повергла меня в отчаяние. *«Придумать бы себе какое-то оправдание, чтобы не идти»*, – размышляла я, шагая по берегу. Я могла бы послать милую записку в Большой дворец, запечатанную воском и украшенную официальной печаткой заклинательницы Солнца:

*Их Королевским Величествам,
королю и королеве Равки!*

С тяжелым сердцем должна выразить вам свое сожаление в связи с тем, что не смогу присутствовать на празднике в честь рождения принца Николая Ланцова, Великого Князя Удовы.

К несчастью, у меня возникли неприятные обстоятельства, а именно – мой лучший друг даже видеть меня не хочет, а ваш сын меня не поцеловал, хотя я этого ждала. Или нет. Я сама пока не решила, но вполне вероятно, что, если меня заставят сидеть на этом дурацком ужине, я уткнусь лицом в торт и начну реветь.

*С наилучшими пожеланиями по поводу этого наисчастливейшего события,
Идиотка Алина Старкова*

Когда я дошла до покоев Дарклинга, то обнаружила в гостиной Тамару, читающую книгу. При моем приближении она подняла взгляд, но, должно быть, у меня все и так было написано на лице, поскольку девушка не проронила ни слова.

Я знала, что поспать мне не удастся, потому взяла одну из библиотечных книг – старый путеводитель, в котором перечислялись все известные памятники Равки – и устроилась на кровати. Во мне еще теплилась слабая надежда, что он укажет, где искать арку.

Я пыталась сосредоточиться, но поймала себя на том, что снова и снова перечитываю одно и то же предложение. Голова гудела от шампанского, а влажные ноги так и не согрелись после озера. Возможно, Мал уже вернулся со своей карточной партии. Можно постучать в его дверь, но что мне сказать?

Я отбросила книгу в сторону. Я не знала, что сказать Малу. В последнее время эта проблема возникала все чаще и чаще. Но, быть может, нужно просто начать с правды: что я растерялась и запуталась, и, возможно, теряю рассудок. Что иногда я пугаю саму себя и так сильно по нему скучаю, что это вызывает почти физическую боль. Мне стоило хотя бы попытаться преодолеть раскол между нами, пока не стало слишком поздно. Что бы он ни подумал обо мне после, хуже все равно уже некуда. Я переживу еще один отказ, но не вынесу, если даже не попытаюсь наладить наши отношения.

Я выглянула в гостиную и спросила Тамару:

– Мал здесь?

Та покачала головой.

Я проглотила свою гордость и поинтересовалась:

– Ты знаешь, куда он пошел?

Девушка вздохнула.

– Обувайся. Я отведу тебя к нему.

– Так где он?

– В конюшне.

Предчувствуя неладное, я нырнула обратно в спальню и быстро натянула обувь. Затем мы с Тамарой вышли из Малого дворца и зашагали по газону.

– Ты уверена, что хочешь этого? – спросила она.

Я не ответила. Что бы она ни собиралась показать, мне это вряд ли понравится. Но я не хотела возвращаться в комнату и просто прятать голову под одеяло.

Мы спустились по небольшому склону за баней. Лошади ржали в загоне. В конюшне было темно, но в тренировочных залах горел свет. Я услышала крики.

Самый большой зал представлял собой обычный сарай с грязным полом и стенами, завешанными разнообразным оружием. Обычно здесь Боткин раздавал повинности ученикам-гришам и гонял их по строевой подготовке. Но сегодня помещение было забито людьми: по большей части солдатами, а еще гришами и некоторыми слугами. Все кричали, толкались и пытались любым способом подойти ближе, чтобы рассмотреть, что творилось в центре помещения.

Неузнанные, мы с Тамарой пробирались через толпу. Я увидела двух придворных следопытов, нескольких солдат из полка Николая, группу корпоралов и Зою, которая кричала и хлопала вместе с остальными.

Я почти протолкалась к свободному месту в центре, когда заметила шквального с поднятым кулаком и оголенной грудью, ходящего внутри круга из зрителей. «Эскиль», – вспомнила я одного из гришей, путешествующих с Федором. Он фьерданец и выглядел соответствующе – голубые глаза, почти белые волосы, высокий рост и настолько широкий торс, что он почти полностью перекрывал мне обзор.

«Еще не поздно, – подумала я. – Можешь развернуться и сделать вид, что тебя здесь не было».

Я словно приросла к месту. Знала, что увижу, но все равно изумилась, когда Эскиль отошел и я впервые заметила Мала. Как и шквальный, он был полуголым, грудь и спина в грязи, смешанной с потом. Его костяшки покраснели от ссадин. По щеке текла струйка крови из пореза под глазом, хоть парень, похоже, вовсе его не замечал.

Шквальный перешел в атаку. Мал блокировал первый удар, но следующий пришелся ему по почкам. Он закричал, опустил локоть и попытался ударить шквального в челюсть.

Эскиль уклонился и широкой дугой рассек рукой воздух. Осознав, что он призывает свою силу, я запаниковала. Ветер эфиреала взъерошил мне волосы, и в следующую секунду ноги Мала оторвались от земли. Эскиль махнул другой рукой, и тело Мала взмыло вверх, врезаясь в крышу сарая. Он парил несколько секунд, прижатый к деревянным балкам силой гриша. А затем Эскиль уронил его. Парень рухнул на грязный пол с такой силой, что должен был переломать себе все кости.

Я вскрикнула, но звук затерялся в реве толпы. Один корпорал громко поощрял Эскиля, другой кричал Малу, чтобы вставал.

Я протолкнулась вперед, и на моих ладонях засиял свет, но тут Тамара схватила меня за рукав.

– Ему не нужна твоя помощь.

– Мне все равно! – прорычала я. – Это нечестная битва! Это против правил! – Гришам строго запрещалось использовать свои способности в тренировочных залах.

– Правила Боткина не распространяются после темноты. Это бой, а не тренировка.

Я выдернула руку из ее хватки. Лучше злой Мал, чем мертвый.

Он стоял на четвереньках и пытался подняться. Меня поразило, что он вообще смог пошевелиться после атаки шквального. Эскиль вновь поднял руки. На полу закружился вихрь

из пыли. Я призвала свет, наплевав на то, что об этом подумают Тамара с Малом. Но тут парень перекатился, избегая потока ветра, и вскочил на ноги с удивительной прытью.

Эскиль нахмурился и осмотрел периметр, просчитывая свои варианты. Я догадывалась, о чем он думал. Эфиреал не мог просто дать волю ветру, иначе рисковал сбить нас всех с ног, а возможно, и снести часть конюшни. Я ждала, крепко ухватившись за свет и не зная, что делать.

Мал тяжело дышал, согнувшись пополам и схватившись за бока. Скорее всего, как минимум одно ребро у него сломано. Повезло, что позвоночник цел. Я мысленно молила его, чтобы он сдался. Вместо этого парень выпрямился, зашипев от боли. Затем покрутил плечами, выругался и сплюнул сгусток крови. К моему ужасу, он сжал кулаки и подозвал шквального к себе. Толпа разразилась новыми криками.

– Что он делает? – простонала я. – Его же убьют!

– Да все с ним будет хорошо, – отмахнулась Тамара. – Я видела его в ситуациях и похуже.

– Что?!

– Он дерется почти каждую ночь, когда трезв. А порой и когда пьян.

– Он дерется с гришами?

Тамара пожала плечами.

– Вообще-то у него хорошо выходит.

Вот чем Мал занимался по ночам? Я вспомнила все утра, когда он появлялся с синяками и царапинами. Что он хотел этим доказать? На ум пришли слова, которые я беспечно бросила, когда мы возвращались с вечеринки: «Мне не нужен груз в виде армии беспомощных отказников».

Очень жаль, что назад их не вернешь.

Шквальный сделал вид, что прыгает влево, после чего поднял руки для очередного нападения. В круге задул ветер, и ноги Мала вновь оторвались от пола. Я сцепила зубы, думая, что сейчас его метнут в ближайшую стену. Но в последнюю секунду парень развернулся, вырываясь из воздушной хватки, и кинулся на растерявшегося шквального.

Эскиль громко охнул, когда Мал наскочил на него, прижимая руки гриша, чтобы тот не мог воззвать к своей силе. Крупный фьерданец зарычал, напрягая мышцы и скаля зубы, и попытался вырваться.

Я знала, чего ему это стоило, но Мал усилил хватку. Затем поменял позу и с тошнотворным хрустом врезал лбом по носу соперника. Не успела я моргнуть, как он отпустил Эскиля и начал наносить быстрые удары по животу и бокам шквального.

Фьерданец сгруппировался, пытаясь защитить себя, и силился вдохнуть, пока кровь лилась из его открытого рта. Мал крутанулся и жестко подсек шквального, пнув его сзади по ногам. Эскиль упал на колени, покачнулся, но все же не распластался на полу.

Мал отошел, оценивая свою работу. Толпа свистела и топала ногами, их крики перешли в неистовство, но настороженный взгляд Мала не отрывался от согнувшегося мужчины.

Он изучал соперника, потом опустил руки. Затем крикнул гришу:

– Давай же!

От выражения его лица по моему телу побежали мурашки. В нем читался вызов и мрачное удовольствие. Что он видел, глядя на Эскиля, стоящего на коленях?

Глаза шквального остекленели. Затем он с трудом поднял руки. В сторону Мала подул легчайший ветерок. Толпа недовольно загудела.

Мал подождал пару секунд, а потом шагнул вперед. Слабый вихрь Эскиля затих. Мал уперся рукой в центр его груди и презрительно толкнул.

Эскиль упал. Его крупное тело ударилось об пол, и он со стоном свернулся в клубок.

Помещение взорвалось радостными воплями. Ликующий солдат взял Мала за руку и победно поднял ее над головой. Люди начали передавать деньги.

Толпа кинулась к Малу и понесла меня за собой. Все заговорили одновременно. Солдаты хлопали парня по спине и сovali деньги ему в ладони. Вдруг перед ним возникла Зоя. Девушка закинула руки ему на шею и поцеловала в губы. Я увидела, как он замер.

В ушах загудело, этот гул заглушал остальные звуки.

«Оттолкни ее, – взмолилась я. – Оттолкни!»

И на секунду мне показалось, что он так и сделает. Но затем Мал обнял Зою и поцеловал в ответ под одобрителные крики толпы.

Сердце ухнуло вниз. Было впечатление, будто я шла по замерзшему пруду, неправильно поставила ногу, услышала хруст и внезапно провалилась, зная, что внизу меня не ждет ничего, кроме крошечных-черных вод.

Мал отстранился от девушки, улыбаясь во все зубы, его щеки были испачканы в крови, и тут его взгляд наткнулся на меня. Он побледнел.

Зоя проследила за его взглядом и дерзко вздернула бровь, увидев меня.

Я развернулась и начала проталкиваться через толпу. Тамара следовала за мной по пятам.

– Алина...

– Оставь меня.

Девушка отстала. Мне было необходимо выйти отсюда, уйти подальше от всех. Глаза застилали слезы. Я не знала, вызвал ли их поцелуй или все, что случилось до него, но не хотела, чтобы люди их увидели. Заклинательница Солнца не плакала, особенно из-за своего стража-отказника.

Да и какое у меня было право на слезы? Разве я сама не хотела поцеловать Николая? Может, если я найду его сейчас, то смогу убедить поцеловать меня вне зависимости от того, кем заняты мои мысли.

Я вылетела из конюшни под сумеречный свет. Воздух был теплым и влажным. Я не могла дышать. Сошла с освещенной тропинки у загона и направилась к укромной березовой роще.

Кто-то дернул меня за рукав.

– Алина, – позвал Мал.

Я стряхнула его руку и ускорила шаг, едва не переходя на бег.

– Алина, стой, – сказал он, с легкостью догоняя меня, несмотря на только что полученные серьезные травмы.

Я проигнорировала его и углубилась в лес. Почувствовала запах горячих источников, подпитывающих баню, резкий аромат листьев березы под ногами. В горле стоял комок. Мне просто хотелось, чтобы меня оставили в покое, дабы выплакаться или справиться с тошнотой, или и то и другое.

– Проклятье, Алина, остановись, пожалуйста!

Я не могла уступить чувству боли, поэтому поддалась гневу.

– Ты – капитан моей стражи! – сказала я, пробираясь через деревья. – Ты не должен драться, как какой-то простолюдин!

Мал поймал меня за руку и повернул к себе.

– Я и есть простолюдин! – прорычал он. – А не один из твоих паломников или гришей. И я не какой-нибудь жалкий сторожевой пес, который будет сидеть всю ночь за твоей дверью в надежде, что может тебе понадобиться.

– Конечно, нет, – вскипела я. – У тебя есть дела поинтереснее. Например, напиваться и засовывать язык в глотку Зое.

– По крайней мере ее не передергивает, когда я к ней прикасаюсь! – сплюнул парень. – Ты меня не хочешь, так какая тебе разница?

– Никакой, – отрезала я, но слово больше прозвучало как всхлип.

Мал неожиданно отпустил меня, и я чуть не упала. Он отошел на пару шагов, проводя рукой по волосам, и скривился от боли. Затем пальцами дотронулся до кожи на боку. Мне

хотелось крикнуть, чтобы он пошел к целителю. Хотелось стукнуть кулаком по ушибу, чтобы тот заболел еще сильнее.

– Святые! – выругался он. – Лучше бы мы никогда не появлялись здесь.

– Так давай уйдем, – внезапно предложила я. Полный бред, но мне было плевать. – Давай убежим сегодня и навсегда забудем об этом месте.

Мал горько расхохотался.

– Ты хоть представляешь, как я этого хочу? Быть с тобой – без всяких званий, стен или любых других препятствий? Снова стать *обычными*? – он покачал головой. – Но ты этого не сделаешь, Алина.

– Сделаю, – возразила я, и по щекам потекли слезы.

– Не обманывай себя. Ты все равно найдешь дорогу обратно.

– Я не знаю, как все исправить, – в отчаянии призналась я.

– Никак! – закричал Мал. – Этого уже не исправить. Тебе никогда не приходило в голову, что, возможно, тебе предназначено стать королевой, а мне – быть никем?

– Неправда.

Он подошел ко мне, в сумерках ветки деревьев отбрасывали странные тени на его лицо.

– Я уже не солдат. Я не принц и уж точно не святой. Так кто же я, Алина?

– Я...

– Что я такое? – прошептал он.

Мы были так близко. Его запах, ставший мне родным – аромат темно-зеленого луга – потерялся среди запахов пота и крови.

– Я твой страж? – спросил парень.

Медленно провел своей рукой по моей – от плеча до кончиков пальцев.

– Твой друг?

Другой рукой пробежался по второму предплечью.

– Твой слуга?

Я чувствовала его дыхание на своих губах. Мое сердцебиение эхом отдавалось в ушах.

– Скажи, кто я.

Он прижал меня к себе, и его ладонь сомкнулась на моем запястье.

В ответ на его прикосновения мое тело вздрогнуло, как от удара тока, и у меня подогнулись колени. Мир накренился, и я ахнула. Мал резко отпустил мою руку, словно та его обожгла.

Он изумленно попятился.

– Что это было?

Я часто заморгала, пытаясь избавиться от головокружения.

– Что, черт возьми, это было?! – повторил он.

– Я не знаю. – Мои пальцы до сих пор покалывало.

Уголки его губ приподнялись в горькой ухмылке.

– С нами все всегда непросто, не так ли?

Я резко подняла голову, почувствовав прилив злости.

– Да, Мал. Со мной никогда не будет просто, мило или удобно. Я не могу уйти из Малого дворца. Не могу сбежать или сделать вид, что это не мое дело, потому что тогда умрут люди. Я не могу стать просто Алиной. Той девочки больше нет.

– Я хочу ее вернуть, – хрипло ответил он.

– Я не могу вернуться! – закричала я, наплевав, что кто-то услышит. – Даже если ты заберешь ошейник и чешую морского хлыста, мою силу из меня не вырезать.

– А если бы я смог? Ты бы позволила? Ты бы отдала ее?

– Ни за что.

Правдивость этих слов повисла в воздухе между нами. Мы замерли в тени леса, и я почувствовала, как осколок в моем сердце провернулся. Знала, что он оставит после себя, когда боль

утихнет: одиночество, пустоту, глубокую рану, которая никогда не заживет, отчаянный край бездны, которую я однажды увидела в глазах Дарклинга.

– Пошли, – наконец сказал Мал.

– Куда?

– В Малый дворец. Я не могу просто бросить тебя в лесу.

Мы молча поднялись по холму и вошли во дворец через покои Дарклинга. В гостиной, к счастью, оказалось пусто.

У двери в свою комнату я повернулась к Малу.

– Я вижу его. Дарклинга. В библиотеке. В часовне. В тот раз в Каньоне, когда «Колибри» чуть не разбилась. В своей комнате, в ночь, когда ты пытался меня поцеловать.

Парень уставился на меня.

– Я не знаю, видения это или визиты. Не хотела говорить тебе, потому что думала, что схожу с ума. И еще потому, что мне кажется, что ты меня боишься.

Мал открыл рот, закрыл, снова открыл. Даже теперь я все равно надеялась, что он начнет все отрицать. Вместо этого он повернулся ко мне спиной. Зашел в покои стражей, остановившись, чтобы взять бутылку кваса со стола, и тихо закрыл за собой дверь.

Я приготовилась ко сну и залезла под покрывало, но ночь выдалась слишком жаркой. Отбросила его к подножью кровати. Лежала на спине и смотрела на обсидиановый купол с созвездиями. Мне хотелось постучать в дверь Мала, сказать, что я сожалею, что все испортила, что мы должны были въехать в Ос Альту вместе, держась за руки. Но изменило бы это хоть что-нибудь?

«Такие люди, как мы с тобой, не могут вести обычную жизнь».

Никакой обычной жизни. Только битвы, страх и загадочные удары тока, от которых подгибались ноги. Я так долго мечтала стать девушкой, которая понравилась бы Малу. Возможно, теперь этому не бывать.

«Таких, как мы, больше нет, Алина. И никогда не будет».

Глаза защищало от горячих яростных слез. Я уткнулась лицом в подушку, чтобы никто не услышал мои всхлипы. Когда их поток остановился, я впала в беспокойный сон.

* * *

– Алина.

Я проснулась от нежного прикосновения губ Мала, легонько касавшихся моего виска, век, бровей. Свет от лампы на тумбочке заблестел в его каштановых волосах, когда парень наклонился, чтобы поцеловать изгиб моей шеи.

На секунду я замешкалась, – сбита с толку, не до конца проснувшаяся, – но затем обхватила его руками и прижала ближе. И плевать, что мы поссорились, что он поцеловал Зою и ушел от меня, что все казалось таким невероятным. Единственное, что имело значение, это то, что он передумал. Мал вернулся, и я больше не одинока.

– Я скучала по тебе, Мал, – пробормотала я ему на ухо. – Очень сильно.

Мои руки прошли по его спине и сплелись на шее. Парень снова меня поцеловал, и я счастливо вздохнула от долгожданной теплоты его губ. Он налег на меня всем телом, и я провела ладонями по напряженным мышцам его рук. Если Мал будет со мной, если он любит меня, то надежда еще есть. Сердце громко билось в груди, а по телу пульсировал жар. Не было слышно ни звука, кроме нашего дыхания и шороха тел. Он целовал мою шею, ключицу, упивался кожей. Я вздрогнула и прильнула ближе.

Ведь мне этого хотелось, не так ли? Найти способ, как заделать брешь между нами? Тем не менее, меня охватила паника. Мне хотелось посмотреть ему в глаза, понять, что все нала-

дилось. Я взяла его лицо в руки, подняла за подбородок и, когда мы встретились взглядами, съежилась от ужаса.

Я смотрела в глаза Мала – его родные, голубые глаза, которые знала лучше, чем свои. Вот только они не были голубыми. В тусклом свете лампы они мерцали серым кварцем.

Тогда он улыбнулся – холодной, хитрой улыбкой, которая никогда раньше не затрагивала его губ.

– Я тоже скучал, Алина. – Этот голос... Суровый и гладкий, как стекло.

Лицо Мала расплылось в тени, а затем вновь сформировалось, как образ из тумана. Бледное, прекрасное; эта густая копна смольных волос, эта идеальная линия челюсти...

Дарклинг ласково опустил ладонь мне на щеку.

– Скоро, – прошептал он.

Я закричала. Он обратился тенью и исчез.

Я выбралась из кровати, обхватила себя руками. Кожа покрылась мурашками, тело трясло от ужаса и проходящего возбуждения. В любую секунду в дверь могли ворваться Тамара или Толя. С языка уже срывалась ложь.

«Кошмар», – скажу я. И слово прозвучит твердо, убедительно, несмотря на колотящееся в груди сердце и крик, застрявший в горле.

Но в комнате было тихо. Никто не пришел. Я продолжала стоять и дрожать во мраке.

С трудом сделала вдох. Затем еще один.

Когда ноги перестали подгибаться, я надела халат и выглянула в гостиную. Там никого не было.

Закрела дверь и прижалась к ней спиной, глядя на смятую простынь на кровати. Сна мне не видать. Возможно, никогда. Я покосилась на часы на камине. Во время белых ночей светало рано, но дворец еще не скоро проснется.

Порылась в куче одежды, которую оставила с путешествия на «Волке волн», и достала простое коричневое пальто и длинный шарф. Для них было слишком жарко, но я об этом не думала. Накинула пальто на ночную сорочку, обмотала шарф вокруг головы и шеи и обулась.

Крадясь через гостиную, я заметила, что дверь в покои стражей закрыта. Если Мал или близнецы и были внутри, то, должно быть, очень крепко спали. Или же Мал веселился где-то под куполами Малого дворца, сплетаясь в объятиях с Зоей. Сердце больно сжалось. Я открыла дверь слева и поспешила по темным коридорам наружу.

ГЛАВА 21

Я прошла по полутемному двору, мимо газонов, покрытых туманом, и запотевших окон теплицы. Единственным звуком было тихое похрустывание моих ботинок на гравийной дорожке. Утром в Большой дворец доставляли хлеб и продукты, и я последовала за караваном фургонов прямо за дворцовые ворота на мощные улочки верхнего города.

Несколько гуляк все еще бродили от заведения к заведению, наслаждаясь сумерками. Я увидела парочку в вечерних нарядах, спящую на лавочке в парке. В фонтане, смеясь, плескалась группа девушек, задрав юбки до колен. Мужчина в венке из маков сидел на тротуаре, схватившись за голову, а девочка в бумажной короне гладила его по плечу. Я проходила мимо них незамеченной и неузнанной – невидимая девушка в коричневом пальто.

Знала, что веду себя глупо. Шпионы Апрага или Дарклинга могли наблюдать за мной прямо в эту секунду. Меня могли схватить и увезти. Но это не имело значения. Я хотела гулять, наполнить легкие свежим воздухом, избавиться от ощущения рук Дарклинга на моей коже.

Я коснулась шрама на плече. Его шероховатые края чувствовались даже сквозь ткань пальто. На борту китобоя я спросила Дарклинга, зачем он натравил на меня свое чудище. Думала, что он сделал это назло, чтобы его клеймо осталось на мне навсегда. Но, возможно, дело было не только в этом.

Реальны ли эти видения? Присутствовал ли он в моей комнате, или его образ – плод моего воображения? Какая зараза угнездилась внутри меня, чтобы вызывать подобные галлюцинации?

Но мне не хотелось об этом думать. Только шагать, куда глаза глядят.

Я пересекла канал, внизу качались на воде маленькие лодочки. Где-то под мостом захрипел аккордеон.

Я быстро миновала сторожку и вышла на узкую улицу, которая привела меня к шумному рыночному городку. Людей стало даже больше, чем раньше. Они толпились на крылечках и с трудом втискивались на веранды. Некоторые играли в карты на импровизированных столиках из коробок. Другие спали, прижавшись друг к другу. Одна парочка медленно танцевала на крыльце таверны под музыку, которую слышали только они.

Дойдя до городских стен, я приказала себе остановиться, развернуться и пойти домой. Затем чуть не рассмеялась. Малый дворец сложно назвать домом.

«Такие люди, как мы с тобой, не могут вести обычную жизнь».

В моей жизни будет преданность, а не любовь, верность, а не дружба. Мне придется взвешивать каждое решение, просчитывать каждый свой шаг и никому не доверять. Жизнь, наблюдаемая со стороны.

Я знала, что пора возвращаться, но продолжала идти, и уже через минуту оказалась по другую сторону моста. Так просто – и я покинула Ос Альту.

Палаточный городок разросся. За стенами ночевали сотни людей, может, даже тысячи. Найти пилигримов было не трудно – я с удивлением отметила, что их число возросло. Они кучковались вокруг большого белого шатра и дружно смотрели на восток, ожидая рассвета.

Я услышала какой-то звук. Начался он как волна шепота, набухающего и трепещущего в воздухе, словно крылья пташек, а затем перерос в тихий гул, когда над горизонтом выглянуло солнце и осветило голубое небо. Только тогда я разобрала слова...

Санкта. Санкта-Алина. Санкта. Санкта-Алина.

Паломники наблюдали за рассветом, а я наблюдала за ними, не в силах оторвать взгляда от их надежд, их чаяний. Они ликовали, а когда над ними прорезались первые солнечные лучи, некоторые заплакали.

Гул увеличивался, то поднимаясь, то затихая, и превратился в вой, от которого волосы на моих руках встали дыбом. Словно поток, затапливающий берега; пчелиный рой, потревоженный в своем улье.

Санкта. Санкта-Алина. Дщерь Равки.

Я закрыла глаза, когда лучи заиграли на моей коже, молясь о том, чтобы почувствовать хоть что-то, что угодно.

Санкта-Алина. Дщерь Керамзина.

Их руки потянулись к небу, голоса зазвучали рьяно, перерастая в выкрики, вопли. Старые и молодые, больные и немощные, здоровые и сильные. Все они незнакомцы.

Я осмотрелась. «*Это не надежда, а безумие. Это голод, жажда, отчаяние*». Я словно очнулась от гипноза. Зачем я сюда пришла? Среди этих людей мне даже более одиноко, чем за стенами дворца. Им нечего мне дать, а мне – нечего им предложить.

У меня заныли ноги, и вдруг я поняла, как сильно устала. Повернулась и начала проталкиваться через толпу к дворцовым воротам под рев восхвалений.

– Санкта! – кричали они. – Солнечная королева! Дочь Двух Столбов!

Дочь Двух Столбов. Я уже слышала это на пути в Ос Альту. Два Столба – названная в честь каких-то древних руин долина, приютившая крошечные поселения на южной границе. Мал тоже родился где-то неподалеку оттуда, но нам никогда не выпадала возможность вернуться. Да и в чем смысл? Любые наши родственники давно похоронены или сожжены.

Санкта-Алина.

Я снова оживила в памяти скудные воспоминания о жизни до Керамзина: о блюде с нарезанной свеклой, моих пальцах, испачканных ее красным соком. О пыльной дороге, за которой я слежу с чьих-то широких плеч; о покачивании бычьих хвостов; о наших тенях на земле. Рука, указывающая на руины мельниц – два узких каменных пальца, обветренные до голых осей дождем и временем. Это все, что у меня осталось. Дальше – только Керамзин. Дальше – только Мал.

Санкта-Алина.

Я пробивала себе путь через массу тел, натягивая шарф на уши, чтобы заглушить их крики. Внезапно мне перешла дорогу старая паломница, и я едва не сбила ее с ног. Я протянула руку, желая поддержать ее, и женщина вцепилась в меня, чтобы не упасть на землю.

– Простите, *бабья*, – вежливо произнесла я. Никто не скажет, что Ана Куя не обучила нас правилам поведения. Я осторожно поставила женщину на ноги. – Вы целы?

Но она смотрела не на меня... а на мою шею. Моя рука взметнулась к горлу. Слишком поздно. Шарф соскользнул вниз.

– Санкта, – взвыла женщина. – Санкта! – Она упала на колени и схватила меня за руку, прижимая ее к своей морщинистой щеке. – Санкта-Алина!

Внезапно меня начали дергать со всех сторон, хватать за рукава и края пальто.

– Прошу вас, – взмолилась я, пытаюсь сбежать от них.

Санкта-Алина. Бормотали, шептали, выкрикивали, стонали. Имя казалось чужим, произносимым как молитва – незнакомое заклинание, чтобы прогнать тьму.

Люди толпились, подходили ближе и ближе, дерясь за место рядом со мной, трогали мои волосы, кожу. Я слышала, как что-то порвалось, и осознала, что это была ткань пальто.

Санкта. Санкта-Алина.

Тела сдавливали меня со всех сторон, люди толкались и пихались, кричали друг на друга, желая подобраться ближе. Мои ноги оторвались от земли. Я вскрикнула, когда кто-то вырвал клоч моих волос. Они собирались рвать меня на части.

«*Ну и пусть*», – подумала я с внезапной ясностью. Это, может быть, мой конец. Никаких больше страхов, ответственности, кошмаров о разрушенных скифах или детях, поглощен-

ных Каньоном, никаких видений. Я освобожусь от ошейника, от оковы, от гнетущего веса их надежды. *«Ну и пусть»*.

Закрыла глаза. Вот и пришел мой конец. Скорее всего, мне посвятят страничку в «Истории святых» и наденут сияющий нимб на голову. Грустная Алина, Жалкая Алина, Безумная Алина, Дочь Двух Столбов, разорванная на кусочки однажды утром в тени городских стен. Мои кости будут продавать на обочине дороги.

Кто-то закричал. Я услышала сердитые вопли. Меня схватила чья-то крепкая рука и подняла в воздух.

Я открыла глаза и увидела угрожающее лицо Толи. Он прижимал меня к себе.

Рядом стояла Тамара с поднятыми руками и поворачивалась медленным кругом.

– Не подходите, – предупредила она толпу.

Некоторые паломники сонно заморгали, другие просто осели на землю. Она замедляла их сердцебиение, чтобы успокоить, но людей было слишком много. Вперед вырвался мужчина. В мгновение ока Тамара достала топоры. Мужчина взревел, когда на его руке расцвела алая полоса.

– Подойдешь ближе – и потеряешь ее, – рявкнула девушка.

Пилигримы словно озверели.

– Я могу помочь, – слабо произнесла я.

Толя не ответил, проталкиваясь через толпу; Тамара крутилась вокруг него, постоянно размахивая оружием, чтобы расчистить нам дорогу. Пилигримы стонали и выли, их руки тянулись ко мне.

– Сейчас, – сказал Толя. Затем повторил громче: – Сейчас!

Он рванул с места. Моя голова стукнулась об его грудь, когда мы помчались под прикрытие городских стен. Тамара следовала за нами по пятам. Стражи увидели разразившуюся суматоху и уже начали закрывать ворота.

Толя продолжал бежать, сбивая людей, встречавшихся по пути, и прорвался через сужающуюся щель между железными дверями. За секунду до того, как ворота с лязгом захлопнулись, Тамара проскользнула следом. Я услышала грохот с другой стороны, удары тел, царапанье ногтей, изголодавшиеся крики. И свое имя. *Санкта-Алина*.

– О чем, черт возьми, ты думала?! – зарычал Толя, поставив меня на землю.

– Позже, – строго отрезала Тамара.

Городские стражи прожигали меня взглядами.

– Уведите ее, – сердито рявкнул один из них. – Нам повезет, если это не закончится полномасштабным мятежом!

Близнецы подготовили лошадей. Тамара сдернула покрывало с одной из торговых лавочек и накинула его мне на плечи. Я обмотала им шею, пряча ошейник. Девушка запрыгнула в седло, а Толя бесцеремонно закинул меня ей за спину.

Мы быстро скакали в гнетущем молчании к дворцовым воротам. Беспорядки за пределами городских стен еще не распространились на верхний город, поэтому на нас лишь недоуменно косились.

Близнецы не проронили ни звука, но я видела, что они в ярости. У них было на то полное право. Я повела себя как идиотка, и теперь оставалось лишь надеяться, что стража внизу сможет восстановить порядок, не прибегая к насилию.

Но где-то между паникой и сожалением в моей голове родилась идея. Я убеждала себя, что это бред, попытка принять желаемое за действительное, но не могла от нее отделаться.

Когда мы вернулись в Малый дворец, близнецы захотели провести меня напрямик в покои Дарклинга, но я воспротивилась.

– Теперь я в безопасности. Мне нужно кое-что сделать.

Они настояли на том, чтобы пойти со мной в библиотеку.

Я довольно быстро нашла то, что искала. В конце концов, я работала картографом. Я сунула книгу под мышку, и мы с моими хмурыми стражами вернулись в гостиную.

К моему удивлению, там нас ждал Мал. Он сидел за столом, потягивая чай из стакана.

– Где вы... – начал он, но, не успев моргнуть, как Толя сдернул его с кресла и толкнул к стене.

– Где *ты* был? – прорычал он в лицо Малу.

– Толя! – обеспокоенно вскрикнула я. Попыталась оттянуть его руки от шеи Мала, но с тем же успехом могла гнуть стальные прутья. Повернулась к Тамаре за помощью, но та просто стояла со скрещенными руками, такая же сердитая, как ее брат.

Мал захрипел. Он не переоделся с прошлой ночи. На подбородке появилась щетина, от него несло кровью и квасом, как от грязного пальто.

– Святые, Толя! Отпусти его!

Мгновение тот выглядел так, словно намеревался выдавить из Мала всю жизнь, но затем расслабил пальцы, и парень сполз по стене, кашляя и лихорадочно глотая воздух.

– Сегодня твоя смена, – прорычал Толя, ткнув пальцем в грудь Мала. – Ты должен был быть с ней!

– Простите, – еле выдавил он, потирая горло. – Наверное, я заснул. Я был прямо за...

– Ты был на дне бутылки, – прошипел великан. – От тебя разит алкоголем.

– Простите, – сокрушенно повторил Мал.

– Простите?! – кулаки Толи сжались. – Да я готов разорвать тебя на части!

– Можешь расчленить его позже, – вмешалась я. – Сейчас мне нужно, чтобы ты нашел Николая и попросил его встретиться со мной в военной комнате. А я пока переоденусь.

Я пошла в свою комнату и закрыла дверь, пытаюсь взять себя в руки. Неплохое начало дня – я чуть не умерла и, возможно, спровоцировала мятеж. Может, успею еще что-нибудь поджечь до завтрака.

Я ополоснула лицо и переоделась в кафтан, а затем поспешила в командный пункт. Там уже ждал Мал, развалившись в кресле, хоть я его и не приглашала. Он переоделся, но все равно выглядел неопрятно. На его лице начали проявляться свежие ссадины с прошлой ночи. Когда я вошла, он поднял голову, но ничего не сказал. Смогу ли я когда-нибудь смотреть на него без чувства боли?

Я положила атлас на длинный стол и подошла к древней карте Равки, идущей вдоль всей стены. Из всех карт в комнате эта была самой старой и красивой. Провела пальцами по выпуклым хребтам Сикурзоя – гор, обозначавших южную границу Равки с Шуханом, затем спустилась к западным предгорьям. Долина Два Столба была слишком маленькой, чтобы быть обозначенной на этой карте.

– Ты что-нибудь помнишь? – спросила я Мала, не глядя. – О жизни до Керамзина?

Мал был ненамного старше меня, когда приехал в приют. Я все еще помнила день его прибытия. До меня дошли слухи, что приедет еще один беженец, и я надеялась, что это будет девочка, с которой мы сможем играть. Вместо этого мне достался пухлый, голубоглазый мальчишка, который готов был на что угодно, чтобы выиграть спор.

– Нет. – Он все еще хрипел после схватки с Толей.

– Совсем?

– Раньше мне снилась женщина с длинной золотой косой. Она размахивала ею передо мной, как игрушкой.

– Твоя мама?

– Мама, тетя, соседка. Откуда мне знать? Алина, насчет того, что произошло...

– Что-нибудь еще?

Парень смотрел на меня несколько секунд, потом вздохнул.

– Каждый раз, когда я чувствую запах лакицы, то вспоминаю, как сидел на крыльце с красным стулом перед собой. Все. Остальное... – Он замолчал и пожал плечами.

В объяснениях я не нуждалась. Воспоминания – это роскошь, предназначенная другим детям, а не сиротам Керамзина. «Будь благодарна. Будь благодарна».

– Алина, – снова позвал Мал, – то, что ты сказала о Дарклинге...

Но в эту секунду в комнату вошел Николай. Несмотря на ранний час, он выглядел по-королевски: волосы сияют, сапоги начищены до блеска. Он взглянул на синяки и щетину Мала и вздернул бровь.

– Я так понимаю, вы еще не просили принести чай?

Принц уселся и вытянул перед собой длинные ноги. Толя и Тамара заняли посты, но я попросила их закрыть дверь и присоединиться к нам.

Когда все собрались вокруг стола, сказала:

– Утром я ходила к пилигримам.

Николай резко поднял голову. В ту же секунду образ легкомысленного принца куда-то испарился.

– Скажи, что я ослышался.

– Со мной все хорошо.

– Ее чуть не убили, – вставила Тамара.

– Чуть не считается, – возразила я.

– Ты совсем сдурела?! – воскликнул Николай. – Эти люди – фанатики! – Повернулся к Тамаре. – Как ты могла ее отпустить?

– Я и не отпускала.

– Только не говори, что ты пошла одна, – обратился он ко мне.

– Нет, конечно.

– Она пошла одна.

– Тамара, заткнись! Николай, я же сказала, со мной все хорошо.

– Только потому, что мы вовремя подросли, – отрезала девушка.

– Как вы туда попали? – тихо спросил Мал. – Как вы ее нашли?

Лицо Толи помрачнело, и он стукнул громадным кулаком по столу.

– Если бы ты был на страже, нам бы и не пришлось ее искать!

– Хватит, Толя, – резко оборвала я. – Мал покинул пост, а я сама отвечаю за свои глупости.

Я сделала глубокий вдох. Мал выглядел опустошенным. Толя – словно готов разнести в щепки всю мебель вокруг. Лицо Тамары окаменело, а Николая я еще никогда не видела таким злым. Но, по крайней мере, мне удалось привлечь их внимание.

Я придвинула атлас к центру стола.

– Иногда пилигримы называют меня дочерью Двух Столбов.

– Двух Столбов? – переспросил Николай.

– Это долина, названная в честь руин у входа в нее.

Я открыла атлас на помеченной странице. Там была подробная карта юго-западной границы.

– Мы с Малом родом оттуда, – сказала я, проводя пальцем по краю карты. – Поселения тянутся по всей этой области.

Открыла на странице с изображением дороги, ведущей в долину, усеянную городами. По ее бокам стояли узкие каменные столбы.

– Не особо впечатляет, – проворчал Толя.

– Именно. Это древние руины. Кто знает, как долго они там стоят и чем были изначально? Долину называют Два Столба, но, возможно, они были частью ворот или акведука. – Я провела пальцем по оси. – Или арки.

В комнате воцарилась мертвая тишина. С аркой на переднем плане и горами вдалеке руины выглядели в точности как пейзаж за спиной святого Ильи в «Истории святых». Не хватало только жар-птицы.

Николай придвинул атлас к себе:

– Может, мы просто выдаем желаемое за действительное?

– Не исключено, – признала я. – Но трудно поверить, что это случайность.

– Мы отправим разведчиков, – предложил он.

– Нет. Я хочу лично туда наведаться.

– Если уедешь сейчас, все, чего ты добились со Второй армией, пойдет насмарку. Я поеду. Если Василий может ездить в Карьев, чтобы купить пони, то никто не возразит, если я отправлюсь на небольшую охоту.

Я покачала головой.

– Это я должна убить жар-птицу.

– Мы даже не знаем, там ли она.

– Почему мы вообще это обсуждаем? – спросил Мал. – Всем и так ясно, что поеду я.

Тамара с Толей обеспокоенно переглянулись.

Николай прочистил горло.

– При всем уважении, Оретцев, ты не в лучшей форме.

– Я в порядке.

– Ты хоть видел себя в зеркало?

– Ты смотришь в него за нас двоих, – парировал Мал. Затем измученно провел рукой по лицу. – Я слишком устал и пьян, чтобы спорить. Но я единственный, кто может найти жар-птицу. Это должен быть я.

– Я поеду с тобой, – настаивала я.

– Нет, – ответил он с удивительной твердостью. – Я выслежу ее. Поймаю. И привезу к тебе. Но ты со мной не поедешь.

– Это слишком рискованно. Даже если ты ее поймашь, то как доставишь во дворец?

– Заставь своих фабрикаторов изготовить что-нибудь для меня. Так будет лучше для всех. Ты получишь жар-птицу, а я освобожусь от этого забытого святыми места.

– Ты не можешь путешествовать в одиночку. Ты...

– Так отправь со мной Толю или Тамару. Так мы поедem быстрее и не привлечем внимания. – Мал отодвинул стул и встал. – В деталях разбирайся сама. Принимай любые меры, какие потребуются. – Он не смотрел на меня, когда сказал: – Просто сообщи, когда я могу уехать.

Не успела я снова возразить, как он ушел.

Я отвернулась, пытаясь сдержать нахлынувшие слезы. Николай пробормотал какие-то инструкции близнецам, и те отчалили.

Я глянула на карту. Полизная, где мы отбывали военную службу. Раевость, где началось наше путешествие в Петразой. Цибя, где он впервые меня поцеловал.

Николай опустил руку на мое плечо. Я не знала, откинуть ее или повернуться и упасть в его объятия. Как он тогда себя поведет? Похлопает меня по спине? Поцелует? Сделает предложение?

– Это к лучшему, Алина.

Я горько рассмеялась.

– Ты заметил, что люди всегда врут, когда так говорят?

Парень убрал руку.

– Ему здесь не место.

«Его место рядом со мной!» – хотелось мне закричать. Но я знала, что это неправда. Подумала о разбитом лице Мала, как он ходил взад-вперед, словно зверь в клетке, как он

сплевывал кровь и подзывал Эскиля. «Давай же». Вспомнила, как он обнимал меня, когда мы пересекали Истиноморе. Карта расплылась перед глазами, наполнившись слезами.

– Отпусти его, – тихо сказал Николай.

– Куда? На охоту за мифическим существом, которого, возможно, даже никогда не было?

На невыполнимую миссию в горы, которые кишат шуханцами?

– Алина, – ласково произнес принц, – так и поступают герои.

– Я не хочу, чтобы он был героем!

– Он не может изменить себя, как и ты не можешь перестать быть гришом.

Его слова вторили тому, что я сказала всего пару часов назад, но мне не хотелось их слышать.

– Тебе плевать, что с ним случится, – сердито произнесла я. – Ты просто хочешь от него избавиться.

– Если бы я хотел, чтобы ты разлюбила Мала, то заставил бы его остаться. Позволил бы ему и дальше запивать свои проблемы квасом и вести себя как обиженный придурок. Но ты действительно желаешь ему такой жизни?

Я с трудом вдохнула. Нет. Конечно, нет. Мал здесь несчастен. Он страдал с того самого дня, как мы приехали, но я отказывалась это видеть. Кричала на него за то, что он хотел, чтобы я стала кем-то другим, в то время как требовала от него ровно того же. Я вытерла слезы с щек. Спорить с Николаем нет смысла. Мал – солдат. Ему нужна цель. И, если я позволю, она у него появится.

Да и почему бы не признать правду? Даже когда я возражала, во мне звучал еще один голос – жадный, постыдный, голодный, жаждущий завершения, требующий чтобы я отпустила Мала и он нашел жар-птицу, чтобы он принес ее мне любой ценой. Я сказала Малу, что его Алина исчезла. Лучше, чтобы и он исчез до того, как узнал, насколько правдивы эти слова.

Я вновь провела пальцами по иллюстрации Двух Столбов. Может, это просто две мельницы или нечто большее? Как узнать, если от них не осталось ничего, кроме руин?

– Знаешь, в чем беда героев и святых, Николай? – спросила я, закрывая книгу и направляясь к двери. – Они всегда погибают.

ГЛАВА 22

Мал весь день меня избегал, так что я удивилась, когда он пришел с Тамарой, чтобы сопровождать меня на ужин в честь дня рождения Николая. Я предполагала, что его место займет Толя. Может, он стремился загладить вину за то, что не явился на смену.

Я и сама всерьез подумывала пропустить праздник, но в этом не было смысла. Достойного оправдания я не придумала, а мое отсутствие оскорбит короля и королеву.

Я надела легкий кафтан из мерцающих слоев золотого шелка. Корсет украшали сапфиры синего цвета заклинателей, которые сочетались с драгоценными заколками в моих волосах.

Мал окинул меня быстрым взглядом, когда я вышла в гостиную, и вдруг мне подумалось, что эти цвета больше подошли бы Зое. Сама себе удивилась. Какой бы красавицей она ни была, настоящая проблема крылась не в ней. Мал уезжал. Я его отпустила. Больше некого винить в нашем разрыве.

Ужин был накрыт в одном из роскошных обеденных залов Большого дворца. Его прозвали «Орлиным гнездом» за огромный фриз на потолке, изображавший двуглавого орла в коронах со скипетром в одной лапе и черными стрелами, перевязанными красными, синими и фиолетовыми лентами в другой. Перья орла были сделаны из настоящего золота, и мне невольно вспомнилась жар-птица.

За столом собрались самые высокопоставленные генералы Первой армии со своими женами, а также самые выдающиеся дяди, тети и отпрыски семьи Ланцовых. В одном конце стола сидела королева, похожая на помятый цветок в бледно-розовых шелках. На противоположном конце Василий соседствовал с королем, делая вид, что не замечает, как отец разглядывает молодую жену одного из офицеров. Николай восседал по центру рядом со мной, как всегда, источая очарование.

Он просил, чтобы в этом году не устраивали бал в его честь. Это казалось неправильным, когда за городскими стенами голодало столько беженцев. Но сейчас были белые ночи, и король с королевой не удержались. Пир состоял из тринадцати блюд, включая целого запеченного поросенка и студень в форме олененка, выполненного в натуральную величину.

Когда настало время для подарков, отец вручил Николаю огромное голубое яйцо. Внутри оказался изящный миниатюрный корабль, плавающий в лазуритовом море. На мачте развевался флаг Штурмхонда с красным псом, а крошечная пушка с тихим хлопком выстреливала облачком белого дыма.

На протяжении всего вечера я вполуха прислушивалась к разговорам и наблюдала за Малом. Королевских стражников расставили с небольшими промежутками вдоль каждой стены. Я знала, что Тамара была где-то позади меня, но Мал стоял прямо напротив, замерев в напряженной позе, с руками за спиной и пустым взглядом, направленным вперед, как у всей безымянной прислуги. Видеть его таким было настоящей мукой. Мы всего в паре шагов друг от друга, но они казались милями. Разве так не было с тех самых пор, как мы прибыли в Ос Альту? Мою грудь стянуло узлом, и каждый раз, когда я смотрела на Мала, он затягивался все туже. Парень побрился и подстриг волосы. Форма идеально выглажена. Он выглядел усталым и отстраненным, но при этом самим собой – снова Малом.

Дворяне поднимали тосты за здоровье Николая. Генералы хвалили его мужество и лидерские качества. Я ожидала, что Василий будет реагировать скептически на все эти восхваления, сыплющиеся в сторону брата, но он выглядел очень даже веселым. Его лицо покраснело от вина, а губы расплылись в улыбке, которую я могла описать только как самодовольную. Похоже, поездка в Карьев оставила его в хорошем расположении духа.

Мой взгляд вернулся к Малу. Я не знала, чего мне больше хотелось: разрыдаться или метать тарелки в стены. В зале было слишком жарко, и рана на плече снова начала чесаться и пульсировать. Пришлось подавить желание потерять ее.

«Чудесно, – мрачно подумала я. – *Может, у меня начнется очередная галлюцинация, и Дарклинг выскочит прямо из супницы*».

Николай наклонил голову и прошептал:

– Знаю, что моя компания не способна поднять тебе настроение, но ты не могла бы хоть притвориться? Такое впечатление, что ты сейчас расплачешься.

– Прости, – пробормотала я. – Просто...

– Понимаю, – он сжал мне руку под столом. – Но этот желатиновый олень отдал жизнь ради твоего развлечения.

Я выдавила улыбку и попыталась взять себя в руки. Смеялась и болтала с полным, краснолицым генералом справа от меня и делала вид, что мне не все равно, когда веснушчатый парнишка Ланцов по другую сторону стола пустился в рассказ о ремонте на даче, которую он унаследовал.

Когда подали фруктовый лед, Василий встал и поднял бокал шампанского.

– Брат, – начал он, – я рад, что могу поднять тост за твое рождение и наконец-то отпраздновать этот день вместе с тобой после стольких лет, которые ты провел на других берегах. Поздравляю и пью в твою честь. Твое здоровье, братец!

– *Нье залость!* – повторили гости, сделав щедрые глотки из бокалов и возвращаясь к разговору.

Но Василий еще не закончил. Он постучал вилок по бокалу, и звон вернул внимание дворян.

– Сегодня, – продолжил он, – у нас есть еще один повод для празднований, помимо рождения моего *родного* брата.

Если упора на слово «родной» было недостаточно, то ухмылка Василия завершила дело. Николай продолжал улыбаться, как ни в чем не бывало.

– Как вам всем известно, последние недели я путешествовал.

– И, без сомнений, тратил деньги, – хохотнул краснолицый генерал. – Подозреваю, скоро вам придется строить новую конюшню.

Василий смерил его ледяным взглядом.

– Я был не в Карье. Вместо этого я поехал на север по заданию, одобренному нашим дражайшим отцом.

Николай резко выпрямился.

– После долгих и тяжелых переговоров я с радостью могу объявить, что Фьерда согласилась присоединиться к нам в борьбе с Дарклингом. Ради этой благой цели они пообещали отдать нам свои войска и ресурсы.

– Неужели? – спросил один из дворян.

Василий горделиво выпятил грудь.

– Именно так. Наконец-то, и не без больших усилий, наш заклятый враг стал самым могущественным союзником.

Гости разразились радостными криками. Король просиял и обнял старшего сына.

– *Нье Равка!* – крикнул он, поднимая шампанское.

– *Нье Равка!* – пропели гости.

Я удивилась, заметив хмурое лицо Николая. Он говорил, что его брат любит короткие пути, и, похоже, Василий нашел его. Но принцу было несвойственно показывать свое разочарование или раздражение.

– Невероятное достижение, брат. Поздравляю, – сказал Николай, поднимая бокал. – Можно поинтересоваться, чего они захотели в обмен за свою поддержку?

– Фьерданцы умеют торговаться, – снисходительно хохотнул Василий. – Но ничего слишком обременительного. Они пожелали получить доступ к нашим портам в Западной Равке и попросили помощи в установлении порядка на южных торговых путях. Туда часто совершают набеги земенские пираты. Насколько я понимаю, ты легко с этим справишься, братец, – сказал он и снова радостно усмехнулся. – Они также хотели, чтобы мы открыли несколько северных дорог, по которым возят заготовленную древесину, и когда Дарклинг будет побежден, они рассчитывают на сотрудничество с заклинательницей Солнца в нашей общей борьбе за уничтожение Каньона.

Принц широко мне улыбнулся. Я поежилась от его самонадеянности, но просьба была вполне разумной. Даже лидер Второй армии считался подчиненным короля. Я попыталась кивнуть с достоинством.

– Какие дороги? – спросил Николай.

Василий беспечно отмахнулся.

– Где-то на юге от Халмхенда, к западу от Вечного Мороза. Они хорошо защищены крепостью в Уленске, если фьерданцам придет дурное в голову.

Николай быстро встал, и его стул громко царапнул паркет.

– Когда ты убрал блокады? Как давно открыты дороги?

Василий пожал плечами.

– Какая разница...

– *Когда?!*

Рана на моем плече заныла.

– Чуть больше недели назад. Ты же не боишься, что фьерданцы задумали напасть на нас с Уленска? Реки еще не скоро оттают, а до тех пор...

– Ты хоть раз задумывался, зачем им эти дороги?

Василий скучающе взмахнул рукой.

– Полагаю, им нужны лесоматериалы. Или эти леса священны для одного из их нелепых древесных духов.

С разных концов стола раздались нервные смешки.

– Они охраняются всего одной крепостью, – прорычал Николай.

– Потому что дорога слишком узкая, чтобы вместить настоящую армию.

– Твои представления о войне устарели, брат. Дарклингу не нужен батальон солдат или тяжелое оружие. Его гришей и ничегой вполне достаточно. Нам нужно немедленно эвакуировать дворец!

– Не неси чепуху!

– Нашим единственным преимуществом было раннее предупреждение, а разведчики у тех блокад – первая линия обороны. Они были нашими глазами, а ты нас ослепил. Сейчас Дарклинг может находиться у дворцовых ворот!

Василий с грустью покачал головой.

– Не выставляй себя дураком.

Николай ударил кулаками по столу, и ближайшие тарелки подскочили с громким звоном.

– Тогда почему фьерданская делегация не приехала, чтобы разделить твою славу? Выпить за этот беспрецедентный альянс?

– Они выразили сожаление, что не могут так скоро прибыть, поскольку...

– Их здесь нет, потому что скоро тут начнется бойня! Они в сговоре с Дарклином.

– Все наши разведчики сообщают, что он на юге с шуханцами.

– Думаешь, у него нет шпионов? Нет собственных агентов в нашей сети? Он устроил ловушку, которую распознал бы любой ребенок, а ты угодил прямо в нее.

Лицо Василия стало пунцовым.

– Николай, наверняка... – начала возражать его мать.

– Крепость в Уленске укомплектована целым полком, – вставил один из генералов.

– Видишь? – вздернул бровь Василий. – Это паникерство чистой воды, и больше я этого не потерплю!

– Полк против армииничегой? Все в этой крепости уже мертвы, – отрезал Николай, – стали жертвой твоей гордыни и глупости.

Рука Василия метнулась к рукоятке сабли.

– Ты забываешься, маленький ублюдок!

Королева ахнула.

Николай грубо рассмеялся.

– Давай же, братец, выведи меня на чистую воду. Много от этого будет толку. Посмотри на этот стол. Все генералы, все высокопоставленные дворяне, большинство членов семьи Ланцовых и заклинательница Солнца. В одном месте, в одно время.

Многие за столом внезапно побледнели.

– Возможно, – начал веснушчатый мальчишка напротив меня, – нам стоит задуматься...

– Нет! – отрезал Василий с дрожащей губой. – Это все его мелкая зависть! Ему ненавистны мои успехи! Он...

Вдалеке забили колокола. Затем ближе, у городских стен. Мало-помалу они соединялись в нарастающий хор тревоги, который эхом раскатывался по улицам Ос Альты, через верхний город и за стенами Большого дворца.

– Ты передал ему Равку, – сказал Николай.

Гости повскакивали с мест, в панике резко отстраняясь от стола.

Мал мгновенно оказался рядом со мной, держа саблю наготове.

– Нам нужно в Малый дворец, – сказала я, думая о зеркальных тарелках на крыше. – Где Тамара?

Окна взорвались.

На нас посыпались осколки стекла. Я прикрыла лицо руками, а гости закричали, сбившись в кучу.

Ничегои роем влетели в зал на крыльях, спаянных из теней, и воздух загудел как от жужжания тучи насекомых.

– Уведите короля! – приказал Николай, доставая меч и подбегая к матери.

Дворцовую стражу будто парализовало – мужчины окаменели от ужаса.

Тень оторвала веснушчатого мальчишку от пола и швырнула его в стену. Он сполз вниз со сломанной шеей.

Я подняла руки, но в помещении было слишком много людей, чтобы рискнуть использовать разрез.

Василий все так же стоял у стола, король прятался позади него.

– Это ты сделал! – закричал он Николаю. – Ты и твоя ведьма!

Принц высоко поднял саблю и с воплем ярости кинулся вперед. Мал встал передо мной, готовясь блокировать удар. Но, прежде чем Василий смог нанести его, ничегоя вцепилась в него когтями и оторвала руку от сустава вместе с саблей. Он замер на секунду, покачиваясь, истекая кровью, а затем безжизненно свалился на пол.

Королева истерично взвыла. Она начала расталкивать всех, чтобы добраться до тела сына, скользя туфлями по луже его крови, но Николай удержал ее.

– Не надо, – взмолился он, крепко обнимая мать. – Он мертв, *мадрая*. Он мертв.

В окна влетела новая стая ничегои, пробивая себе путь к Николаю и королеве.

У меня не осталось выбора. Я призвала свет двумя горящими арками, разрезая одного монстра за другим, едва не попав в одного из генералов, распластавшегося на полу от страха. Люди кричали и плакали, пока ничегои сокращали их ряды.

– Ко мне! – крикнул Николай, спешно уводя мать с отцом к двери. Мы со стражей последовали за ними, пятясь вышли в коридор, и побежали.

Большой дворец погрузился в хаос. В коридорах толпились испуганные слуги и лакеи – некоторые пытались выбраться наружу, другие баррикадировались в комнатах. Я услышала рыдания, звук бьющегося стекла. Где-то снаружи прозвучал взрыв.

«Пусть это будут фабрикатеры», – отчаянно взмолилась я.

Мы с Малом выбежали из дворца и вприпрыжку спустились по мраморным ступеням. Воздух пронзил скрежет гнущегося металла. Я взглянула вниз вдоль гравийной дорожки как раз вовремя, чтобы увидеть, как золотые ворота Большого дворца сорвались с петель от ветра эфиреалов. Гриши Дарклинга в разноцветных кафтанах стремительно заполняли территорию дворца.

Мы кинулись по дорожке к Малому дворцу. Николай и королевская стража шли за нами, замедлив темп из-за его слабого отца.

У входа в лесной туннель король согнулся пополам, сильно хрипя, а королева, рыдая, крепко вцепилась в его руку.

– Мне нужно отвести их к «Зимородку», – сказал Николай.

– Иди длинной дорогой, – посоветовала я. – Первым делом Дарклинг направится к Малому дворцу. Он придет за мной.

– Алина, если он тебя схватит...

– Иди. Спаси их, спаси Багру. Я не брошу гришей.

– Я отведу их и вернусь. Даю слово.

– Слово головореза и пирата?

Он ласково коснулся моей щеки.

– Корсара.

Почва задрожала от нового взрыва.

– Идем! – крикнул Мал.

Когда мы вбежали в туннель, я оглянулась и увидела силуэт Николая на фоне фиолетового неба. Интересно, увидимся ли мы когда-нибудь вновь?

* * *

Рана на плече горела огнем и пульсировала, заставляя меня бежать быстрее. Мозг вскипел. *«Только бы у них была возможность закрыться в главном зале, только бы у них было время встать за пушки на крыше, только бы я успела добраться до тарелок»*. Из-за заносчивости Василия все наши планы полетели к чертям собачьим.

Я вылетела из туннеля, и мои ноги пробуксовали по земле, поднимая брызги гравия. Не знаю, что меня остановило – инерция или зрелище, опустившее меня на колени.

Малый дворец был окутан бурлящими тенями. Они стрекотали и жужжали, ползая по стенам и пикируя на крышу. На ступеньках и на земле лежали трупы. Главные двери были распахнуты.

Тропинку перед лестницей засыпало осколками разбитого стекла. Рядом лежала на боку разломанная тарелка Давида, придавив собой девушку, ее очки сползли с лица. Пажа. Перед тарелкой копошились две ничегои, глядя на свое искаженное отражение.

Я издала вопль чистой ярости и метнула огненный поток света, пронзивший их обеих. Растворив ничегой, он отразился в грани тарелки.

С крыши донесся грохот выстрелов. Кто-то выжил. Кто-то продолжал бороться. И у меня осталась вторая тарелка. Мало, но это все, что у нас имелось.

– Сюда, – позвал Мал.

Мы побежали по газону и вошли в дверь, ведущую в покои Дарклинга. Когда мы подошли к лестнице, из-за двери на нас выпрыгнула воющая ничегога, сбив меня с ног. Мал разрубил ее саблей. Та задрожала и снова сформировалась.

– Назад! – рывкнула я. Мал пригнулся, и я уничтожила теневого солдата разрезом. Затем, с бешено бьющимся сердцем, побежала вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Мал не отставал. Воздух наполнился запахом крови и зубодробящим грохотом стрельбы.

Когда мы вышли на крышу, кто-то крикнул:

– С дороги!

У нас как раз хватило времени, чтобы забежать назад, прежде чем высоко над нами взорвались гранаты, ослепляя ярким светом. В ушах зазвенело. Корпоралы управляли пушками Николая, обрушивая поток пуль на массу теней, в то время как фабрикатеры кидали в них боеприпасы. Оставшуюся тарелку окружали вооруженные гриши, с трудом отгонявшие ничегогай. Давид неумело наставлял винтовку и пытался удержать позицию. Я призвала свет огненным хлыстом, расколовшим небо, чем и сберегла нам несколько драгоценных секунд.

– Давид!

Тот дважды подул в свисток, висящий на шее. Надя быстро надела очки, и прочник Эраст, управляющий тарелкой, занял свое место. Я не ждала – подняла руки и послала свет стремительным потоком. Прозвучал свисток. Тарелка наклонилась. От зеркальной поверхности выстрелил чистый луч света. Несмотря на отсутствие второй тарелки, он все равно проткнул небо, рассекая ничегогай, тут же сгоревших дотла.

Луч пронесся по воздуху мерцающей дугой, уничтожая черные тела и прореживая орду, пока мы не увидели глубокие сумерки белой ночи. При виде звезд гриши издали победный клич, и мой страх уступил место тоненькому лучику надежды.

Но затем в наши ряды прорвалась ничегога. Она уклонилась от света и набросилась на тарелку, раскачивая ее основание.

Мал сразу же накинулся на чудище, пронзая его саблей снова и снова. Группа гришей попыталась ухватить ничегога за мускулистые ноги, но та постоянно перемещалась и уклонялась от них. А затем теневая армия хлынула на нас со всех сторон. Одна из тварей проскользнула мимо луча и нырнула напрямик за тарелку. Зеркало покачнулось вперед. Свет дрогнул и погас.

– Надя! – вскрикнула я. В последнюю секунду они с Эрастом успели спрыгнуть с тарелки. Та рухнула набок с оглушительным звоном разбивающегося стекла, и ничегога усилили натиск.

Я метала свет, дугу за дугой.

– Все в зал! Заприте двери!

Гриши побежали, но они были недостаточно быстрыми. Раздался крик, и на долю секунды я увидела лицо Федора, когда его оторвали от земли и скинули с крыши. Я обрушила яркий ливень из искр для прикрытия, но ничегогаи не останавливались. Если бы только у нас было две тарелки... Если бы только у нас было время...

Внезапно рядом появился Мал, держа в руке ружье.

– Плохо дело. Нужно уходить.

Я кивнула, и мы попятились к лестнице. Небо потемнело от извивающихся теней. Я наступила на что-то мягкое и споткнулась.

К куполу жался Сергей. В его руках лежала Мария. Ее вспороли от шеи до пупка.

– Никого не осталось, – всхлипнул мужчина, по его щекам текли слезы. – Никого. – Он качался взад-вперед, крепко прижимая девушку. Я не могла на нее смотреть. Легкомысленная, веселая Мария с очаровательными каштановыми кудряшками.

Ничегогаи приземлялись на крышу, катясь к нам черной волной.

– Мал, подними его! – крикнула я, кидая разрез в гущу теней.

Мал схватил Сергея и оттащил его от Марии. Гриш боролся и брыкался, но мы увели его внутрь и захлопнули за собой дверь. Затем начали спускаться по лестнице, то толкая, то таща Сергея. На втором этаже мы слышали, как дверь с крыши с грохотом распахнулась. Я отправила вверх режущую дугу света, надеясь, что она попадет не только в лестницу, и сбежала по последнему пролету.

Мы ворвались в главный зал, и гриши закрыли дверь на засов. Раздался громкий удар, а затем второй – ничегои пытались выбить дверь.

– Алина! – крикнул Мал.

Я повернулась и увидела, что остальные двери тоже заперли, но внутри были ничегои. Зоя и брат Нади прижались к стене, используя ветер шквальных, чтобы бросать столы, стулья и обломки мебели в наступающую стаю теневых солдат.

Я подняла руки, и свет выстрелил вперед искрящимися проводами, пронзая ничегой одну за другой, пока их не осталось ни одной. Зоя опустила руки, и на пол с громким лязгом упал самовар.

За каждой дверью стучали и царапали. Ничегои раздирали дерево и искали щели или трещины, чтобы просочиться внутрь. Казалось, что их стрекот и жужжание исходят со всех сторон. Но фабрикатеры хорошо справились со своей работой. Засовы выдержат – по крайней мере, какое-то время.

Тогда я окинула помещение взглядом. Зал был залит кровью. Стены были измазаны в ней, на каменном полу собирались лужи. Повсюду лежали тела – маленькие кучки фиолетового, красного и синего.

– Кто-нибудь еще остался? – спросила я, не сдержав дрожи в голосе.

Зоя скорбно помотала головой. Ее щеки покрывали брызги крови.

– Мы сидели за ужином, – сказала она. – И слышали звон колоколов. У нас не хватило времени запечатать двери. Они были... повсюду.

Сергей тихо всхлипывал. Давид выглядел бледным, но спокойным. Надя смогла добраться до зала. Она обнимала Адрика, и хоть тот дрожал, его подбородок все равно упрямо задирался вверх. Было еще три инферна и два корпориаля – один целитель и один сердцебит. Вот и все, что осталось от Второй армии.

– Кто-нибудь видел Толю с Тамарой? – спросила я.

Но никто их не видел. Возможно, они мертвы. Или же сыграли некую роль в этой катастрофе. Тамара исчезла из обеденного зала. Кто знает, может быть, все это время она работала на Дарклинга.

– Скорее всего, Николай еще не отплыл, – сказал Мал. – Можем попытаться добежать до «Зимородка».

Я покачала головой. Если Николай еще не отплыл, то он и его семья уже мертвы, и Багра, наверное, тоже. Внезапно я представила, как тело Николая плывет лицом вниз по озеру рядом с обломками «Зимородка».

Нет. Нельзя так думать. Мне вспомнилась моя первая мысль при встрече с Николаем. Нужно верить, что умный лис сможет избежать и этой ловушки.

– Дарклинг сосредоточил свои силы здесь, – сказала я. – Мы можем сбежать в верхний город и попытаться бороться оттуда.

– Ничего не выйдет, – произнес Сергей с безнадежностью в голосе. – Их слишком много.

Так и было. Мы знали, что до этого может дойти, но предполагали, что нас будет гораздо больше, и надеялись на подкрепление из Полизной.

Где-то вдалеке прозвучал раскат грома.

– Он иде-е-ет, – простонал один из инфернов. – Ох, святые, он идет!

– Нас всех убьют, – прошептал Сергей.

– Если повезет, – ответила Зоя.

Не самый обнадеживающий ответ, но верный. Я видела правду о том, как Дарклинг поступал с предателями, в темных глубинах глаз его собственной матери. И что-то мне подсказывало, что с Зоей и остальными обойдутся куда более жестоко.

Зоя попыталась стереть кровь с лица, но лишь размазала ее по щеке.

– Я предлагаю все же двинуться в верхний город. Лучше попытать счастья с монстрами снаружи, чем сидеть здесь в ожидании Дарклинга.

– Шансы невелики, – предупредила я, злясь на себя, что не могу дать им надежду. – Я недостаточно сильная, чтобы побороть их всех.

– По крайней мере, с ничегоями все закончится относительно быстро, – вставил Давид. – Я голосую за то, чтобы умереть в бою.

Все повернулись к нему. Казалось, парень сам себе поразился. Затем он пожал плечами. Встретился со мной взглядом и сказал:

– Каждый делает то, что в его силах.

Я оглянулась по кругу на всех присутствующих. Один за другим все кивнули.

Глубоко вдохнула.

– Давид, у тебя остались гранаты?

Он достал два железных цилиндра из кафтана.

– Эти последние.

– Одну используй, а другую придержи. Я подам сигнал. Когда я открою двери, бегите к дворцовым воротам.

– Я останусь с тобой, – заявил Мал.

Я открыла рот, чтобы возразить, но, взглянув на него, поняла, что в этом нет смысла.

– Не ждите нас. Я отвлеку их, на сколько смогу.

Воздух пронзил новый раскат грома.

Гриши забрали винтовки из рук погибших и собрались вокруг меня у двери.

– Ладно, – сказала я. Повернулась и взялась за резные ручки. По ладоням пошла дрожь от толкотни ничегой, бьющихся снаружи об дерево. Моя рана запылала огнем.

Я кивнула Зое. Засов отодвинулся.

Распахнула двери и крикнула:

– Сейчас!

Давид кинул гранату в сумеречное небо, а Зоя взмахнула руками в воздухе, поднимая ее выше силой ветра шквальных.

– Ложись! – крикнул Давид. Мы забежали обратно в зал, зажмурились, прикрыли головы руками и приготовились.

Взрыв сотряс каменный пол, и его сияние отпечаталось красным сквозь мои закрытые веки.

Мы побежали. Ничегои разлетелись, испугавшись яркой вспышки света и звука, но уже через секунду они кинулись в погоню.

– Бегите! – крикнула я. Затем подняла руки и создала из света огненные косы, рассекая фиолетовое небо и вспарывая ничегоя за ничегоей. Мал открыл огонь. Гриши кинулись к лесному туннелю.

Я призвала всю мощь оленя и силу морского хлыста, вспомнила каждый трюк, которому научила меня Багра. Потянула свет к себе и отточила его в жгучие дуги, которые прорезали сияющие дорожки в теневой армии.

Но их было слишком много. Чего стоило Дарклингу создать такое количество? Они бросились вперед – тела меняются и вихряются, как мерцающее облако жуков, лапы вытянуты, острые когти выставлены. Они выгнали гришей из туннеля, их черные крылья били по воздуху; широкие, искаженные, зияющие рты распахнулись.

Тут воздух ожил от грохота выстрелов. Из леса слева от меня выбежали солдаты, стреляя на бегу. От военного клича, срывавшегося с их губ, волоски на моих руках встали дыбом. *Санта-Алина*.

Они накинлись наничегой, доставая мечи и сабли, и с пугающей свирепостью начали кромсать монстров. Некоторые были одеты как фермеры, другие – в изодранную форму солдат Первой армии, но всех их объединяла одинаковая татуировка: мое солнце с лучами, нарисованное чернилами на их щеках.

Только двое были не помечены. Атаку возглавляли Толя с Тамарой – глаза дикие, мечи сверкают, и мое имя на устах.

ГЛАВА 23

Солнечные воины прорвали тeneвую орду, разрезая и дырявяничегой саблями, отталкивая их назад. Стрелки палили снова и снова. Но, несмотря на их свирепость, они были всего лишь людьми: плоть и сталь против ожившей тени. Постепенно ничегои начали уменьшать их ряды.

– Бегите в часовню! – крикнула Тамара.

Часовня? И что она задумала, кидаться в Дарклинга псалтырями?

– Тогда мы окажемся в ловушке! – воскликнул Сергей, подбегая ко мне.

– Мы уже в ловушке, – ответил Мал, закидывая ружье на спину и хватая меня за руку. –

Пошли!

Я не знала, что думать, но у нас закончились варианты.

– Давид! – крикнула я. – Вторая граната!

Он метнул ее в ничегой. Меткостью парень не обладал, но Зоя ему помогла.

Мы нырнули в лес, солнечные солдаты прикрывали нас сзади. Взрыв пронесся между деревьями вспышкой белого света.

Двери часовни оказались открыты, и внутри горели лампы. Мы ворвались внутрь, эхонаших шагов отскакивало от скамеек и отражалось в синих куполах.

– Куда нам идти?! – запаниковал Сергей.

Снаружи уже слышались стрекот и жужжание. Толя захлопнул двери часовни и опустил большой деревянный засов. Солнечные воины заняли свои места у окон, держа винтовки наготове.

Тамара перепрыгнула через скамейку и пронеслась мимо меня по проходу.

– Пойдемте!

Я недоуменно наблюдала за ней. И куда же нам идти?

Она миновала алтарь и схватила один из позолоченных деревянных углов триптиха. Я изумленно смотрела, как поврежденная от воды панель отъезжает в сторону, открывая черный зияющий проход. Вот как солнечные воины попали на дворцовую территорию! И как Апрат сбежал из Большого дворца.

– Куда он ведет? – спросил Давид.

– Какая разница? – фыркнула Зоя.

Здание содрогнулось, когда воздух сотряс новый раскат оглушительного грома. Двери часовни разлетелись в щепки. Толю откинуло в сторону, и внутрь потекла тьма.

Дарклинг плыл на волне теней, поддерживаемый монстрами, которые с бесконечной осторожностью поставили его на пол часовни.

– Огонь! – приказала Тамара.

Загремели выстрелы. Ничегои извивались и крутились вокруг Дарклинга, меняясь и формируясь заново, когда пули поражали их тела. Одна занимала место другой в бесперебойном потоке теней. Дарклинг даже не дрогнул.

Ничегои лились ручьем через двери часовни. Толя уже очнулся и кинулся ко мне с двумя пистолетами. Тамара и Мал встали по бокам, гриши выстроились сзади. Я подняла руки, призывая свет и готовясь к нападению.

– Сдавайся, Алина, – сказал Дарклинг. Его безмятежный голос эхом пронесся по часовне, перебивая шум и рев. – Сдавайся, и я пощажу их.

В ответ Тамара провела лезвием одного топора по другому, отчего металл отвратительно заскрежетал. Солнечные воины поднимали винтовки, а инферны зажгли огонь своими кремнями.

– Оглянись, Алина, – продолжил Дарклинг. – Тебе не победить. Единственное, что ты можешь, это стать свидетельницей их смерти. Сдайся мне, и я не причиню им вреда – ни твоим фанатикам-солдатам, ни даже предателям-гришам.

Я взглянула на кошмар, происходящий в часовне. Ничего не кружило над нами, кучась внутри купола. Собирались вокруг Дарклинга густым облаком тел и крыльев. В окнах виднелись и другие, парящие в сумеречном небе.

Лица солнечных солдат горели решимостью, но их ряды серьезно поредели. У одного из них были прыщики на подбородке. Несмотря на татуировку, он выглядел лет на двенадцать. Они хотели чуда от своей святой, а я не могла его совершить.

Толя взвел курки пистолетов.

– Стой, – приказала я.

– Алина, – зашептала Тамара, – мы все еще можем увести тебя.

– Стой, – повторила я.

Солдаты опустили ружья. Тамара прижала топоры к ногам, но хватку не ослабила.

– Назови свои условия, – обратилась я к Дарклингу.

Мал нахмурился. Толя покачал головой. Мне было плевать. Я знала, что это может оказаться уловкой, но если есть шанс спасти всех, я должна его использовать.

– Сдайся мне, – ответил Дарклинг. – И они будут свободны. Смогут прыгнуть в эту кроличью нору и исчезнуть навсегда.

– Свободны? – прошептал Сергей.

– Он лжет, – сказал Мал. – Как всегда.

– Мне не нужно лгать, – усмехнулся Дарклинг. – Алина хочет пойти со мной.

– Она презирает тебя всем своим естеством! – сплюнул Мал.

– Неужели? – вздернул бровь Дарклинг. Его темные волосы блестели в свете ламп часовни. Создание армии теней не прошло бесследно. Он похудел, побледнел, но каким-то образом точеные черты его лица стали от этого только прекрасней. – А я ведь предупреждал, что отказник никогда тебя не поймет, Алина. Говорил, что со временем он начнет бояться и гнушаться твоей силой. Ну что, я ошибся?

– Ошибся. – Мой голос звучал уверенно, но в сердце зашевелилось сомнение.

Дарклинг покачал головой.

– Я вижу тебя насквозь. Думаешь, я являлся бы тебе снова и снова, не будь ты так одинока? Ты звала меня, и я откликнулся.

Я не могла поверить собственным ушам.

– Ты... ты был там?

– В Каньоне. Во дворце. Прошлой ночью.

Я покраснела, вспомнив, как его тело накрыло мое. Меня захлестнула волна стыда, но с ним пришло и облегчение. Значит, он не был плодом моего воображения.

– Это невозможно, – выпалил Мал.

– Ты понятия не имеешь, на что я способен, следопыт.

Я закрыла глаза.

– Алина...

– Я видел тебя настоящую, – сказал Дарклинг, – и ни разу не отвернулся. Никогда. Может ли он сказать то же самое?

– Ты ничего о ней не знаешь! – яростно возразил Мал.

– Пойдем со мной, и все закончится – страх, неуверенность, кровопролитие. Отпусти его, Алина. Отпусти их всех.

– Нет.

Но даже пока я качала головой, что-то во мне воскликнуло: «Да!»

Дарклинг вздохнул и оглянулся через плечо.

– Приведите ее.

Вперед прошаркала сгорбленная фигура в темной вуали, двигаясь медленно, словно каждый шаг приносил ей боль. *Багра*.

Мой желудок скрутило от тошноты. «Почему она такая упрямая? Почему не уплыла с *Николаем*?» Если только... Возможно, Николай так и не смог отплыть.

Дарклинг опустил руку на ее плечо. Багра вздрогнула.

– Не трогай ее! – сердито произнесла я.

– Покажи им, – приказал ей парень.

Женщина откинула шаль. Я резко втянула воздух. Кто-то позади меня застонал.

Это оказалась не Багра. Я не знала, кто это. Повсюду были укусы, вспухшие черные бугры плоти, перекрученные комья кожи, которые уже никогда не залечишь, – ни с помощью гришей, ни как-нибудь еще, – очевидные отметины ничегот. Затем я увидела потускневшее пламя ее волос, красивый янтарный оттенок оставшегося глаза.

– Жень! – ахнула я.

Все замерли в жутком молчании. Я шагнула вперед. Тут Давид протолкнулся мимо меня и сбежал с алтаря по ступенькам. Жень отпрянула от него, натягивая вуаль обратно, и отвернулась.

Давид помедлил. Протянул руку и ласково коснулся ее плеча. Я заметила, как поднималась и опускалась спина девушки, и поняла, что она плачет.

Я прикрыла рот рукой, не сумев сдержать всхлип.

За этот длинный день мне довелось увидеть сотни ужасов, но именно этот сломал меня – Жень, пятящаяся от Давида, как испуганное животное. Лучезарная Жень с алебастровой кожей и изящными руками. Стойкая Жень, выдержавшая бесчисленные унижения и оскорбления, которая всегда ходила с высоко поднятой головой. Глупая Жень, которая пыталась быть мне подругой и осмелилась проявить ко мне милосердие.

Давид обвил руками ее плечи и медленно повел по проходу. Дарклинг их не остановил.

– Ты принудила меня к этой войне, Алина, – сказал он. – Если бы ты не сбежала, Вторая армия была бы невредима. Все те гриши были бы живы. Твой следопыт счастливо служил бы в своем полку. Когда ты успокоишься? Когда позволишь мне остановиться?

«Тебе уже не помочь. Твоей единственной надеждой было пуститься в бега». Багра была права. С моей стороны было самонадеянно думать, что я смогу побороть его. Мои попытки привели лишь к бесчисленным смертям.

– Ты оплакиваешь людей, погибших в Новокрибурске, – продолжил Дарклинг, – людей, павших в Каньоне. Но как же тысячи, которые были до них, отданные на растерзание бесконечных войн? Как же другие, которые сейчас умирают на дальних берегах? Вместе мы можем положить этому конец.

Разумно. Логично. В кои веки я прислушалась к его словам. Конец всему.

«Все кончено».

Я должна была почувствовать себя раздавленной этой мыслью, побежденной, но вместо этого она наполнила меня неожиданной легкостью. Разве часть меня не знала, что все так и закончится?

В ту секунду, много месяцев назад, когда Дарклинг сомкнул свои пальцы на моем запястье в павильоне гришей, он завладел мной. Просто я этого не понимала.

– Хорошо, – прошептала я.

– Алина, нет! – яростно воскликнул Мал.

– Ты отпустишь их? Их всех?

– Нам нужен следопыт, – ответил Дарклинг. – Для поиска жар-птицы.

– Он уйдет. Нас обоих ты не получишь.

Дарклинг задумался, но затем кивнул. Я знала – он думал, что еще найдет способ, как завладеть Малом. Пусть поверит в это. Я ни за что не позволю этому произойти.

– Я никуда не пойду, – процедил Мал сквозь стиснутые зубы.

Я повернулась к близнецам.

– Уведите его. Даже если придется применить силу.

– Алина...

– Мы не уйдем, – отрезала Тамара. – Мы дали клятву.

– Вы уйдете.

Толя покачал своей огромной головой.

– Мы поклялись защищать тебя даже ценой собственной жизни. Все мы.

Я повернулась к ним.

– Тогда делайте, как я приказываю. Толя Юл-Батар, Тамара Кир-Батар, вы отведете этих людей в безопасное место.

Я призвала свет, позволив ему сверкнуть блистательным ореолом вокруг меня. Дешевый трюк, но эффектный. Николай бы мной гордился. *«Не подведите меня»*.

В глазах Тамары сверкнули слезы, но они с братом склонили головы.

Мал схватил меня за руку и грубо повернул к себе.

– Что ты делаешь?

– Я хочу этого. – *«Нуждаюсь в этом»*. Жертва или эгоизм – это уже неважно.

– Я тебе не верю.

– Я не могу убежать от себя, Мал, от той, кем я стала. Я не могу вернуть прошлую Алину, но могу освободить тебя.

– Ты не... *не можешь* выбрать его.

– Нет никакого выбора. Этому суждено случиться. – И это была правда. Я ощущала это в ошейнике, в весе оковы. Впервые за много недель я чувствовала себя сильной.

Парень помотал головой.

– Так нельзя. – Выражение его лица чуть меня не сломило. Потерянное, испуганное, как у мальчишки, стоящего в одиночестве посреди руин сгоревшей деревни. – Прощу, Алина, – тихо произнес он. – Пожалуйста. Не может все так закончиться.

Я подняла руку к его щеке, надеясь, что между нами еще осталась хоть какая-то связь, благодаря которой он поймет. Встала на носки и поцеловала шрам на его челюсти.

– Я любила тебя всю свою жизнь, Мал, – прошептала я сквозь слезы. – У нашей истории не будет конца.

Я отступила, запоминая каждую черту любимого лица. Затем повернулась и пошла по проходу уверенным шагом. Мал обретет жизнь. Он найдет свое предназначение. Мне же нужно найти свое. Николай обещал дать мне шанс спасти Равку, возместить ущерб, который я нанесла. Он пытался, но этот подарок мог преподнести только Дарклинг.

– Алина! – крикнул Мал. Я услышала за спиной звук потасовки и догадалась, что его схватил Толя. – Алина! – Его голос был как сырая белая древесина, вырванная из сердца дерева. Я не оборачивалась.

Дарклинг ждал меня, его теневая стража парила и извивалась вокруг него.

Мне было страшно, но под страхом крылось и желание.

– Мы похожи, – сказал он, – как никто другой. Таких, как мы, больше нет и никогда не будет.

Меня пронзила правдивость этих слов. Подобное притягивает подобное.

Он протянул мне руку, и я оказалась в его объятиях.

Подняла руку к его шее, чувствуя шелковистое прикосновение волос к моим пальцам. Я знала, что Мал смотрит на нас. Хотела, чтобы он отвернулся. Чтобы он ушел. Подняла лицо к Дарклингу.

– Моя сила принадлежит тебе, – прошептала я.

В его глазах читались восторг и ликование, когда он прильнул к моим губам. Стоило нашим ртам соприкоснуться, как связь между нами открылась. В тех видениях, когда он приходил ко мне в виде тени, Дарклинг касался меня совершенно иначе. Но сейчас все происходило наяву, и я чувствовала, что могу утонуть в его поцелуе.

По мне текло могущество оленя, его крепкое сердце билось в наших телах – жизнь, которую он забрал; жизнь, которую я пыталась спасти. Но я также почувствовала силу Дарклинга, силу Черного Еретика, силу Каньона.

«Подобное притягивает подобное». Я ощущала ее, когда «Колибри» летела над Неморем, но слишком боялась принять ее. На сей раз я не противилась. Отпустила все свои страхи, вину, стыд. Внутри меня жила тьма. Дарклинг поселил ее там, и больше я не стану этого отрицать. Волькры, ничегои, все они – мои монстры. И он – тоже мой монстр.

– Моя сила – твоя, – повторила я. Его объятия стали крепче. – А твоя – моя, – прошептала я у самых его губ.

Моя. Слово пульсировало в моем теле, в нас двоих.

Теневые солдаты искажались и крутились.

Я вспомнила заснеженную поляну, каково это было, когда Дарклинг надел на меня ошейник и захватил контроль над моей силой. Мысленно потянула за нить между нами.

Он отпрянул.

– Что ты делаешь?

Теперь я знала, почему он не собирался лично убивать морского хлыста, почему не хотел формировать вторую связь. Он боялся.

Моя.

Я пробила себе путь через узы, выкованные ошейником Морозова, и захватила силу Дарклинга.

Из него полилась тьма; угольные чернила из ладоней, вздымающиеся и ползущие, принимали очертания ничегои, формируя руки, голову, когти, крылья. Первая из моих скверн.

Дарклинг пытался отстраниться, но я вцепилась в него мертвой хваткой, призывая его силу, призывая тьму, как он однажды призывал мой свет.

Появилась еще одна тварь, и еще одна. Дарклинг взвыл, когда они вырвались из него. Я тоже это почувствовала – как сжималось мое сердце всякий раз, когда теневой солдат отрывал от меня маленький кусочек, забирая плату за свое создание.

– Остановись, – прохрипел Дарклинг.

Ничегои беспокойно закружили вокруг нас, стрекоча и жужжа, быстрее и быстрее. Одного за другим я приносила в мир своих темных воинов, и рядом с нами начала выстраиваться новая армия.

Дарклинг застонал, и я вторила ему. Мы оба едва не падали, но я не сдавалась.

– Ты нас убьешь! – воскликнул он.

– Да.

Ноги Дарклинга подогнулись, и мы рухнули на колени.

Это уже не Малая наука. Это магия, нечто древнее, творение в сердце мира. Ужасающее, безграничное. Неудивительно, что Дарклинг желал большего.

Мрак гудел и клацал, полчища саранчи, жуков и голодных мух щелкали лапками и хлопали крыльями. Ничегои колебались и переформировывались, кружась в безумном вихре, подпитываемым его гневом и моим торжеством.

Новое чудовище. И еще одно. Из носа Дарклинга потекла кровь. Комната закачалась, и я внезапно осознала, что бьюсь в конвульсиях. Я умирала, медленно, с каждым монстром, вырывавшимся на свободу.

«Еще чуть-чуть, – подумала я. – Еще парочку. Лишь столько, чтобы отправить его в другой мир прежде, чем уйти за ним следом».

– Алина! – словно издали прозвучал крик Мала. Он оттягивал меня, пытался увести.

– Нет! – крикнула я. – Я должна закончить.

– Алина!

Мал взял меня за запястье, и по мне прошел удар тока. Через мглу крови и тени я увидела нечто прекрасное, словно через золотую дверь.

Он оторвал меня от Дарклинга, но не раньше, чем я призвала своих детей для заключительного увещания: *«Обрушьте»*.

Дарклинг осел на пол. Чудища выстроились вокруг него в завихряющуюся черную колонну, а затем врезались в стены часовни, сотрясая маленькое здание до самого основания.

Мал подхватил меня на руки и побежал по проходу. Ничего не бились о стены часовни. На пол сыпались куски штукатурки. Синий купол закачался на сотрясавшихся стенах.

Мал промчался мимо алтаря и нырнул в проход. В нос ударил запах влажной почвы и плесени, смешиваясь со сладковатым благовонием часовни. Парень быстро нес меня дальше, пытаясь сбежать от катастрофы, которую я устроила.

Откуда-то издали прозвучал оглушительный грохот – часовня обрушилась. Отдача с ревом пронеслась по проходу. Облако из грязи и обломков нагнало нас с силой встречной волны. Мал полетел вперед. Я кубарем выкатилась из его рук, и мир вокруг нас почернел.

* * *

Первым делом я услышала низкое ворчание Толи. Я не могла говорить, не могла кричать. Все мои мысли занимала боль и неумолимый груз земли. Позже я узнала, что они трудились надо мной часами, вдыхая воздух в легкие, останавливая поток крови и пытаясь залечить тяжелые переломы костей.

Я то теряла сознание, то приходила в себя. Во рту пересохло, губы склеились. Похоже, я прикусила язык. Услышала, как Тамара раздает приказы:

– Завалите оставшуюся часть туннеля. Нужно убраться отсюда как можно дальше.

Мал.

Где он? Похоронен под обломками? Я не могла позволить им уйти без него. Заставила свои губы произнести его имя.

– Мал. – Слышали ли они меня? Даже мне мой голос казался каким-то приглушенным и неправильным.

– Ей больно. Может, отключим ее? – спросила Тамара.

– Не хочу рисковать. Вдруг у нее снова остановится сердце? – ответил Толя.

– Мал, – повторила я.

– Оставь проход в монастырь открытым, – обратилась к кому-то Тамара. – Если повезет, он подумает, что мы пошли туда.

Монастырь. Санкта-Елизавета. Сады рядом с усадьбой Грицких. Я не могла привести мысли в порядок. Попыталась вновь произнести имя Мала, но губы не повиновались. Боль становилась всепоглощающей. Что, если я потеряла его? Будь у меня силы, я бы закричала. Я бы воспротивилась. Вместо этого я погрузилась во тьму.

* * *

Очнувшись, я почувствовала, что мир качается подо мной. Вспомнила, как проснулась на борту китобоя, и на секунду с ужасом заподозрила, что вновь нахожусь на корабле. Открыла

глаза и увидела высоко над собой землю и скалы. Мы шли по огромной пещере. Я лежала на спине на каких-то носилках, которые несли на плечах двое мужчин.

За сознание приходилось бороться. Большую часть своей жизни я чувствовала себя слабой и больной, но еще никогда не испытывала подобной усталости. Я была шелухой – опустошенной, очищенной. Если бы ветер мог задувать так глубоко под землю, меня бы сдуло без следа.

Несмотря на то что каждая косточка и мышца моего тела заныли в знак протеста, мне удалось повернуть голову.

На соседних носилках лежал Мал, которого несли всего в паре шагов от меня. Он наблюдал за мной, словно давно ждал, когда я проснусь. Парень протянул руку.

Собравшись с силами, я протянула свою руку за край носилок. Когда наши пальцы соприкоснулись, я услышала всхлип и осознала, что плачу. Я рыдала от облегчения, что мне не придется жить с бременем его гибели. Но вместе с благодарностью меня пронзило негодование. Я плакала от ярости, что мне вообще придется жить.

* * *

Мы преодолевали мили за милями, через проходы столь узкие, что приходилось опускать мои носилки на землю и толкать по камням, а также через проходы столь высокие и широкие, что туда бы влезли десять тележек с сеном. Не знаю, как долго мы шли. Под землей не существовало таких понятий, как день и ночь.

Мал оправился раньше меня и хромал рядом с носилками. Он получил травмы, когда туннель обрушился, но гриши его вылечили. А вот то, что я пережила, то, что я приняла – они исцелить не могли.

В какой-то момент мы остановились в пещере, полной свисающих сталактитов. Я услышала, как один из моих носильщиков назвал ее Пастью червя. Когда меня опустили, Мал тут же оказался рядом, и с его помощью мне удалось сесть, опираясь на стену пещеры. Даже от этого незначительного движения у меня закружилась голова, и когда Мал прижал рукав к моему носу, я увидела кровь.

– Насколько все плохо? – поинтересовалась я.

– У тебя бывали времена и получше, – признал он. – Пилигримы упоминали некий Белый собор. Подозреваю, туда мы и направляемся.

– Они доставят меня к Апрату.

Мал оглядел пещеру.

– Вот как он сбежал из Большого дворца после переворота. Как ему удавалось так долго избегать поимки.

– И как он появился и исчез с вечеринки. Усадьба находилась рядом с монастырем Санкты-Елизаветы, помнишь? Тамара привела меня прямо к нему, а затем позволила ему бежать. – Я услышала горечь в своем слабом голосе.

Мало-помалу мой одурманенный разум складывал кусочки головоломки воедино. Только близнецы знали о вечеринке, и они подстроили нам встречу с Апратом. Они уже находились среди паломников в то утро, когда я чуть не спровоцировала мятеж, когда наблюдала за рассветом вместе с верующими. Поэтому они так быстро меня нашли. Как только Тамара почувствовала опасность, то тут же исчезла из «Орлиного гнезда». Я знала, что близнецы и их солнечные воины единственная причина, по которой мы с гришами выжили, но их вранье все равно ранило мою душу.

– Как все остальные?

Мал посмотрел на побитую группу гришей, сидящую в тени.

– Они знают об окове, – ответил он. – И они напуганы.

– А о жар-птице?
Парень покачал головой.
– Вряд ли.
– Скоро я им расскажу.
– Сергей не в лучшей форме, – продолжил он. – Кажется, он все еще в шоке. Остальные держатся.

– А Жень?
– Они с Давидом идут в конце группы. Она не может быстро передвигаться. – Пауза. – Пилигримы зовут ее Сокрушенной.

– Мне нужно поговорить с Толей и Тамарой.

– Тебе нужен отдых.

– Сейчас же. Пожалуйста.

Мал встал, но замешкался. Когда он снова заговорил, его голос звучал хрипло.

– Тебе стоило предупредить меня о своем замысле.

Я отвернулась. Расстояние между нами увеличилось еще больше. «*Я пыталась освободить тебя, Мал. От Дарклинга. От себя*».

– А тебе стоило позволить мне прикончить его, – сказала я. – И дать мне умереть.

Когда я услышала, что он удаляется, я опустила голову. Дыхание выходило из меня короткими рывками. Набравшись сил, я подняла глаза и увидела перед собой стоящих на коленях близнецов с опущенными головами.

– Взгляните на меня.

Они повиновались. Рукава Толи были закатаны, и я увидела, что его огромные предплечья украшены солнцами.

– Почему вы просто не рассказали мне?

– Тогда ты бы ни за что не подпустила нас так близко к себе, – ответила Тамара.

Ее правда. Я и сейчас не знала, что о них думать.

– Если вы считаете меня святой, почему не дали умереть в часовне? Что, если этому суждено было стать моим мученичеством?

– Тогда ты бы погибла, – без промедлений ответил Толя. – Мы бы не успели найти тебя среди обломков, чтобы вернуть к жизни.

– Но вы позволили Малу вернуться за мной. Хотя дали клятву.

– Он сбежал, – ответила Тамара.

Я вздернула бровь. День, когда Мал вырвется из хватки Толи, и в самом деле станет днем чудес.

Великан повесил голову, и его широкие плечи затряслись.

– Прости меня, – сказал он. – Я не мог удержать его от тебя.

Я вздохнула. Вот тебе и священный воин.

– Вы служите мне?

– Да, – дружно произнесли они.

– Не священнику?

– Мы служим тебе, – свирепо ответил Толя.

– Что ж, посмотрим, – пробормотала я и взмахнула рукой, давая знак, что они могут идти. Близнецы встали, но я позвала их обратно. – Некоторые пилигримы начали звать Женью Сокрушенной. Первое и последнее предупреждение. Если они еще хоть раз произнесут это слово, отрежьте им языки.

Они даже не моргнули. Лишь поклонились и ушли.

* * *

Белый собор оказался пещерой из алебастрового кварца, да такой широкой, что она могла бы вместить город в свои сияющие глубины цвета слоновой кости. Стены были влажные и поросли грибами, соляными лилиями и поганками в форме звезд. Храм находился глубоко под Равкой, где-то к северу от столицы.

Я хотела встретить священника стоя, поэтому крепко схватилась за руку Мала, пока нас вели на встречу, пытаюсь скрыть дрожь в теле и то, сколько сил я затрачивала, чтобы держаться прямо.

– Санкта-Алина, – сказал Апрат. – Наконец-то ты к нам пришла.

Затем он упал на колени в своей потрепанной коричневой робе. Поцеловал мою руку, подол кафтана. Обратился к собравшимся в центре пещеры тысячам верующих. Когда он говорил, казалось, сам воздух дрожал:

– Мы восстанем, чтобы создать новую Равку! – взревел священник. – Страну, свободную от тиранов и королей! Мы поднимемся из-под земли и отгоним тени праведной волной!

Пилигримы внизу начали воспевать мое имя. *Санкта-Алина*.

В скале были вырезаны ниши, сиявшие слоновой костью и мерцавшие серебряными жилами. Мал помог мне дойти до моих покоев, заставил съесть пару ложек сладкой гороховой каши и принес мне кувшин свежей воды, чтобы наполнить тазик. В камне было вставлено зеркало, и я вскрикнула, увидев себя. Тяжелый кувшин разбился об пол. Моя бледная кожа обтягивала выступающие кости. Глаза зияли в синюшных впадинах. Волосы стали ломкими и белыми, как снег.

Я коснулась пальцами стекла. Мал встретился со мной взглядом в отражении.

– Нужно было предупредить тебя.

– Я похожа на чудовище.

– Нет, скорее, на *хитку*.

– Древесные духи питаются младенцами!

– Только когда голодны, – усмехнулся парень.

Я попыталась улыбнуться, ухватиться за этот проблеск теплоты между нами. Но вдруг заметила, как далеко от меня он стоит, убрав руки за спину, словно страж на смене. Мал не понял причину моих слез.

– Ты пойдешь на поправку, – сказал он. – Когда начнешь использовать силу.

– Конечно, – ответила я, отворачиваясь от зеркала и чувствуя боль и усталость всем своим естеством.

Я замешкалась и многозначительно покосилась на людей Апрата, расставленных у дверей в комнату. Мал подошел ближе. Мне хотелось прижаться щекой к его груди, спрятаться в его объятиях, послушать уверенное, человеческое биение его сердца. Но нет.

Вместо этого я тихо заговорила, едва шевеля губами:

– Я пыталась. Что-то не так.

Он нахмурился.

– Ты не можешь призвать солнце? – нерешительно переспросил он. Был ли это страх в его голосе? Или надежда? Беспокойство? Я не знала. От него исходила только настороженность.

– Я слишком слабая. И мы слишком глубоко под землей. Не знаю...

Я наблюдала за выражением его лица, вспомнив наш спор в березовой роще, когда он спросил, готова ли я перестать быть гришом. «Ни за что», – ответила я. Ни за что.

На меня нахлынуло отчаяние, густое и черное, тяжелое, как слой почвы над нами. Мне не хотелось произносить эти слова, не хотелось озвучивать страхи, которые сопровождали меня

на протяжении всего нашего долгого темного пути под землей, но я все равно заставила себя это сказать:

– Свет не откликается на мой зов, Мал. Моя сила исчезла.

ЭПИЛОГ

И вновь девочке снились корабли, но на сей раз они летали. У них были белые брезентовые крылья, а за штурвалом стоял лис с умными глазами. Иногда он принимал образ принца, который целовал ее в губы и преподносил драгоценную корону. Иногда – красной гончей с пеной на морде, кусающей ее за пятки, пока она бежала.

Время от времени ей снилась жар-птица. Та обнимала ее огненными крылами и держала, пока девочка горела.

Она знала задолго до прихода новостей, что Дарклинг выжил – значит, она снова потерпела неудачу. Его спасли гриши, и теперь он правил Равкой со своего теневого трона, окруженный ордой чудовищ. Стал ли он менее могущественным после случившегося в часовне – девочка не знала. Дарклинг древний, и сила знакома ему куда ближе, чем ей.

Его опричники врывались в монастыри и церкви, снимали плитки и вскапывали пол, выискивая заклинательницу Солнца. За нее предлагали награду, выдвигали угрозы, и вот на девочку снова началась охота.

Священник клялся, что здесь она в безопасности, в этой огромной паутине проходов, пересекающих Равку, словно линии тайной карты. Некоторые заявляли, что туннели проделали армии верующих, и что на их строительство потребовались сотни лет и топоров с кирками. Другие утверждали, что это работа чудища – огромного червя, который поглотил почву, камень, корни и гравий и выдолбил подземные пути, ведущие в древние священные места, где до сих пор читались полузабытые молитвы. Девочка знала лишь то, что ни одно место не останется безопасным надолго.

Она взглянула на лица своих последователей: старики, женщины, дети, солдаты, фермеры, осужденные. Но видела только трупы, очередные тела, которые Дарклинг возложит у ее ног.

Апрат рыдал, выкрикивая благодарности за то, что заклинательница Солнца жива, что ее вновь пощадили. Но в его диких черных глазах девочка читала и иную правду: мертвая мученица приносит меньше проблем, чем живая святая.

Молитвы верующих возносились вокруг мальчика и девочки, раскатываясь и умножаясь под землей, отскакивая от огромных каменных стен Белого собора. Апрат сказал, что это место священо – их пристанище, святилище, дом.

Мальчик покачал головой. Для него это место выглядело как темница.

Разумеется, он ошибался. Девочка видела это по тому, как Апрат смотрел на нее, когда она с трудом вставала на ноги. Слышала это в каждом слабом ударе своего сердца. Это место – не тюрьма. Это могила.

Но девочка много лет была невидимкой. Она и так вела жизнь призрака, спрятавшись от всего мира и от себя. Ей лучше других была известна сила давно похороненных вещей.

По ночам она слышала, как мальчик ходил туда-сюда за пологом ее комнаты, стоя в дозоре со златоглазыми близнецами. Девочка тихо лежала в кровати, считала свои вдохи и мысленно стремилась на поверхность, пытаясь нащупать свет. Она думала о разрушенном скифе, о Новокрибиске, о красных именах, заполнивших шероховатую стену церкви. Вспоминала груды тел, сваленных под золотым куполом; вспоротое тело Марии; Федора, однажды спасшего ей жизнь. Слышала песни и призывы пилигримов. Думала о волькрах и Жене, свернувшейся клубком в темноте.

Девочка коснулась ошейника на горле, оковы на запястье. Столько мужчин пытались сделать ее королевой. Теперь она понимала, что родилась для большего.

Дарклинг сказал, что ему суждено править. Он завладел своим тронem и частичкой нее. И никто ему не препятствовал. Но во имя живых и мертвых она заставит его поплатиться.

Она взойдет.

Благодарности

Беда благодарностей в том, что они быстро превращаются в длинные списки имен, которые легко пропустить. Но для создания книги требуется огромное количество людей, и они заслуживают признания, так что, пожалуйста, потерпите. (Если станет скучно, советую пропеть этот текст. Найдите друга, который зачитает вам битбокс. Я подожду.)

Став автором, первым делом вы поймете, как сильно нуждаетесь в своем агенте: чтобы она была дипломатом, терапевтом, адвокатом, а иногда даже драчуном. Мне чертовски повезло, что замечательная Джоанна Вольп может примерить на себя любую из этих ролей. Море благодарностей всей команде в «New Leaf», включая Пуйю Шахбазяна, Кейтлин Ортиз и Даниэля Бартеля.

Мой редактор Ной Уилер определенно мастер Малой науки. Он подталкивает там, подначивает здесь, задает вопросы, которые не хочется слышать, и в итоге история трансформируется в нечто лучшее. Как по мне, это волшебство.

Также хочу поблагодарить всех в «Макмиллан Холт». Я обожаю это почтенное, крутое, гениальное издательство и горжусь, что являюсь частью него. Особая благодарность Джин Фейвел и Лауре Годвин, которые приложили все усилия для создания этой серии, яростному Ангусу Киллику, обаятельной Элизабет Фитиан, смотрящей в корень Эллисон Верость, удивительной Молли Брюллетт и Джону Ягеду – ты все еще рулишь. Ксения Винницкая, моя подруга и фанатка серии, без устали поддерживала контакт с блогерами. Кейт Лайд организовала тур с «Фирс Ридз». Карен Франжипан и Кэтрин Бируд сделали прекрасный трейлер для «Тени и кости» (вот как рождается великое, сынок). Я благодарна Ричу Диасу, Эйприл Уорд, Эшли Халси, Джен Ванг и Кейт Томпсон, которые превращают книги в искусство. А также Марку фон Баргену, Ванессе Кронин и всем замечательным людям из отдела продаж, которые помогли моим книгам попасть в руки читателей.

Теперь давайте поговорим о моей армии: храброй и чудесной Мишель Чихара из thisblueangel.com; Джошуа Джой Каменски, поддерживающего меня музыкой, шутками и добротой; Морган Фахи – смелой женщине, которая делает смелые заявления, а также великодушной читательнице и отличному военному советнику; Саре Мисл из sunsetandecho.com, которая понимает структуру, сердце и историю, и как они соединяются; и Лиз Гамильтон (ака Зенит Надир из «Смерти любимых»), которая умеет снимать копии и делать коктейли как никто другой. Гаминн Гвиллот, которая оживляла мир гришей с терпением и безошибочным чутьем. Лучи любви Питеру Бибрингу, Брендону Харви, Дэну Брауну, Джону Зерольнику, Майклу Пессу, Хизер Репеннинг, Курту Маттиле, Рико Гальяно, Кори Эллис, Уильяму Лекснеру и «Братству без знамен» (в частности Энди и Бэну Галуша, Леди Нарциссе, Кэти Раск, Ли и Рейчел Гринберг, Рентгену Исполнителю, Блэкфайру, Адаму Тешу и Горному Козлу), Энн Кингман из «Книг на тумбочке», И. Аарону Уилсону и Лауре Реччи, Лори Уилер, Вивиан Гебел из HebelDesign.com, Дэвиду Питерсону, Аману Чодхари, Трейси Тейлор и Роми Кортьер. Эти люди поддерживали меня и трилогию о гришах на каждом шагу, и я не могу передать вам, как сильно ценю и люблю их. Хотелось бы выразить отдельную благодарность Рэйчел Тежаде, Остину Уилкину, Рэю Тежаде, которые помогли мне расширить мир гришей своей бесконечной фантазией и поддержкой.

Некоторые супергении помогли мне сделать невероятное возможным: милая Хизер Джой Каменски объяснила мне логику зеркальных тарелок Давида; Джон Уильямс помог построить «Колибри»; Дэйви Кригер давал советы по оснастке и строению кораблей, а также по всем остальным вопросам, касающимся навигации и моря (хотя он, скорее всего, придет в ужас, когда увидит, какие я позволила себе вольности).

Большое спасибо вдохновляющим дамам из «Паб(лишинг) Кроул» – в особенности Эми Кауфман, Сюзан Деннард и Саре Дж. Маас. А также Джейкобу Клифтону, Дженн Раш, Эрике О’Рурк, Лии Кийз, Клэр Легранд, Анне Бэнкс (как ты *отважилась!*), Эмми Лайборн и «Апокалипсисам». Несколько выдающихся писателей яростно поддерживали эту трилогию с самого ее зарождения: Вероника Рот, Синда Уильямс Чайма, Синан МакГваер, Алисса Розенберг и неповторимая Лэйни Тейлор. Наконец, спасибо моей команде из Лос-Анджелеса – особенно Дженн Босворт, Эбби МакДональд, Гретхен МакНил, Джессике Броди, Джессике Морган, Джулии Коллард, Саре Уилсон Этьен, Дженн Риз и Кристен Киттшер. Дамы, без вас я бы рехнулась. Спасибо, что защищали мою здоровую (по большей части) психику.

Я посвятила эту книгу своей матери, но она заслуживает дополнительной благодарности. Я бы не справилась с редактированием первого черновика «Штурма и бури», если бы она не читала страницы, не подбадривала меня и не подкармливала снеками из морепродуктов. Она превосходная мама и отличная подруга. Раздражительная. Сварливая. Непокорная. Это наши слова.

Я в вечном долгу перед невероятными продавцами книг, библиотекарями и блогерами, которые обсуждали «Тень и кость» и навязывали ее друзьям, посетителям и зазевавшимся прохожим.

И, наконец, моим изумительным читателям: спасибо вам за каждое письмо, каждый твит, каждую гифку. Я благодарна вам каждый день.